

P

от Роланда
и Меч Тильома

ББК 84Р7
Я82

Художник Александр Лыткин

Оформление А. Лыткина
при содействии М. W. Art

Яснов М. Д.
Я82 Рог Роланда и меч Гильома / Худ.
А. М. Лыткин. — М.: ТЕРРА, 1996. — 480 с.:
ил. — (“UNICORNIS”).

ISBN 5-300-00365-4

«Рог Роланда и меч Гильома» — это прозаическое переложение древнего французского эпоса, воспевающего рыцарскую доблесть и благородство.

Во всем своем великолепии встают перед читателем могучие рыцари из седой древности, когда жили на земле не ведающие страха бойцы.

Я 4702010000-141 Без объявл.
А30(03)-96

ББК 84Р7

ISBN 5-300-00365-4

- © Издательский центр «ТЕРРА», 1996
- © М. Яснов, 1996
- © А. Лыткин, иллюстрации, оформление, 1996
- © Т. Кейн, В. Медведев, макет, знак серии, декоративные шрифты, оформление, 1996
- © M.W. Art, дизайн серии, макет, 1996
- © “Северная Звезда”, подготовка текста, 1996

МИХАИЛ ЯСНОВ

**РОГ РОЛАНДА
И МЕЧ ГИЛЬОМА**

**МОСКВА
«ТЕРРА» — «TERRA»
1996**

Р **ОТ**
Р **ОЛАНДА И**

М **ЕЧ**
Р **ИЛЬОМА**

ЭПИЗОДЫ ФРАНЦУЗСКОГО
ГЕРОИЧЕСКОГО ЭПОСА
КОТОРЫЕ РАССКАЗАЛ ДЛЯ
ДЕТЕЙ МИХАИЛ ЯСНОВ

ИСТОРИЯ ПЕРВАЯ

Рожа святого Генифора. —
“Имея франка другом, но
не имея соседом”. — Де-
зидерий и Октер. — Желез-
ный Карл. — Тягня воско-
вой таблички. — Роланд
родился! — Отчим и пасы-
нок. — Роланд у Карла. —
Поединок, подстроенный
Ганелоном. — Явление Дю-
рандья. — Странный по-
сланец султана Абдур-
рахмана. — Маркграф
Бретонской марки.

х, бедняжка, до чего же он слаб!

– Пора бы и заговорить, а он – ни слова!

– Худой и неуклюжий, смотреть не на что!

– Неужели эта ладошка сожмет когда-нибудь рукоять меча?

Четыре кормилицы, привычно вздыхая, суетились над малышом, который морщил личико и вот-вот готов был зареветь при виде грозной фигуры старого аббата, пришедшего под вечер навестить своего крестника.

В окна детской падал скупой свет холодного северного солнца, и флюгер на донжоне, главной башне замка, посверкивал металлом. Серые стены, бурая земля да капля зелени невдалеке от замковых ворот – вот

все, что можно было разглядеть из узких окон небольшой сводчатой комнаты, в которой уже третий год рос вдали от родного дома королевский племянник маленький Роландин.

Там, за воротами, где в скучный темный пейзаж вривалась зелень рощи святого Генифора, слышались женские голоса и топот возвращающегося домой стада.

— Нет уж, вы как хотите, — сказала одна из кормилиц, едва за строгим аббатом закрылась дверь, — а я отнесу сегодня нашего Роландина в святую рощу!

Кормилицы помладше только переглянулись. Не слишком-то они верили в эту крестьянскую легенду о святом Генифоре, хотя вокруг и поговаривали, что если в полночь принести в рощу больного или слабого ребенка, то божественные силы могут исцелить маленького страдальца.

Когда-то неподалеку от этой рощи жил славный рыцарь, у которого долгие годы не было детей, но однажды судьба над ним смилостивилась и подарила ему

долгожданного наследника. Глаз не спускал с сына счастливый отец. Однако нянька в недобрую минуту отлучилась от колыбели новорожденного, и на младенца напал огромный змей. Малыш, сладко спавший в колыбели, не успел даже вскрикнуть, как вдруг из-под колыбели выскочил навстречу змею борзой пес Генифор, который не раз охотился с хозяином в окрестных лесах и знал повадки всех лесных тварей, что встречались ему на пути в этих отдаленных походах. Бросился Генифор на змея, одолел его и загрыз. Да вот беда: во время их борьбы колыбель опрокинулась и спящий ребенок упал в мягкую солому, что была настелена под люлькой.

Вернулась нянька, хватилась младенца и увидела, что вся морда у пса в крови. Бедная женщина вообразила, будто ребенка сожрал пес, и завопила что есть мочи. На ее причитания прибежал рыцарь, не долго думая выхватил меч и зарубил Генифора.

Тут-то и обнаружилось, что младенец целый и невредимый, спит себе под

перевернутой колыбелькой. Горько раскаялся рыцарь в опрометчивом убийстве верного своего друга. Велел похоронить его с почестями и посадить на его могиле деревья.

Прошли годы. Деревья превратились в молодую рощу, и народ дал ей имя святого Генифора. Многие уже и не помнят, кто такой святой Генифор, но летними вечерами, как то повелось у окрестных мамушек и нянюшек, приносят они в рощу больных детей и зажигают свечи у подножия высоких и стройных деревьев.

Шумит ветер в кронах. Кормилица, укрыв Роландина под широкой накидкой, спешит за крепостную стену. Быстро темнеет в роще. Холодные звезды сверкают над необъятной Бретанью, над маленьким городом Ванном, над окраиной огромного государства непобедимого короля франков Карла Великого.

“Господи, — молится сердобольная женщина, — дай силы моему бедному дитяти, дай удачи его отцу-изгнаннику, дай

мужества несчастной матери выдержать эту разлуку...”

Она зажигает восковую свечку и втыкает ее в сырой песок подле высокой сосны. Маленький Роландин спит, укрытый от ветра теплой накидкой кормилицы.

А в это время его дядя, могущественный Карл Великий, ужинает в своем дворце в славном городе Ахене, а с ним его верная дружина и никем не побежденные вожди-паладины.

Карл был таким знаменитым правителем, что именно по его имени стали и другие монархи именоваться “королями”. Им было кого брать за образец! Долгие годы правил Карл и долгие годы оставался самым сильным и мужественным рыцарем в своем неисчислимом войске. Ростом он был высок, широк в плечах, розоволиц и полон здоровья. Разве что его каштановые волосы да густая борода побелели со временем, отчего в многочисленных песнях, которые распевали странствующие певцы-жонглеры, он всегда был седебородым — и всегда непобедимым.

Карл Великий любил пировать и охотиться, издавать указы и строить соборы, возводить крепости и устраивать турниры. Но больше всего он любил завоевывать новые земли и силой оружия подчинять язычников на севере и на юге. Карл знал толк в настоящем войске и в настоящем оружии. Его меч, который носил звучное имя Жуайёз, что значит Радостный, и вправду всегда приносил только радость своему повелителю. Одним ударом меча Карл мог разрубить на две части рыцаря в стальной кольчуге. Силе короля дивились, мощи его опасались. А мудрецы говорили: "Имей франка другом, но не имей соседом".

И вправду, кому захотелось бы соседствовать с королем, для которого суший пустяк завоевать с десятков городов или прибрать к рукам целое государство?

При дворе Карла всегда толпился странствующий люд, плативший доброй молвой за королевское гостеприимство.

— Наш повелитель, — говорили друзья и слуги короля, — так могуч и высок, что он

решил выкроить королевство по своему росту...

— Да-да, — подхватывали злые языки, — поэтому он перекроил все географические карты и создал такую империю, в которой даже при своем росте может прогуливаться сколько угодно, не опасаясь задеть за границы...

Карл покорил огромную Галлию — от Альп до Северного моря, от устьев Рейна до Пиренеев — и завоевал десятки народов — аквитанцев и баварцев, аваров и арабов, саксов и бургундов. А что за войско было у Карла! Однажды во время войны с лангобардами Карл подошел со своей дружиной к их столице — городу Павии. Тогда Дезидерий, король лангобардов, и Октер, один из его ближайших соратников, взошли на самую высокую башню, откуда было видно далеко окрест. На горизонте двигались бесконечные обозы. И спросил Дезидерий Октера:

— Это идет армия Карла?

Но тот ответил:

— Подожди, еще нет.

Потом появились войска, в которых были собраны люди со всех уголков земли, и король снова спросил Октера:

— Наверное, Карл ведет всех этих великолепных воинов?

Но Октер опять ответил:

— Нет еще, подожди.

Испугался тогда Дезидерий и спросил:

— Что же мы будем делать, если те, с кем он придет, окажутся еще многочисленней?

— Сам увидишь, когда он придет, — ответил Октер. — Что будет с нами — не знаю.

И вот плотной стеной окружили город полки. Увидев их, Дезидерий воскликнул:

— Вот он — Карл!

Но Октер опять ответил:

— Нет, еще не он.

— Пойдем отсюда, — прошептал Дезидерий, — спустимся вниз, спрячемся в подземелье, лишь бы не видеть этого жуткого зрелища!

Тогда Октер, которому была введена ни с чем не сравнимая сила Карла, проговорил, и голос его дрогнул от страха:

— Когда увидишь, что в полях колосятся железные всходы и железные валы катятся на город, знай — это Карл.

Едва он умолк, как все вокруг покрыла черная туча, и только клинки сверкали, подобно молниям. И они наконец увидели Карла. На голове Карла — железный шлем, руки его — в железных наручах, грудь и широкие плечи покрыты железными латами, левая рука высоко вздымает тяжелое копье, в правой — непобедимый меч. И конь его поблескивал тяжелой броней. И свита была под стать королю.

Вот таким был великий Карл, и характер его был железным. Чего стоит одна история с его любимой сестрой Бертой, в которой Карл души не чаял!

В те времена, когда Карл совершал еще первые свои походы, состоял в его свите владетельный герцог Милон Англерский. Это был достославный муж, известный

знатностью рода и искусностью ума. К тому же был он красив, любезен и исполнен такой веселости, что во всех, кому случалось его видеть, возбуждал расположение. Придворные короля и его многочисленные князья почитали Милона, и сам Карл любил его как родного брата.

Мудрено ли, что Берта и не заметила, как влюбилась в герцога. Вот была пара: статный черноволосый рыцарь и светлолицая красавица, белокурая королевна! У всякого, кто их видел вместе, сердце щемило от красоты и сладкой тайны чужой любви.

Однако Милон боялся разгневать короля, видя, что тот подыскивает для сестры мужа познатнее. Берта же, мысленно оценивая всех остальных баронов, не видела ни одного равного Милону. И так она была в него влюблена, что не могла ни пить, ни есть.

Однажды, запершись у себя, она достала восковую табличку и палочкой-стилем написала Милону записку быстрым, красивым и четким почерком, вкладывая в каждую букву свою безграничную любовь. Верная

служанка отнесла записку барону, который был до глубины души поражен чистотой и откровенностью юной королевы. На другой стороне таблички, уже не таясь, Милон написал Берте о своей любви.

Счастливая королева оставила себе на память восковое письмо Милона и стала встречаться с возлюбленным втайне от брата, надеясь на то, что ее любовь в конце концов победит упрямство всемогущего короля.

В те редкие минуты, когда Карл не воевал, не охотился, не пировал и не занимался государственными делами, он упражнял свою неопытную, привыкшую к тяжелому мечу руку, перенося на восковые таблички мудрые мысли монаха Алкуина, с которым состоял в давней переписке.

“Буква, — выводил он неуклюже, повторяя прописи ученого монаха, — есть страж истории. Слово — изменник души. Язык — бич воздуха. Письмо — немой вестник...”

Кто теперь скажет, как попала к Карлу восковая табличка с письмом Берты

и ответом Милона? Король рассвирепел и в одночасье лишил Милона всех званий, а заодно и всего его добра. Знатный и богатый рыцарь превратился в безвестного бедняка, не имеющего за душой и медного денария.

Не в силах он был вынести такого унижения и пошел прочь с королевского двора — пешком, подобно простолюдину. На веки распрощался Милон со своей возлюбленной, с добрым конем, с верными слугами. И только меч оставался при нем — на крепкой перевязи и в кожаных ножнах, обтянутых сверху для прочности белым навощенным полотном.

Напрасно бедная Берта умоляла Карла вернуть доброго рыцаря.

— Сестра, — отвечал ей король, — я дам вам в мужья того, кого сам сочту достойным вашего положения...

— Ах, сударь, — с горечью улыбнулась королевна, — мое положение таково, что скоро у меня родится ребенок, и вряд ли найдется благородный барон, который решится усыновить чадо опального герцога.

Узнав эту новость, Карл был вне себя от ярости: он так хотел породниться с каким-нибудь могущественным соседом и с помощью своей сестры присоединить к своей милой Франции еще одну богатую провинцию!

Но делать нечего. Вскоре родился у Берты сын, которого назвали Роландом и дали ему также прозвище — Несравненный. Карл повелел показать ему ребенка и совсем пришел в уныние, увидев, какой тот чахлый и некрасивый. Король призвал к себе одного старого аббата и сказал:

— Вы стали крестным отцом моего племянника. Поэтому отдаю его вам на воспитание. Отправляйтесь в Бретань, в город Ванн, во владения бывшего герцога Англеского. Граф Роландин должен вырасти крепким и здоровым рыцарем и стать повелителем всей пограничной области — Бретонской марки. Возьмите ему четырех кормилиц. А я дам ему четырех начальников над челядью: одного — сенешаля, другого — каштеляна, третьего — майордома,

четвертого — конюшего. Кроме того, я прикажу, чтобы ему отдали маленькую верховую лошадь. Через три года он обязан сидеть в седле как добрый рыцарь. А через семь я жду вас, сударь, в моей столице и сам проверю, на что годен маленький маркграф!

...Шумит ветер в кронах. Холодные звезды сверкают над необъятной Бретанью, над городом Ванном, над окраиной огромного государства непобедимого короля франков Карла Великого.

А на юге в это время неверные сарацины стали выступать за пределы своих земель и отвоевывать у Карла то пограничную крепость, то большой город; жгли посевы, уводили стада, а простых крестьян-вилланов превращали в своих рабов.

Собрал Карл войско и послал его в сарацинские пределы. Опустошили франкские воины землю мавров и вернулись к Карлу в Ахенский дворец. Тогда сарацины собрали свое несметное войско, пошли в Галлию и снова схлестнулись там с франками.

Множество неверных пало в той битве, но и Карл недосчитался многих рыцарей.

Более всех отличился в этих сражениях один из придворных Карла — граф Ганелон. Не столько мужеством и силой брал он верх над врагами — росту он был небольшого и, хотя в совершенстве владел оружием, не слишком часто пускал его в дело, — сколько хитростью и коварством. Видел Карл, что за птица Ганелон, но понимал, что не всегда можно одолеть врагов с помощью силы и оружия, а потому оценил способности графа и стал привечать и приближать его к себе. А когда заметил правитель, какие нежные взгляды бросает Ганелон на сестру его Берту, решил, не раздумывая, выдать за него королеву. Понадеялся Карл, что станет граф добрым наставником Роландину, а своим хитроумием и ловкостью поможет королю в его походах и сражениях.

Между тем минуло семь лет, и Карл призвал к себе племянника. Однажды утром объявился у королевского крыльца юный

паж на невысокой верховой лошадке, а с ним еще сорок юношей изящной внешности; ни у одного еще нет ни усов, ни бороды, каждый одет в шелковые ткани и пурпурный плащ. На самом паже горностаевая шуба, а под ней рубашка из лучшего полотна; сапоги из кордуана, отороченные дорогим мехом; станом паж красив и строен, а взгляд его смелей, чем у леопарда или льва.

Спрыгнул паж с коня, взошел по ступеням и остановился лишь тогда, когда дошел до самого Карла.

— Всемилостивейший государь, — сказал паж, — приветствую вас именем Бога нашего, претерпевшего страсти!

Обрадовался Карл вежливости и набожности юного пажа.

— Пусть и тебя сохранит Бог, который был нашим искупителем! — ответил король. — Откуда ты, из какой земли и как тебя зовут?

— Государь, — поклонился паж, — я зовусь Роландом, я прибыл из Бретани, я

сын вашей сестры и герцога Милона Англеского.

Карл выслушал Роланда и бросил быстрый взгляд на графа Ганелона, стоявшего в королевской свите поодаль от золотого престола. Ни один мускул не дрогнул на лице графа: Ганелон ни помрачнел, ни улыбнулся при виде своего пасынка. Тогда взял Карл Роланда за рукав его горностаевой шубы и четырежды поцеловал в губы и подбородок.

— Милый племянник, — сказал он, — мы рады видеть вас здоровым и невредимым. К тому же, как я вижу, наставления моего аббата пошли вам на пользу. Отдыхайте с дороги. А мы устроим в вашу честь турнир. И хотя вы еще слишком юны и не препоясаны мечом, как настоящий рыцарь, я надеюсь, у вас хватит силы и ловкости сразиться с достойным соперником.

Тут выступил Ганелон и сказал:

— Государь, не сомневаюсь, что юный Роланд не осрамит имя вашей сестры и мою к нему привязанность: я готов полюбить

его как родного сына. Африканский султан Абдуррахман прислал вам в подарок марокканского львенка. Его сопровождает посланец султана. Вот и соперник нашему герою!

— Негоже выбирать в соперники мирного посланца, — нахмурился Карл.

— Он язычник, государь! — возразил граф.

— Я готов сразиться с любым, кто примет мой вызов! — запальчиво ответил Роланд.

— Хорошо, — улыбнулся король. — Ступайте, милый племянник, и помните: если вы окажетесь победителем, мы посвятим вас в рыцари, несмотря на ваш юный возраст!

И Роланд удалился в окружении сыновей самых знатных баронов Карла Великого. По правую руку от него шел первый его товарищ Оливье, по левую — юный граф Эмери Нарбоннский.

Следом и граф Ганелон покинул дворец и напрямик направился к зверинцу короля Карла. Карл был любителем диковинных зверей, и зверинец его славился далеко за

пределами Ахена. На широком лугу, обнесенном оградой, были устроены загоны. В роскошных убранствах на привязи стояли кони. Рядом находились мулы и огромные верблюды. Рычали львы и леопарды. Крепкой золотой цепочкой была прикована к столбу хищная рысь. Павианы, мартышки, медведи, ласки, барсуки резвились кто как умел на зеленой траве возле своих нор и грубо сколоченных укрытий от дождя и ветра. Рядом со зверинцем был раскинут шатер посланцев султана. У входа сидел черноволосый человек, опаленный африканским солнцем, и ласкал маленького львенка. Малыш жмурился на солнце и лизал руки хозяина.

— Сударь, — окликнул иноземца граф Ганелон. — Завтра наш король устраивает турнир в честь приезда своего племянника. Тот еще совсем мальчишка, но, узнав о вашем присутствии, решил вызвать вас на поединок. Я вижу, сударь, вы стройны и сильны, и, хотя прибыли с неверными, надеюсь, у вас хватит ловкости и ума немного проучить дерзкого отрока. Не стану скрывать:

мальчишка горд, высокомерен и набожен и готов сразиться с любым язычником, даже с таким мирным посланцем, как вы. Настоящему воину не пристало отказываться от поединка с кем бы то ни было, особенно тогда, когда ваш противник за глаза называет вас трусом и готов всему свету доказать ничтожность вашего оружия.

Наутро за стенами Ахенского дворца возле поля для турниров был раскинут королевский шатер. Его покрывала белая парча, окаймленная широкой пурпурной полосой; золоченые гербы, нашитые поверх парчи, сверкали под солнцем, привлекая окрестных жителей на неожиданный праздник. Около северных ворот, ведущих на боевое поле, разместились двенадцать роскошных шатров самых именитых рыцарей — пэров. К воротам уже спозаранку стал стекаться народ: богатые дружинники на конях и пешие воины, простой люд — вилланы и ремесленники, жонглеры и фокусники. Вся эта разношерстная толпа криком приветствовала появление короля, его сестры Берты,

вельмож и духовенства в праздничном облачении.

И сам Карл, обыкновенно предпочитавший простоту и скромность одежды, на этот раз явился во всем своем великолепии. Вместо полотняной рубахи он надел шелковую тунуку, а поверх нее — мантию, затканную золотом; его обувь была выложена драгоценными камнями, на седых кудрях красовалась золотая корона, а знаменитый королевский меч Жуайёз висел на перевязи из чистого серебра.

А вот и юный Роландин на своей низкорослой лошадке. И хотя был королевский племянник совсем еще мальчиком, его не по-детски мужественное лицо, приветливый взгляд, гордая осанка и отменное оружие внушали одновременно и уважение, и страх, и приязнь. В правой руке он свободно держал длинное копьё, левая лежала на рукояти небольшого, но ладного меча.

Появился и иноземец, выбранный Карлом для поединка с Роландом. На легком

скауне, в мягкой кольчуге из тройных колец, в великолепном сарацинском шлеме, до того он был красив и благороден, что все зрители невольно им залюбовались. Меч его покоился на крепкой перевязи в кожаных ножнах, обтянутых сверху белым навощенным полотном.

“Хорош! — подумал король. — Он мог бы стать соперником моим самым славным рыцарям!”

“Какой мужественный боец! — подумал Роланд. — Мне будет нелегко его одолеть!”

“Племянник короля совсем ребенок, — подумал иноземец. — Я не могу сражаться с детьми!”

“Если он покалечит этого маленького паршивца, — подумал граф Ганелон, — для меня будет сегодня самый счастливый день”.

А сестра короля Берта побледнела и впи-лась глазами в статную фигуру чужеземца и в белое полотно его ножен.

— Государь, — прошептала она, — прошу вас, прикажите отменить поединок!

— Дорогая сестра, — улыбнулся король, — уверяю вас: маленький Роландин не даст себя в обиду. Он все-таки королевский племянник!

И Карл приказал своим герольдам начать это занятное представление.

По сигналу Роландин прищпорил свою лошадь и с копьем наперевес бросился на противника. Длинный копейный флажок вытянулся вслед грозному острию; щит, висевший на шее Роланда, укрыл его тонкую, но крепкую фигуру; казалось, у лошади не четыре, а восемь ног — так быстро она скакала по боевому полю. Еще мгновение — и копье Роланда вонзится в чужеземца. Но тот легким движением отстранился от смертоносного оружия, даже не тронув узды своего коня.

Король нахмурился, Ганелон чуть заметно улыбнулся, Берта стала белее полотна.

Роланд развернулся и снова бросился на противника. На этот раз копье юного рыцаря угодило прямо в щит африканца. Тот покачнулся, однако усидел в седле.

Король улыбнулся, Ганелон нахмурился, Берта до боли впилаь руками в подлокотники своего кресла.

Третий удар Роланда поверг его противника наземь. Чужеземец явно не ожидал от юного рыцаря такого удара: он неловко упал на траву и вскрикнул от боли.

Над толпой пронесся вздох разочарования — все ждали долгого боя, но друзья и наперсники Роланда громкими криками приветствовали победу своего товарища. Слуги чужеземца оттащили его с поля, а затем понесли хозяина в сторону королевского зверинца, в африканский шатер.

Король был доволен, Ганелон кусал губы, Берта неподвижно сидела, глядя, как к ней подъезжает ее сын-победитель.

— Милый племянник, — воскликнул Карл, — вы превосходно провели поединок. Ваш противник уклонился от продолжения боя не по трусости, но видя перед собой зрелого и мужественного бойца. С сегодняшнего дня вы можете считать себя настоящим рыцарем. Я приказал вам выковать

меч Дюрандаль — тверже не сыщешь на земле оружия не только потому, что его лезвие крепче кремня, но и потому, что нет крепче веры, с которой вы будете побеждать своих врагов. В рукоять вашего меча вделана кровь святого Василия, нетленный зуб святого Петра, волосы Дионисия, Божия человека, и обрывок ризы Приснодевы Марии. Вы получаете сей меч, который дается вам с благословения Господа. Он даст вам силы в любом сражении, он укрепит вашу руку, он повергнет в прах ваших недругов!

Под восторженные крики толпы Роланд поднял меч над головой, и острое лезвие сверкнуло на солнце. Тяжел меч Роланда. Юному рыцарю еще трудно с ним совладать. Но теперь он, меч, будет растить своего героя, вливать в него силу, пестовать его удачу. Ибо тот рыцарь, в чью руку вложен Дюрандаль, становится неустрашимым и благородным бойцом!

Во время обильного пиршества, устроенного королем Карлом в честь племянника,

мать победителя послала свою верную служанку справиться о самочувствии побежденного. Та сообщила, что чужеземец здоров, неловкое падение с лошади не причинило ему ощутимого вреда. И когда Карл и его палadini, утомленные после шумного дня и сытной еды, отправились на отдых, в отдаленных покоях Берты состоялась ее встреча с чужеземцем.

Нетрудно догадаться, что в почерневшем от южного солнца африканце Берта признала своего возлюбленного Милона, отца Роланда. Солнце и ветер иссушили его кожу, некогда безусое лицо покрывала густая борода, но он по-прежнему оставался силен и строен, и южный загар еще больше оттенял в его чертах врожденную приветливость и благородство. Полотняные ножны, которые Берта некогда сама украшала вышивкой, скрывали меч Милона, с которым он никогда не расставался.

— Сударь, — спросила Берта, — знаете ли вы, с кем судьба свела вас сегодня на турнире?

— Нет, — ответил Милон, — но доблестный рыцарь был так юн и хорош собой, так умел и отважен, что я не мог поднять на него руку. Поверьте, мое падение с лошади было только предлогом прекратить поединок.

— Это был ваш сын, сударь, маркграф Бретонской марки Роланд, прозванный Несравненным.

Это известие поразило Милона.

— Господи, — прошептал он, — ты упас меня от сыноубийства... Однако, — голос герцога посуровел, — мне известно, что ваш брат отдал вас замуж за графа Ганелона. Граф принял меня за язычника и передал вызов от Роланда на поединок.

— Милый герцог, — вздохнула Берта, — Ганелон ненавидит Роланда. Он боится, что этот мальчик превзойдет его доблестью и славой. Вам он передал вызов Роланда, а Роланду сказал, что это вы вызываете его на бой. Не сомневаюсь, он жаждал, чтоб вы убили нашего сына! Но поскольку всемогущий Господь сохранил жизнь ему и вам,

расскажите скорее, что с вами было и почему вы прибыли к нам в таком странном обликии?

— Сударыня, — отвечал Милон, — только любовь к вам заставила меня вернуться в эти края. Я должен был вас увидеть, должен был сказать вам эти слова! Карл лишил меня всего, прогнал меня со двора — это великая несправедливость! Я был простым дровосеком и должен был зарабатывать себе на пропитание. Тогда я отправился в Африку и поступил на службу к султану Абдуррахману. Да, служба у язычника не красит доброго христианина. Но Абдуррахман — справедливый правитель, за верность он одарил меня богатством и окружил почетом. Я воспитывал его сына Мурада и однажды с помощью Господа спас мальчика от неминуемой смерти.

Однажды, когда Мураду исполнилось семь лет, он пришел к отцу и сказал:

— Государь, я хочу иметь ятаган, который вы носите на поясе!

— Тебе не хватает игрушек? — спросил султан. — Для чего тебе оружие?

— Мне семь лет, — ответил мальчик. — Я уже не ребенок!

Он схватил ятаган, ударил им по руке и, указывая на кровавый след от лезвия, спокойно сказал:

— Вы видите, я не плачу и не боюсь. Вы мне смело можете доверить любое оружие!

И вскоре Мураду представился случай применить его в настоящем бою. Как-то ночью, воспользовавшись тем, что слуги заснули, он взял ятаган и вышел из дворца в сад. Отважный мальчик перелез через ограду и оказался в густом лесу. Не стану описывать вам, сударыня, что такое африканский лес ночью. Мне приходилось бывать в разных переделках, я знаю, что только по-настоящему мужественное сердце способно не дрогнуть, когда вас окружает невидимое скопище диких зверей. По счастью, я имел привычку обходить по ночам королевский сад и заметил мальчика. Мне не стоило большого труда прокрасться следом за ним и посмотреть, что он замыслил.

Внезапно прямо перед нами замерцали зеленые глаза и раздался рев хищного животного. Открылась поляна — на ней в тревожном ожидании стояла огромная львица, а возле ее ног лежал маленький львенок. Львица увидела Мурада и, казалось, была поражена смелостью маленького человека. Опустив голову, прижав уши и ударяя себя по бокам хвостом, она направилась к нему, описывая широкие круги. Юный храбрец не дрогнул и бросился с ятаганом на зверя, но был бы съеден заживо, если бы не мой верный меч, который спас ребенка от неминуемой гибели, как спасал меня не раз в сражениях с хищными двуногими. Я убил львицу, а султан был столь щедр и милостив, что разрешил мне вернуться домой, одарив меня на прощание золотом из своей казны и послав в подарок Карлу подобранного нами львенка.

Я теперь богатый человек, — закончил Милон, — однако брат ваш нашел вам более достойного мужа. Сударыня, я наконец вас увидел. Я узнал моего отважного сына.

Я буду надеяться, что судьба снова смилостивится надо мной, и буду ждать того дня, когда мы вновь сможем принадлежать друг другу!

С этими словами Милон простился с Бертой и покинул королевский дворец.

А Карл Великий порешил вновь разлучиться с племянником и отправить его назад в Бретань, дабы дать тамошнему народу по-настоящему узнать своего правителя. Карл надеялся, что возмужавший Роланд станет верным его помощником и защитником в походах против сарацин. Так оно и случилось. Но пройдет еще семь лет, прежде чем король призовет племянника под свои знамена, отправляясь далеко на юг, в Испанию, в пределы неверных басурман.

За это время Карл совершит походы против своих старых недругов — Жирарда Вианского и Ренада Монталбанского, войдет в Эсклавонию, завоюет сербов и сразится с многочисленными врагами римского папы. За это время Роланд превратится в юного

воина, покорителя бретонских царьков и славного защитника города Ванна.

А пока что он вновь прощается со своей матерью и сжимает в руках непобедимый Дюрандаль.

— Сын мой, — сказала ему Берта на прощанье, — я должна вам открыть, с кем вы сразились на турнире. Это был ваш отец, Милон Англерский. Он стал вашим противником по милости вашего отчима, графа Ганелона. Помните об этом и опасайтесь графа!

Отъезжает юный Роланд на своей низкорослой лошадке от королевского крыльца. По правую руку от него едет юный Оливье, по левую — юный Эмери Нарбоннский. Сорок сыновей самых доблестных королевских баронов сопровождают его в походе. Ржут кони, скрипят телеги, звенит оружие.

Тяжел Дюрандаль, но все крепче сжимает его рука молодого рыцаря. И все громче звучат в ушах Роланда слова его дяди Карла Великого: “Вы получаете сей меч, который

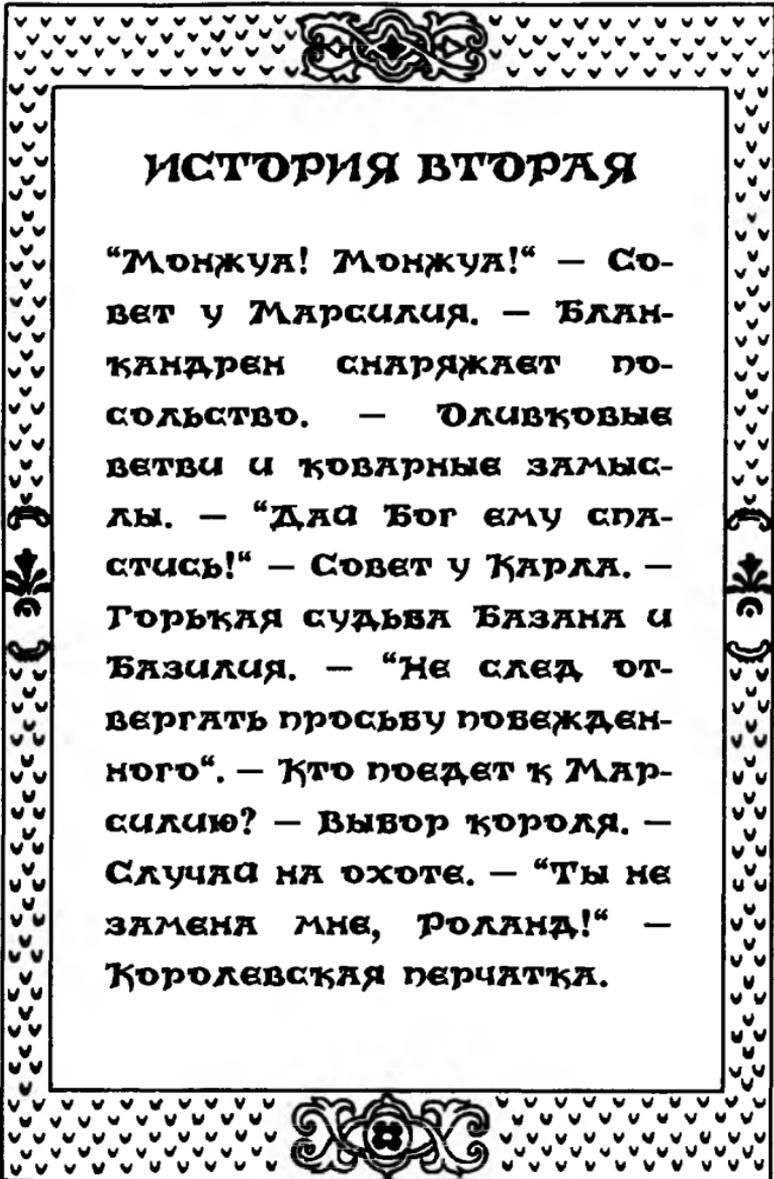

дается вам с благословения Господа. Он даст вам силы в любом сражении, он укрепит вашу руку, он повергнет в прах ваших недругов!”

Среди холмов, лесной тропой,
Спешит наездник молодой.
А мы рассказ продолжим свой,
Аой!

ИСТОРИЯ ВТОРАЯ

“Монжуа! Монжуа!” — Совет у Марсилиа. — Бланкандрен снаряжает посольство. — Оливковые ветви и коварные замыслы. — “Даа Бог ему спасись!” — Совет у Карла. — Горькая судьба Базана и Базилиа. — “Не след отвергать просьбу побежденного”. — Кто поедет к Марсилию? — Выбор короля. — Случай на охоте. — “Ты не заменя мне, Роланд!” — Королевская перчатка.

вот — минуло время, и при-
звал Карл Великий своего
племянника Роланда, отправляясь в новый
поход в Испанию, покоренную нехристями-
сарацинами.

Семь долгих лет провоевал державный
Карл в далекой Испании. Смело бились его
дружины. Чудеса храбрости выказывали его
могучие рыцари. Не раз на горах и в долинах
раздавался знаменитый боевой клич фран-
цузов:

— Монжуа! Монжуа!..

Развевалось Карлово знамя, приводя в
трепет неверных. Потому что под этим зна-
менем сражался сам непобедимый король,
сжимавший в руках свой всеильный меч
Жуайёз. Потому что под этим знаменем во-
евали двенадцать пэров — самые знаменитые

королевские рыцари. Потому что под этим знаменем шли в сражение могучий Роланд, и доблестный Оливье, и бесстрашный Эмери Нарбоннский.

Весь нагорный край завоевал Карл — до самого моря. Не было такой твердыни, не было такого замка или города, которых не взял бы он силой своего оружия. Повержены в прах крепости, разрушены башни и стены. И только Сарагосу не сдали мавры Карлу Великому. Правил ею в то время царь Марсилий, который поклонялся своим языческим богам, за что и был осужден на верную гибель христианским воинством.

Однажды в знойный полдень отправился Марсилий Сарагосский в плодовый сад. Прилег на мраморное ложе под сенью тенистых крон и призвал на совет своих герцогов и графов.

— Воины мои, — сказал он маврам, — Карл Великий, правитель Франции, вступил в наш край и жестоко воюет нашу землю! Вот какое горе нас постигло. Грозит он нам

разгромом, и нет у меня такого войска, что могло бы расстроить его рать. Мудрые вельможи! Подайте совет, как избежать смерти, как уйти от позора?

Молчат нехристи. И лишь один славный кастелян, защитник северного города Вальфонды, решился ответить своему повелителю.

Звали его Бланкандрен, он был доблестным бароном и мудрым советчиком.

— Оставьте пустые страхи! — сказал он Марсилию. — Долго уже воюет Карл на нашей земле, пора ему идти восвояси. Отправьте к гордому и кичливому Карлу послов. Поклянитесь ему в дружбе, пошлите ему в дар медведей, львов да собак, верблюдов и мулов, нагруженных арабским золотом. А главное — пошлите ему сотен десять соколов, которые благополучно перенесли линьку. Уж до чего охоч Карл, привыкший месяцами травить зверей вокруг своего Ахенского дворца, так это до линялых соколов! Пусть он расплатится со своими наемниками золотом. Пусть уведет он их

из наших пределов. Обещайте ему, что по осени, в святой Михайлов день, вы сами явитесь к нему в Ахен с поклоном, примете христианскую веру и станете служить ему верой и правдой. Если захочет – пошлем ему знатных заложников. Не пожалеем своих детей – я первый готов отправить моего сына на смерть. Пусть лучше император срубит им головы, чем нам лишиться земли, крова, почета и власти и побираться с нищенской сумой!

– Хороший совет, – сказали язычники.

– Клянусь вам, – продолжал Бланкандрен, – клянусь своей бородой и правой рукой, что, получив такие подарки и заверения, снимут французы лагерь и вернутся в свою милую Францию. Возвратится Карл в столицу, отпразднует день святого Михаила, пройдет срок крещения, но ни слова о нас не услышат спесивые франки. Ужасен Карл в своем гневе. Поведит он казнить заложников. Но лучше им лишиться головы, чем нам – своей родины.

– Пожалуй, так! – вскричали басурмане.

Тогда распустил Марсилий свой совет, призвал к себе десять самых хитрых и отчаянных мавров во главе с Бланкандреном и повелел им снаряжать посольство к Карлу:

— Франкский король осаждает сейчас Кордову. Отправляйтесь под стены крепости. Возьмите каждый в руки оливковую ветвь, которая всегда была символом мира и дружелюбия. Если вам удастся примирить меня с Карлом, я вознагражу вас землей, поместьями и всяким добром — кто сколько захочет взять.

— Мы заслужим эту честь, — ответили мавры.

— В добрый путь! — продолжал Марсилий. — Просите короля, чтобы он пощадил нас всех. Скажите ему, что и месяца не пройдет, как явлюсь я к нему в Ахен с тысячью моих лучших баронов, и все вместе примем мы христианскую веру. Уверьте великого Карла, что буду я его верным слугой, а коль нужны ему заложники — дадим, сколько попросит.

— Вот это добрый мир! — согласился коварный Бланкандрен.

А в стане Карла Великого праздновали победу над неприступной Кордовой. Одолея ее король, снес ее башни, разбил стены, оделил своих воинов богатой добычей. Ни одного язычника не осталось в разрушенном городе: кто не убит, тот окрещен.

Сидит Карл в плодовом саду. На седых волосах корона, белая борода ниспадает на грудь. Сидит величаво на золотом чеканном троне, под сосной, среди цветущего шиповника. Вокруг короля расположилась верная его свита: тут и Роланд, и Оливье, и Эмери Нарбоннский, и другие славные рыцари; кто стар — играет в шахматы, кто молод — развлекается потешным боем.

Издали виден король. Издали спешат к нему послы язычников. У каждого в руках оливковая ветвь, у каждого в мыслях страх и вероломство.

Как было положено, по чину и закону, поклонились басурмане. Первым вышел Бланкандрен и сказал со смирением:

— Да хранит тебя, король, твой всеильный Бог! Мой владыка велел сказать, что возжаждал он спасения души и понял, как благ и чист ваш закон. Царь Марсилий шлет тебе свои дары: медведей и львов, борзых псов и верблюдов, да десять сотен лияных соколов. Шлет он тебе арабского золота, чтобы смог ты расплатиться со своими наемниками. Вволю ты уже навоевался в наших землях, великий Карл. Пора тебе возвращаться в Ахен. А мой господин придет туда вслед за тобой, чтобы самому принять святой закон Христа.

Задумался король Карл.

— Так ли это? — спросил он наконец. — Ваш Марсилий — мой заклятый враг. Кто будет мне порукой, что вы не лжете?

— Заложники! — гордо ответил мавр. — Десяток-два заложников, сколько скажешь. Самых знатных сыновей отправим к тебе. Я первый пошлю своего сына. А когда вернетесь вы назад, явится к тебе в Михайлов день мой повелитель, и в тех ключах, что создал вам Господь, в теплых и чистых

ахенских ключах крестится и он, и тысяча самых знатных его вассалов!

— Дай Бог ему спастись! — воскликнул король.

На следующее утро, пока сарацинские послы еще отдыхали в своем шатре, созвал Карл совет. Явились к нему отважные и мудрые рыцари: герой Ожье и нормандский герцог Ришар; архиепископ Турпен, лихой воин и набожный правитель; гасконский вождь Аселен и храбрый Тибо из Реймса; пришел граф Роланд, и знатный Оливье, и смельчак Эмери Нарбоннский; пришел и отчим Роланда Ганелон, который вскоре всех предал. Но видно в недобрый час сошлись они на совет, потому что принес он франкам многие беды.

— Марсилий Сарагосский прислал к нам послов, — сказал император, — и сулит мне несметные богатства: борзых псов и верблюдов, львов и медведей, десять сотен лянных соколов и столько золотой казны, что я смогу расплатиться со всеми своими воинами. Однако просит взамен басурманин,

чтобы ушли мы отсюда домой. Он клянется прибыть в Ахен и принять там святое крещение. Однако я в великом сомнении: можно ли доверять коварному мавру?

Тут поднялся с места Роланд и потребовал не верить сарацинам.

— Марсилий-язычник известен своим коварством, — сказал он королю, — и всегда был хитрым изменником. Вспомните: он уже присылал к нам однажды своих послов. Несли они такие же масличные ветви, такие же слова говорили, так же клялись в мире и верности. Вспомните, государь: точно так же просили вы у нас совета, и мы, безумцы, поверили их льстивым речам. Вспомните наших славных графов, Базана и Базилия, которых вы послали к поганым нехристям, а Марсилий казнил обоих у Антильских гор. Нет, государь, громите арабов, как прежде, бейте их без пощады, ведите к Сарагосе грозную рать. Пусть всю оставшуюся жизнь проведем мы в осаде этой крепости, но зато отомстим злодею за смерть посланцев!

Поник великий император челом, теребит усы, мнет свою седую бороду, не спешит отвечать племяннику.

Тогда поднялся со своего места граф Ганелон, выступил вперед перед Карлом и сказал ему смело и кичливо:

— Нелепо, государь, слушать тех, кто обуян гордыней, — будь то я или кто другой. Тому внимайте, кто даст мудрый совет всем во благо. Царь Марсилий готов заключить с нами мир, желает стать вашим вассалом, готов, как слуга из рук сеньора, получить от вас во владение испанские земли, перейти в нашу веру и стать добрым христианином. А кто не хочет слушать его мольбы и склоняет вас к отказу, тому не жалко ни наших жизней, ни франкской крови. Подобные речи внушены тщеславием, не им должно внимать, но советам мудрости!

Тогда поднялся престарелый боец, самый славный из баронов великого Карла Немон Баварский.

— Вот разумный совет, государь, — молвил он королю. — Не след отвергать просьбу

побежденного. Молит Марсилию о пощаде, и великим грехом будет отвергнуть его мольбы. К тому же он готов прислать знатных заложников — не это ли повод, чтобы окончить долгую войну?

— Верно! Прав герцог! — вскричали франки.

Согласился с ним и Карл. Стали думать французы, кого послать в посольство в Сарагосу.

— Вручите мне, государь, свой жезл и перчатку, — вновь сказал Немон Баварский, — и я охотно отвезу ваше посланье царю Марсилию.

— Извольте сесть, герцог, — ответил король. — Клянусь бородой, вы самый умный из моих советников, негоже отпускать вас так далеко. Нет, не вы поедете в Сарагосу!

— Тогда я поеду! — воскликнул Роланд.

— Не бывать этому, — возразил Оливье. — Вы слишком, сударь, круты. Не ровен час, еще затеете ссору. Если королю угодно, лучше я отправлюсь к сарацинам.

— Молчите оба! — приказал король. — Клянусь бородой, ни один из моих пэров не будет избран в посольство.

Тогда встал с места архиепископ Турпен из Реймса:

— И впрямь, нельзя к поганым слать наших самых славных рыцарей. Мы семь лет уже бродим по Испании, из конца в конец исходили этот край, множество бедствий претерпели и горя хлебнули. Государь, дайте отдохнуть вашим воинам, а перчатку и жезл передайте мне: я сам доставлю ваш ответ язычникам.

— Садитесь на ковер и извольте молчать! — разгневался король.

Стали думать бароны, кого же все-таки послать послом к Марсилию.

— Пусть едет мой отчим, — сказал наконец Роланд, — пусть едет граф Ганелон.

— Вот это дело! — согласились французы. — Граф хитер и оборотист, он лучше всех исполнит королевское поручение!

Испугался граф Ганелон, сбросил в гнев с плеч широкий плащ, подбитый горностаем,

остался в одном шелковом камзоле, презрительно и надменно взглянул на Роланда. Невысок ростом Ганелон, но статен и крепок. Гордое лицо его пылает от ярости, глаза сверкают – ничего не скажешь, хорош граф! Любуются на него королевские пэры, любитесь король. А Ганелон между тем повернулся к Роланду и процедил сквозь зубы:

– Ты злобный безумец, Роланд! Кому же не ведомо, что я твой отчим? Из-за тебя король посылает меня к Марсилию. Что ж! Дай только Бог вернуться из Сарагосы целым и невредимым, уж мы с тобой посчитаемся! Так за все разочтемся, что будешь помнить меня до самой смерти!

Смотрит Роланд на графа Ганелона, хорошо знает, отчего тот пришел в такую ярость. С того дня, когда вероломный граф столкнул на турнире Роланда с его отцом Милоном Англерским, желая погубить своего пасынка, судьба уже не раз сводила юного рыцаря с коварным отчимом. Знает Роланд: завидует Ганелон его славе и удачливости,

его ловкости и его знаменитому Дюрандалю. А больше всего не может злопамятный граф простить Роланду одну их встречу, что произошла как-то на сельской дороге.

Дело в том, что граф Ганелон был заядлым и азартным охотником — точь-в-точь император Карл. Бывало, неделями не сходил он с коня, преследуя добычу. Однажды целую осень проохотился Ганелон в окрестностях Ахенского дворца. Леса вокруг королевской столицы густые и кишмя кишат всякой живностью. Травил Ганелон лис и зайцев, лосей и медведей, но самой лакомой добычей были для него кабаны. Любил Ганелон вкусно поесть и в этом своем пристрастии не отставал ни от короля, ни от его пэров.

Обычно перед обедом сами знатные охотники зажаривали на вертеле свою добычу — кому что было по вкусу. Ганелон же больше всего на свете любил жареную свинину, отчего и попал в обидную и постыдную переделку.

Так вот, на исходе охоты выследил Ганелон кабанье стадо, пустился его преследовать и далеко опередил своих слуг и сотоварищей по полевой потехе. В пылу охоты выскочил Ганелон на сельскую дорогу и увидел впереди огромное облако пыли.

— Вот они! — возликовал граф и с копьем наперевес врезался в самую гущу пыли, с наслаждением слыша визг, хрюканье и топот копыт. Когда же налетевший ветер разогнал пыль, неудачливый охотник с огорчением понял, что принял за кабанов обычное стадо свиней, которых погонщики-мясники, вооруженные дубинами и ножами, вели в столицу на королевскую кухню. Две жирных свиньи, заколотые Ганелоном, лежали на дороге, остальные бросились врассыпную. Пастухи, расвирепевшие от неожиданного и дерзкого нападения, от досадной задержки, да еще при виде свиней, убитых в суматохе, решили выместить свою злость на этом неведомом разбойнике, закованном в латы.

Добрый удар дубины сбил графа с коня, свинопасы навалились на него всей оравой

и вскоре подвесили беднягу на придорожный дуб, обмотав веревку вокруг железного ворота рыцарского шлема. Графу не грозила опасность задохнуться, но его положение было постыдным: Ганелон вертелся на веревке, тяжесть вооружения тянула его за шею, подбородок упирался в железо.

— Негодяи! — крипел граф. — Будьте вы прокляты!

Между тем погонщики, бросив у ног своего пленника двух убитых свиней, собрали стадо и отправились дальше, не обращая никакого внимания на проклятия их обидчика.

На счастье графа, вскоре на дороге показался всадник. С одного взгляда оценив отчаянное положение подвешенного рыцаря, всадник перерубил веревку, и Ганелон шлепнулся у ног его коня в придорожную траву.

— О! Это вы, граф? — воскликнул всадник. — Государь беспокоится, куда вы запропастились, и послал меня пригласить вас на сегодняшней ужин.

Со злобой и яростью признал Ганелон в своем спасителе юного Роланда.

— Благодарю за помощь, — скривился он, с трудом поднимаясь на ноги. — Однако не воображай, что ты меня спас. Я бы и сам без труда выпутался из этой небольшой неприятности. К тому же я не из тех, что любят одолжаться, и предпочел бы лучше умереть, чем быть тебе обязанным.

Резко повернувшись, ослабевший граф не удержался на ногах и под смех Роланда свалился в пыль подле свиных туш, распростертых на дороге.

Вечером он, как ни в чем не бывало, восседал за пиршественным столом при дворе Карла Великого. Однако, когда подали его любимую свинину, граф отказался.

— Вы злопамятны, граф, — весело окликнул его Роланд, сидевший напротив, — это нехорошо. Вы, может быть, отталкиваете старого товарища по несчастью! Или вы забыли, как он выглядит?

Ганелон посинел от злобы.

— Я ничего не забываю, — пробормотал он. — Я ничего не забываю...

Не забыл и Роланд про этот случай. Знает: готов его отчим на все, лишь бы отомстить своему удачливому пасынку.

Однако Роланд горд и отважен.

— Государь, — сказал он Карлу Великому, — если граф отказывается ехать к Марсилию, я по-прежнему готов его заменить!

Почернел Ганелон от гнева:

— Ты не замена мне, Роланд! Я тебе не сеньор, а ты мне не слуга. Если велит король — я исполню свой долг. Что ж, поеду я к маврам в Сарагосу. Но чует мое сердце: натворю я безумств у неверных, утолю свой гнев и свою обиду!

При этих словах графа Роланд рассмеялся ему прямо в лицо, еще более разъярив Ганелона.

— Я ненавижу тебя! — процедил он сквозь зубы Роланду. — Неправедно я избран в послы, и это ты подстроил... Государь! — громко обратился он к королю. — Я готов

исполнить вашу волю. Я знаю, нет возврата тому, кто отправляется к маврам. Помните, государь: вы отдали мне в жены вашу сестру Берту... Передайте ей от меня поклон, скажите, что всего на свете дороже она графу Ганелону!

— Что-то вы разнежились, сударь! — нахмурился король. — Пора вам исполнять мой приказ.

Протянул Карл Ганелону свой жезл и перчатку, чтобы знали неверные, от чьего имени прибыл к ним посол. А Ганелон все не может успокоиться:

— Ваш племянник виной тому, что я еду на верную смерть. До гроба буду я его ненавидеть! И его, и всех пэров, любящих Роланда, и Оливье, с которым он так дружен... Все мне враги! Всем им бросаю я при вас вызов на смертный бой!

— Умерьте злость, граф! — оборвал его Карл. — Не мой племянник, а я, ваш король, велю вам немедленно отправляться к Марсилию.

— Я готов исполнять вашу волю, — повторил Ганелон, — и достойно приму смерть, как приняли ее Базан и Базилий!

Задрожали у Ганелона руки, уронил он королевскую перчатку наземь, а самому впору сквозь землю провалиться от стыда и неловкости.

— О Боже! — воскликнули французы. — Недоброе это предвестье! Бедой грозит нам посольство Ганелона!

— Что ж, увидим, — потупился граф.

Вручил король ему письмо к сарацинскому царю, осенил посланца крестом и отправил в дорогу.

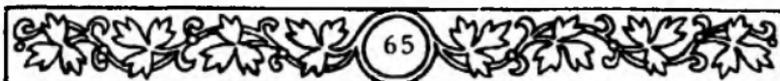
Вернулся Ганелон в свой шатер, выбрал из всех своих боевых доспехов самый лучший, надел на сапоги золотые шпоры и привесил к бедру знатный меч Морглес. Может, не так он мощен, как королевский Жуайёз, и не так крепок, как Дюрандаль Роланда, но и он не раз спасал хозяина от гибели. Хитер Ганелон. Знает — не Морглес выручит его ныне в трудном деле, но умная речь и тонкая уловка. Не гнедой

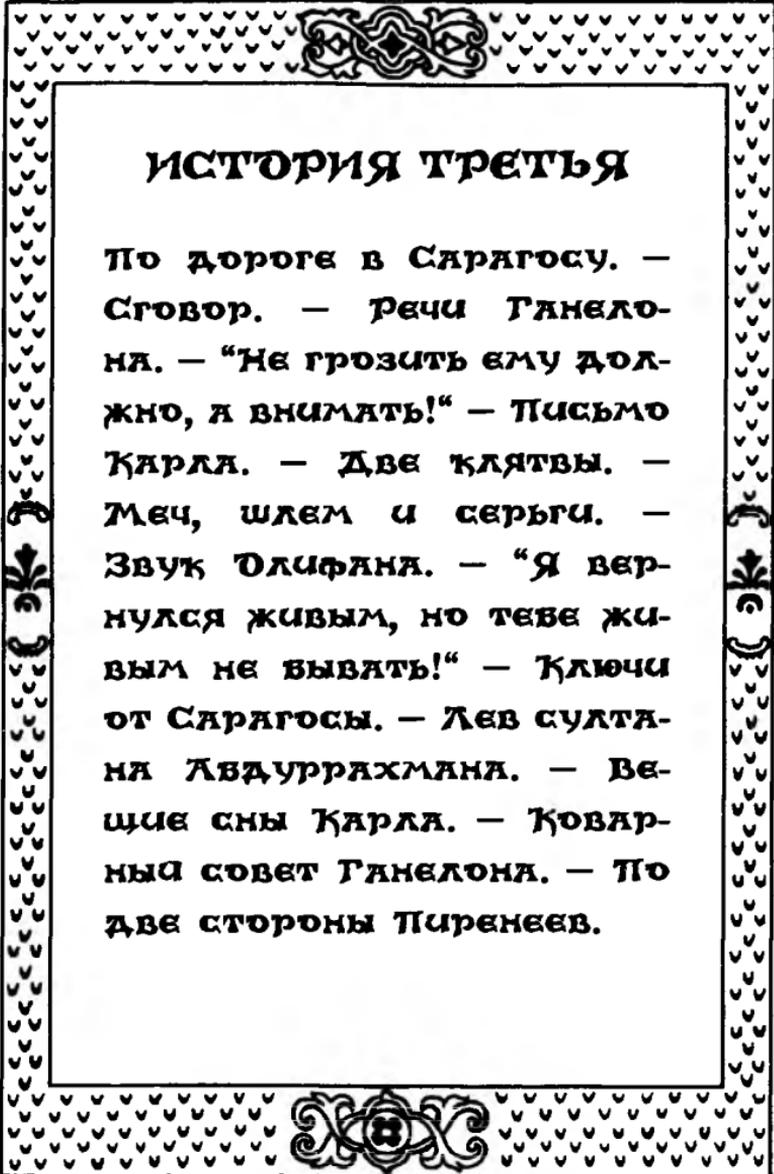

в яблоках скакун Ташбрюн принесет ему удачу, но быстрота мысли и расчетливость замысла.

Тяжелый меч, скакун гнедой, —
Граф едет за своей судьбой.
И мы рассказ продолжим свой,
Аой!

ИСТОРИЯ ТРЕТЬЯ

По дороге в Сарагосу. —
Сговор. — Речи Ганелона.
— “Не грозить ему должно,
а внимать!” — Письмо
Карла. — Две клятвы. —
Меч, шлем и серьги. —
Звук Олифана. — “Я вер-
нулся живым, но тебе жи-
вым не вывать!” — Ключи
от Сарагосы. — Лев султа-
на Абдурахмана. — Ве-
щие сны Карла. — Ковар-
ный совет Ганелона. — По
две стороны Пиренеев.

тени высоких олив скачет граф Ганелон. Рядом с ним — хитрый Бланкандрен: его расчет удался, с доброй вестью спешит он назад, к царю Марсилию. Позади них на арабских скакунах поспешает и все сарацинское посольство.

Хитер Бланкандрен, но и Ганелон не промах. Завели они тонкую беседу, стараясь не выдать друг другу свои лукавые помыслы.

— До чего же могуч ваш Карл! — сказал мавр. — Дивлюсь я его силе. Столько краев он уже завоевал: Апулию и Калабрию на востоке, Саксонию на севере, к англам проник через соленое море да заставил платить их налог в пользу папского престола. Неужели мало ему земли? На что ему наша нагорная страна?

— Таков уж норов у Карла, — ответил франк. — Его воля! Кто осмелится с ним тягаться? Кто его переборет?

— Бесстрашны и благородны французы, — продолжал араб. — Только напрасно Карлу-властелину внушают его графы и герцоги гордые мысли, напрасно подают ему злые советы, подстрекают его на раздоры. Так можно и короля погубить, и народ обречь на мытарства.

— Сударь, — ответил ему Ганелон, бросив на собеседника острый взгляд, — нет таких советчиков у моего короля. Разве что один Роланд, королевский племянник, смущает своего дядю надменностью, что ни день, играет со смертью, убеждает его не прекращать с вами войны, ищет себе погибели и позора!.. Видел я однажды, когда отдыхал Карл, скрываясь от зноя в тенистом саду, как подошел к нему Роланд — дорожная пыль покрывала его латы, кровь засохла на беспощадном Дюрандале. Перед тем разграбил он вашу Каркасоню, сравнял с землей ее башни и стены, убил сарацинских героев — Тимиза

и Бальдрага. Так вот, вижу я: подносит он Карлу пурпурное яблоко — символ императорской власти — и говорит: “Вот так же, дядя, преподнесу я вам в подарок венцы и короны всех земных государей!” Пора бы, — добавил Ганелон, — укоротить норы этому хвастуну, покарать его дерзость и чванство. Кому не ведомо, что он каждый день рискует головой? Умрет обидчик — и воцарится на земле долгожданный мир и покой.

— Я слышан о жестокостях Роланда, — сказал Бланкандрен, удерживая своего ретивого скакуна. — Однако неужто он так зол и беспощаден, что решил завоевать все земли и поработить все народы? Отчего же он так храбрится? Где найти ему рать для таких войн?

Ганелон криво улыбнулся:

— Вы, видимо, не знаете, сударь, как его любят франки. Он им дорог и мил, и они ему верны. Никогда они не изменят Роланду. К тому же он не жалеет для них ни серебра, ни золота, дарит им коней и мулов, дает им вволю шелков и доспехов — всего, чего

им угодно! Карл души в нем не чаёт, что ни попросит племянник – тот все исполнит. Помяните мое слово: не только Запад, но и весь Восток покорит этот рыцарь своему владыке!

Далека дорога до Сарагосы. Ехали наши путники проезжими путями и лесными тропами, пересекали реки и взгорья. Понял Ганелон, что запали его слова в душу Бланкандрена, что пуще всех недругов возненавидел сарацинский посол королевского племянника. Раскусил араб и характер франкского графа, оценил его трусливое лукавство. Так долго ехали они вместе, что успели столковаться. Дали они клятву друг другу погубить Роланда.

Добрались послы до сарацинской столицы и поехали прямо к дворцу царя Марсилия. Там сошли они с коней под вечнозеленым тисом, прошли вперед, туда, где в царском саду, под сосной, стоял высокий трон испанского повелителя. На александрийской парче, в окружении двадцати тысяч мавров, сидел царь и в глубоком молчании ждал,

когда приблизятся к нему Бланкандрен с Ганелоном.

— Да хранят вас, государь, наши боги Магомет и Аполлен! — сказал сарацинский посол, поклонившись Марсилию. — Я изложил вашу волю императору Карлу, но он не дал ответа, лишь воздел руки к небу, вознося хвалы своему богу. Карл прислал к вам этого французского графа, благородного и честного. Пусть он сам скажет, что привез — мир или войну.

— Послушаем посла, — молвил Марсилиий.

Опытный Ганелон успел по дороге обдумать ответ и повел речь умно и искусно:

— Мой владыка Карл Великий повелел тебе, царь, передать вот что. Коль примешь ты Христов закон, даст тебе король во владение половину Испании. А коль не согласишься, прикажет тебя схватить и отправит в цепях в наш стольный город Ахен. Там тебе вынесут правый приговор и предадут позорной казни.

Царь Марсилиий прямо пятнами пошел от гнева, слыша такие дерзкие речи. Схватил

он свой златоперый дрот и хотел метнуть его в наглого графа. Насилу удержали царя его мудрые вельможи.

А Ганелон схватился за меч и вынул его из ножен на два пальца.

— Мой Морглес! — воскликнул франк. — До чего же ты красив и светел! Пока я тобой препоясан, пока сжимает моя рука твою рукоять, не скажет про меня император, что в чужом краю погиб я один. Нет! Со мной погибнут лучшие из недругов!

Переполошились арабы.

— Надо их развести! — кричат. — Не допустим смертного боя!

Уняли они своего царя, вновь усадили на трон, покрытый драгоценной александрийской парчой, и один из вельмож воскликнул:

— Напрасно, государь, замахнулись вы дротом на посла. Не грозить ему должно, а внимать!

— Царь, — промолвил граф Ганелон, — не впервой сносить мне тяжкие обиды, хватит у меня на то силы и разума. Но даже если ты предложишь мне все золото, что есть

на свете, дашь все сокровища, которым славятся испанские земли, все равно я не стану молчать и без обиняков скажу то, что просил передать император Карл своему смертельному врагу!

Сбросил он с могучих плеч плащ, подбитый соболями, наполовину вытащил меч из ножен, сжал грозно правой рукой золотую рукоять.

— Ай да боец! — вскричали в восхищении неверные. — Вот смелый рыцарь!

— Царь, — продолжал между тем французский посол, — ни к чему не приведет твой гнев. Крестишься — и получишь половину Испании. Другую половину возьмет себе граф Роланд. Будет у тебя соправитель гордый и кичливый, но так распорядился король наш, великий Карл. Сам прочти, что он пишет.

Выхватил Марсилий королевское письмо из рук Ганелона, сорвал в ярости печать, бросил наземь воск, развернул тонкий пергамен, на котором писал свои грамоты франк-завоеватель.

— Король припоминает мне свои обиды, — сказал он маврам, — поминает своих послов Базана и Базилия, которых я предал казни у Антильских гор, и велит отдать ему в заложники моего дядю-альгалифа. Не то, пишет Карл, лишусь я и чести, и жизни.

Тут бросился к царскому трону юный царевич Журфалей, сын Марсилия.

— Отец! — вскричал он. — Вижу я, что франкский посланец явился сюда осрамить нас и обидеть. Разреши мне сквитаться с ним за его дерзость, а я уж заставлю его распроститься с собственной жизнью!

При этих словах Ганелон, ни секунды не промедлив, обнажил меч и прижался спиной к высокой сосне.

— Постойте, государь! — шепнул Бланкандрен Марсилию. — Не доведите до расправы — так все дело можно погубить! Француз по дороге мне поклялся, что будет нам другом.

— Вот как? — удивился Марсилиий и отвел в сторону графа Ганелона.

— Граф, — сказал он послу. — Кажется, я вас обидел понапрасну. Чуть не убил вас в сердцах моим дротом. Примите же в залог нашей дружбы этот соболий мех — надеюсь, дорогой подарок загладит вашу обиду.

— Охотно принимаю ваше подношение, государь, — почтительно ответил Ганелон, — и пусть Господь ниспошлет вам милость!

— Поверьте, граф, я готов полюбить вас всей душой, — продолжал Марсилий, — и хочу побольше узнать о вашем славном Карле. Говорят, он уже совсем стар, одолели его труды и годы. Сколько земель он завоевал! Сколько мечей отразил его непробиваемый щит! Сколько властелинов он пустил по миру! Когда же, наконец, он перестанет сражаться и укротит свой норов?

Тут-то Ганелон и открыл свое мстительное сердце.

— Смел Карл и неподкупен, — произнес он, — и не будет мира, покуда жив Роланд, покуда живы отважные королевские пэры, покуда жив любимец Роланда доблестный

Оливье! А до тех пор, пока они окружают Карла и пока состоит при нем его отборная двадцатитысячная рать, — никто не смутит его сердце, ничто не поколеблет его могущество!

— Любезный граф, — улыбнулся сарацинский царь, — у меня хватит сильных и красивых воинов, чтобы собрать войско не в двадцать, а в четыреста тысяч человек.

— Нет, этим вы не испугаете Карла. Не тешьтесь понапрасну своей силой, не миновать вам страшного урона. Следует поступить не опрометчиво, но мудро. Сдается мне, нужно послать Карлу такую дань, столько золота и подарков, чтобы кругом пошла голова у каждого франка. Когда же Карл отправится назад, в свою милую Францию, оставит он позади своего войска арьергард под началом Роланда и храброго Оливье. Вот тут вы на них и нападете — будет в арьергарде двадцать тысяч, а вы двинете на них все сто тысяч своих воинов. Нет для засады лучшего места, чем Ронсевальское ущелье, не выберутся франки из такой западни.

И Роланд, и Оливье найдут смерть в этом походе, вы же будете вечно жить в покое и мире.

Обнял Марсилий Ганелона и повел его смотреть свои сокровища.

А потом поклялись они оба: один — предать, а другой — сгубить Роланда. Один — на мощах, вделанных в рукоять Морглеса, другой — на своей языческой книге.

И вот пришли к Ганелону верные бароны Марсилия.

— Возьмите, граф, этот меч, — сказал один, — таких мечей еще никто не нашивал, за одну рукоять я заплатил тысячу червонцев. Примите его в знак приязни, поспособите нам сгубить Роланда, устройте, чтобы застали мы его в арьергарде.

— Да будет так! — ответил Ганелон.

— Вот шлем, — сказал другой язычник, — нигде в мире не найти такого крепкого шлема, самое твердое железо пошло на его выделку. Возьмите его, граф, и сделайте все, чтобы посрамили мы кичливого Роланда.

— Да будет так! — ответил Ганелон.

— Сударь, — сказала царица Брамимонда, — муж и все вельможи вас чтут и любят. Чту вас и я, граф! Свезите эти богатые серьги вашей жене — нет таких ни в Риме, ни в Ахене, — и пусть станет ваша жена мне верной подругой.

— Да будет так! — ответил Ганелон и глубоко в сапог упрятал подарок царицы.

Подозвал Марсилий своего казначея:

— Готова ли дань для Карла?

— Готова, государь: семьсот верблюдов с золотом и двадцать знатнейших заложников!

— Видите, граф, — воскликнул Марсилий, — я все сделал так, как вы сказали. Сделайте и вы, о чем прошу: не изменяйте нашей дружбе, а уж я не пожалею своей казны — каждый год буду вам посылать по десять мулов, груженных сокровищами. Вот вам ключи от Сарагосы — передайте их великому Карлу вместе с дарами, пусть назначит он племянника прикрывать отходящее войско. А уж я встречу с Роландом в горном ущелье и сдержу свое слово!

— Да будет так! — ответил Ганелон, пришпорил коня и отправился в обратный путь.

А Карл Великий был уже совсем неподалеку от Сарагосы. Разрушив очередной сарацинский замок, раскинул он огромный лагерь у леса, ждет не дожидается вестей от своего посланца.

Поутру, подъезжая к лагерю, услышал Ганелон звук рога. Это Роланд трубил в свой знаменитый Олифан — звучный рог из слоновой кости. Далеко разносится звук Роландова рога, и все, кто его слышат, спешат навстречу отважному рыцарю. С одной стороны скачет к нему доблестный Оливье, с другой — от своего шатра торопится бесстрашный Эмери Нарбоннский. Кто бы ни подъехал к Роланду, всех он привечает доброй улыбкой, всех поздравляет с наступившим утром.

Издали виден шатер императора, украшенный золочеными гербами. Спешат к нему королевские пары — графы и герцоги. Спешит к нему и Ганелон, вслед Роланду и его свите.

“Проклятый мальчишка, — бормочет Ганелон, — я вернулся живым, но тебе живым не бывать!”

Чуть свет Карл Великий был уже на ногах. Отстояв обедню, уселся он прямо на траве около своего шатра и держал совет с приближенным. Здесь и нашел его посланец Ганелон.

— Храни вас Бог, государь, — поклонился он императору. — Я выполнил ваше поручение.

Все обдумал злоумышленник, пока возвращался от мавров, и повел свою речь хитро и уклончиво:

— Привез, государь, я невиданную дань от царя Марсилия: семьсот верблюдов с арабским золотом да еще двадцать самых знатных заложников. А вот ключи от Сарагосы. Поганый басурманин просил вас не гневаться за то, что не прислал по вашей просьбе своего альгалифа. Не пожелал креститься старый альгалиф, не пожелали креститься четыреста тысяч язычников. Сели они на суда, взяли с собой драгоценное

оружие и отправились восвояси. Но — я сам был очевидцем, государь! — не успели они отплыть и на четыре мили, как нагрянул страшный вихрь и потопил все их корабли. Погибла басурманская рать. Утонул и аль-галиф, а не то был бы он уже у вас под замком. Марсилий-язычник клянется, что и месяца не пройдет, как явится он к вам, государь, креститься и, как верный вассал, вложит свои руки в ваши, дабы получить от вас во владение хотя бы половину Испании.

— Хвала Творцу! — радостно воскликнул Карл. — Превосходное известие вы привезли, граф. Ждет вас за то почет и большая награда!

Загремели боевые трубы, отозвались гулкие рога, загремело оружие, заржали кони, заревели мулы — снимается с места французский лагерь.

— Домой! Идем домой! — счастливая весть летит от шатра к шатру, от обоза к обозу. — Конец жестокой войне! Здравствуй, милая Франция!

Перед тем как отправиться в обратный путь, решил Карл потешить своих воинов и устроить им веселое представление. С императором в походы нередко ходили странствующие жонглеры – певцы и рассказчики, акробаты и музыканты. Особым обозом двигался зверинец короля: дрессированные лошади, медведи и обезьяны.

Позвал Карл жонглеров, и те шумной толпой явились к его шатру. Кто в будничной рубахе до колен, чепце и мягких туфлях. Кто в серой куртке и красной накидке с желтой бахромой. Тот в одежде из разноцветных лоскутьев, у того – коврик на плече, у другого – большой кошелек на поясе: не скупитесь, рыцари, вы завоевали богатства, пусть и нам перепадет от ваших щедрот!

Запели флейты, зазвенели виолы, загундосили волынки и дудочки, залаяли собаки, закричали обезьяны, заверещали говорящие попугаи:

– Слава коррролю! Слава Каррррру!

Вокруг королевского шатра расселось на траве разноликое воинство. Открыли

представление эквилибристы — каждый в нарядном белом чепце, красной рубахе, подтянутой на бедрах, в коричневых штанах и белых башмаках. В минуту они воткнули в землю длинные тонкие шесты и укрепили их так, что шесты не могли наклоняться ни в ту, ни в другую сторону. Быстро натянули тонкий канат и принялись на нем вертеться и кувыркаться. То вдруг зацеплялись за него ногами, вставляли в полный рост и быстрой побежкой совершали целое воздушное путешествие от одного шеста к другому.

Зрители с громким одобрением бросали акробатам мелкие денарии и тяжелые солиды, а рыцари побогаче, случалось, скидывали с плеч дорогой плащ и с восторгом кидали на зеленую арену.

На смену эквилибристам выбежал на луг веселый дрессировщик. Впрягшись в тачку и подпрыгивая ногами, как норовистая лошадь, выкатил он перед публикой медведя в короткой рубахе с голубыми узорами и в капюшоне с бубенчиками. Медведь, потешно

припав к волынке, исторгал из нее чудовищные звуки, вызывая у зрителей приступы громового хохота.

А потом начался шутовской турнир. Словно на боевом поле, с двух сторон бросились друг к другу два наездника. Вместо лошадей они оседлали больших белых собак, а сами рыцари, закованные в доспехи, с копьями наперевес, оказались потешными макаками. Одна обезьяна, как настоящий франк, была одета в полотняные панталоны, на которые свешивалась шелковая бахрома праздничной туники. На другой макаке был сарагосский шлем и крепкий сарацинский щит, подвешенный на шею. К ногам обезьян были прицеплены маленькие шпоры, которыми они нещадно кололи своих лохматых лошадей. Вот началась потеха! Всадники размахивали копьями, ударяли ими о щиты противника, гримасничали, стараясь по сильнее напугать друг друга, пока франкский рыцарь не вышиб, наконец, сарацина из седла, к невероятной радости всех присутствующих.

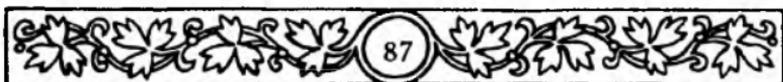

Завершал турнир дрессированный молодой лев, которого прислал в подарок Карлу африканский султан Абдурахман. Лев, как человек, вышел на луг на задних лапах, приблизился к королю и поклонился ему до земли. Король засмеялся от удовольствия. Но в тот же миг глаза льва налились кровью; припав к земле и не обращая внимания на крики жонглеров, он угрожающе взревел и, ударяя себя хвостом по бокам, двинулся туда, где подле арены сидел на траве граф Ганелон. Тот побледнел и начал медленно вынимать меч из ножен.

Легкая тень бросилась наперерез льву. Зрители и ахнуть не успели, как львиная голова оказалась прижата к земле могучей рукой бесстрашного Роланда. Лев дернулся, а через минуту уже тихо мурлыкал, как большой котенок, уткнувшись в широкую ладонь своего победителя.

— Щенок! — процедил сквозь зубы Ганелон. — Опять ты унижил меня. Ну погоди же!..

Между тем шумные королевские войска уже двинулись в путь. Летним вечером подошли они к северным склонам высоких Пиренейских гор и встали лагерем при входе в Ронсевальское ущелье. Там, за ущельем, начиналась родина, начиналась милая Франция.

На вершине холма воткнул Роланд в землю королевский стяг. Вокруг него и расположились походные палатки императорского войска.

Ночь опустилась на землю. Скрылись во мраке горные отроги. Заволокло мглой холмы и расщелины. Спят французы. Не слышат, как под покровом ночи пробираются по ущелью сарацинские воины, осторожно скачут на быстрых скакунах. На каждом рыцаре латы и шлем, у каждого висит на шее легкий прочный щит, каждый сжимает в руке острое копьё. Все препоясаны мечами, все настороже. Четыреста тысяч опытных бойцов разместились в засадах — кто за камнем, кто в кустах, кто за стволом дерева. Ждут, когда взойдет победная заря.

Этой ночью увидел Карл Великий во сне, будто стоит он у входа в ущелье, зажав правой рукой крепкое ясеневое копьё. Схватился за копьё граф Ганелон, трясет его, выдернуть хочет из руки Карла. Дернул Ганелон что есть силы — и вихрем взвились обломки под самое небо, словно души убитых героев взлетели в небеса.

Спит Карл, никак не может проснуться. Видит во сне, будто стоит он в своей мельне, в Ахене. Только хотел перекреститься, как откуда ни возьмись навалился на него медведь, рвет ему правое плечо, а сам — точь-в-точь царь Марсилий: одет по-сарацински, улыбается злобно.

Спит Карл, никак не может проснуться. Видит во сне, будто с высокой горы мчится на него леопард, нацелился схватить короля за грудь. Но выскочил из дворца борзой пес, ловкий и могучий, как королевский племянник Роланд. Отогнал пес от короля диких зверей, а медведю отгрыз правое ухо.

Спит Карл, никак не может проснуться...

Едва рассвело, огласили лагерь рога и трубы. Гордо скачет император перед своим войском, созывает франков на военный совет.

— Скалы здесь круты, а ущелья тесны. Должно нам оставить надежный заслон, чтобы прикрыть уходящее войско. Кого, господи, поставить нам во главе арьергарда?

— Поставьте, государь, моего пасынка! — сказал Ганелон. — Он — храбрейший из ваших вассалов, вот на кого вы можете положиться!

С гневом взглянул Карл на Ганелона:

— Вы, граф, сущий дьявол. Нет предела вашей злобе и злопамятству. А кто же пойдет с головными полками?

— А для этого дозора, — ответил Ганелон, — лучше всего подойдет Ожье Датчанин. Вот зоркий страж и опытный проводник!

Взглянул Роланд на Ганелона с неприязнью и гордостью:

— Благодарю вас, отчим, за добрый совет, который вы дали нашему королю. Вы избрали

для меня арьергард? Что ж! Пока я жив, не потеряет государь ни коня, ни осла, ни мула — за каждого из обозных животных взыщу я плату с недругов мечом и копьем.

— Верно, — ответил Ганелон.

— Ах, предатель! — воскликнул Роланд. — Ты надеешься, что я уроню королевскую перчатку, как обронил ее ты от трусости, снедаемый страхом за свою подлую жизнь? Никто еще не мог упрекнуть меня в малодушии!

— Верно, — ответил Ганелон.

— Праведный король, — вскричал Роланд, — вручите мне свою перчатку в залог вашей веры в мою победу. Уж я не заслужу упрека, что уроню ее, как мой трусливый отчим. Пусть ваша перчатка будет мне защитой от сарацинского коварства!

— Верно, верно, — сказал Ганелон.

Опечалился Карл, мнет бороду, крутит ус, не хочет оставлять племянника в арьергарде.

— Вот вам мой наказ, милый Роланд, — ответил наконец король. — Оставляю вас здесь, если полвойска возьмете вы под свое

начало, чтобы надежная стража спасла вас от гибели.

— Ни за что! — гордо ответил Роланд. — Не посрамлю я ни себя, ни свой род. Прошу вас, государь, дать мне только двадцать тысяч войска, а остальных ведите с миром домой. Пока я жив, никто вам не будет страшен!

Вскочил Роланд на боевого коня. Встал с ним рядом его верный друг Оливье. Встал по другую руку граф Эмери Нарбоннский. Едут за ними храбрые Жерье и Жерен, Ивон и Иворий Тибо из Реймса, гасконец Аселен и старик Жерар Руссильонский, едут гордец Ансеис и удалец Самсон.

— Клянусь головой, и я с вами! — закричал архиепископ Турпен.

— Я тоже не брошу сеньора! — воскликнул верный слуга Роланда Готье.

Двадцать тысяч войска и двенадцать отважных рыцарей-пэров остались в чужой земле.

До чего же мрачны ущелья и высоки горы! В глубине теснин чернеют неприступные

скалы. По узким проходам идут французские полки. Весь день ведет их Карл в сторону Франции, на много лье разносится гул шагов и топот коней. Тяжело приходится франкам: за каждым уступом — пропасть, тоска сжимает сердце, как припомнят они оставленных в арьергарде товарищей...

Вот уже впереди Гасконь, милая родина. Воспряли духом воины. О многом припомнили по дороге: вспомнились им родные земли и поместья, дорогие невесты и жены. Слезы подступили к горлу у бывалых бойцов. У кого — от радости, у кого — от печали.

Но более всех загрустил по дороге Карл Великий: чуяло его сердце, что оставил он любимого племянника на верную гибель. Прикрыв лицо плащом, скакал он в унынии рядом со своим старым вассалом и советчиком Немоном Баварским.

— О чем печалитесь, государь? — спросил его Немон.

— Что спрашивать! — вздохнул король. — Горе и досада сжимают мое сердце. Чувствую я, что граф Ганелон посрамил нашу землю

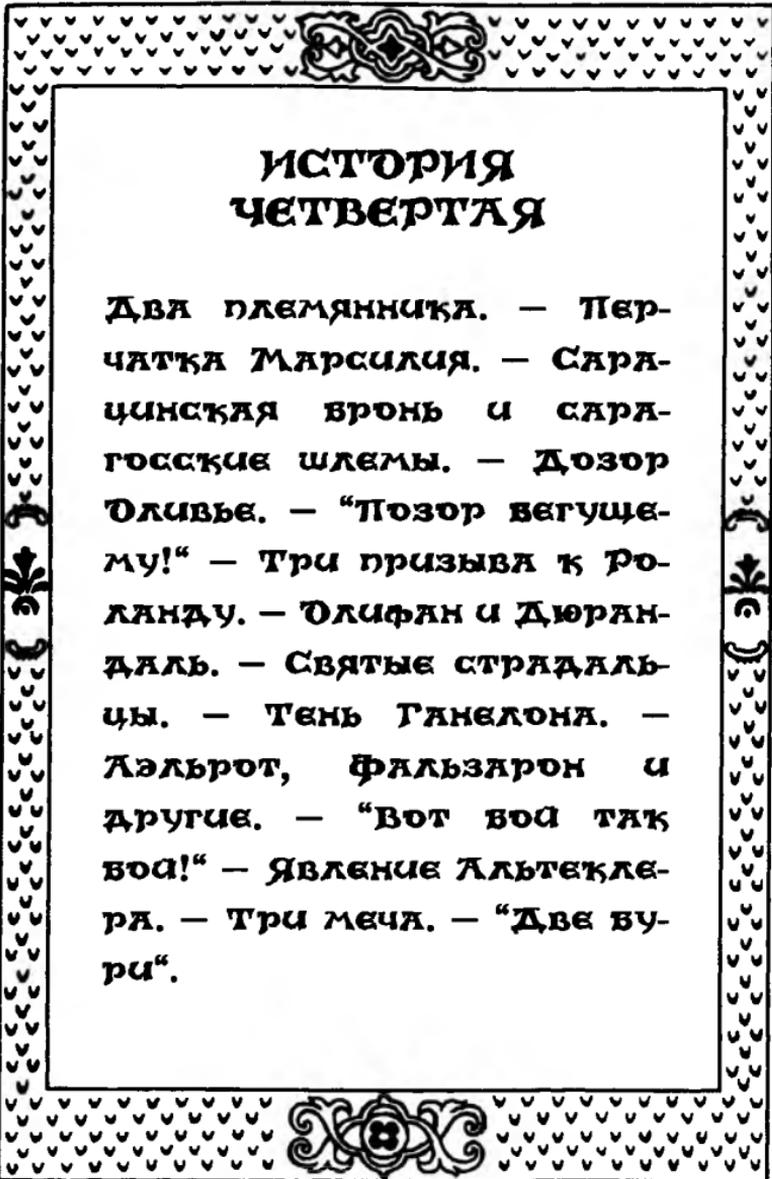

и погубил наше войско. Нынче в ночь было мне видение, будто в щепки разлетелось мое копье и разбил его граф Ганелон. Ведь это он определил в арьергард Роланда. Беда, коль погибнет мой племянник, — нет ему замены в моем сердце!

Уходит Карл. За строем строй,
Спешат войска к себе домой.
А мы рассказ продолжим свой,
Аой!

ИСТОРИЯ ЧЕТВЕРТАЯ

Два племянника. — Перчатка Марсидия. — Сарацинская броня и сарацинские шлемы. — Дозор Оливье. — “Позор вегущему!” — Три призыва к Роланду. — Олифан и Дюрандаль. — Святые страдальцы. — Тень Ганелона. — Лэльрот, Фальзарон и другие. — “Вот вот так вот!” — Явление Альтеклера. — Три меча. — “Две бури”.

ремят в Сарагосе барабаны. Три дня и три ночи скликал царь Марсилий своих подданных. Все званы к сарацинскому правителю — от старого альгалифа до юного царевича: князя и герцоги, эмиры и бароны, альмансуры и виконты. Четыреста тысяч войска собрал Марсилий.

На самую высокую башню Сарагосы подняли язычники идола: и стар и млад молятся Магомету, просят у него помощи в войне и защиты от могучих мечей франкских воинов. Помолившись, оседлали басурмане коней и дорожных мулов и отправились вослед уходящему войску Карла. Вот уже добрались они до реки Сегры, вот уже скачут по земле Сарданье, вот уже видят, как в окружении отвесных скал золотом блещут под

солнцем вражеские знамена. Вот и Аспра, горный проход в Пиренеях. Здесь, при входе в ущелье, на краю Ронсевальской долины, встали на страже двенадцать французских пэров со своим немногочисленным войском. Пусть невелика дружина, но не занимать ей ни мужества, ни отваги.

Надеются сарацины, что во главе двенадцати франкских пэров увидят Роланда, королевского племянника. Тогда и племянник Марсилия Аэльрот решил попытать удачу — гонит мула, погоняет его древком, кричит со смехом царю Марсилию:

— Вам, государь, служил я долго и верно — сколько бедствий я претерпел ради вас, сколько пережил поражений и одержал побед! Прошу вас, государь, даруйте мне первый бой с Роландом, и я, коль поможет мне в том Магомет, сражу заносчивого франка своим копьем! А тогда вся Испания снова будет нашей.

Снял Марсилий перчатку и передал ее племяннику. Аэльрот же, взяв перчатку, сказал еще спесивей:

— Велик ваш дар, государь, однако нужны мне еще и соратники. Изберите мне двенадцать бойцов, и тогда мы перебьем двенадцать французских пэров, и ни одной живой души не останется в Карловом арьергарде!

Тогда подъехал к Аэльроту брат Марсилия Фальзарон.

— Дорогой племянник, — вскричал он, — я вместе с вами готов к бою. Горе франкской страже, если мы ударим заодно по этой горстке безумцев!

Затем прискакал африканец Корсали, повелитель берберов, смелый коварный воин.

— Я никогда не отступлю, — сказал он Аэльроту, — даже если мне посулят все богатства мира.

— И я! — закричал Мальприм, славившийся тем, что мог бежать быстрее скакуна. — И я готов немедля отправиться в Ронсеваль. Если встретится мне там Роланд, то всю оставшуюся жизнь будет рыдать Карл по своему племяннику!

А эмир из Балагета, гордый, красивый и отважный воин, подъехал к своему повелителю и сказал ему:

— Царь! Пустите и меня в Ронсеваль. Не миновать смерти Роланду, а вместе с ним погибнут и Оливье, и все пэры. Король Карл давно выжил из ума, он стар и слаб, и не станет после этого с нами воевать. Мы же вкусим мир в нашем доме!

Поблагодарил Марсилий своего эмира за такие смелые речи. Тут же рядом оказался еще один знатный правитель мавров — альмасор из Морианы, что на самом севере Испании. Этот языческий вельможа был известен своим подлым и коварным нравом.

— Я! Я поведу дружину к Ронсевалу! — закричал он царю. — Я встречу с Роландом и убью его!

А затем и другие воины Марсилия окружили Аэльрота.

— Будьте спокойны, государь, — воскликнули они. — Наш Магомет сильнее святого Петра — мы верны Магомету, и он нам поможет! Все мы сойдемся с Роландом

в Ронсевальском ущелье, не уйдет он оттуда живым!

— Посмотрите, государь, — сказал один, — какой у меня длинный и острый меч: против него не устоять Роландову Дюрандалю!

— А вот мой меч! — закричал другой. — Посмотрите, как светятся кровавым светом рубины на его рукояти, а скоро и клинок будет красен от франкской крови!

— Мое оружие не хуже, — бахвалится третий, — и уж коли я встречусь с Роландом, то с боем добуду его Дюрандаль и опозорю спесивых пэров!

Обрадовался Марсилий, услышав дерзкие слова своих бывалых воинов. Собрал он сто тысяч войска, и вот, во главе с пэрами-сарацинами, стало оно готовиться к бою.

В густом бору, спрятавшись кто за стволом, кто за кустом, надели мавры доспехи. Крепка сарацинская бронь, легки сарагосские шлемы, прочны валенсийские щиты, остры вианские мечи — хоть и ковали их во французском городе Виане, но не мавров будут они усмирять, а самих французов! А вот и копейные

значки — алого и желтого цветов, чтобы узнавали друг друга в сражении храбрые языческие воины. Быстро сошли арабы с дорожных мулов и вскочили на коней.

Бьет в глаза южное солнце, сияют доспехи, созывают мавров к бою звонкие трубы.

Наконец донесся шум до французского арьергарда. Граф Оливье возвратился с дозора и говорит Роланду:

— Не миновать нам сражения. Видать, замышляют что-то нехристи!

— Ну что же, — гордо ответил Роланд, — слава Богу! Послужим нашему королю, побьемся за великого Карла!

Оливье взошел на высокий холм, глянул на долину — а она вся кишмя кишит сарацинским войском.

— Собрат мой! — позвал доблестный Оливье королевского племянника. — Вы слышите этот шум? Вы видите эти щиты и шлемы? Тяжкий бой ждет сегодня французов!

— Не струсим! — весело откликнулся Роланд. — Слуга всегда рад послужить своему

господину, вассал всегда готов претерпеть за своего сеньора. Будем же без страха рубиться с маврами, чтобы не сложили о нас позорных песен!

С высокого холма далеко окрест видна Ронсевальская долина. Вот уже встал над ней лес копий. Сверкает золото несметных доспехов, не сосчитать языческих полков.

— Граф, — сказал в тревоге Оливье, — не простое это воинство. Кажется, всю Испанию посадил на коней царь Марсилий. Окружены мы со всех сторон, и я догадываюсь, по чьему наущению: всему виной Ганелон, коварный предатель. Это он назначил нас в арьергард и отдал в руки поганых нехристей!

— Граф, — ответил ему Роланд, — Ганелон мой отчим, и я не могу позволить вам его бранить. Даст Бог, победим язычников, и я сам буду судить предателя!

— Там тьма сарацинов, — продолжал между тем в еще большем смущенье Оливье. — Остры их копыя, крепки мечи. Чует мое

сердце — выпадет на нашу долю бой, которого еще никто никогда не видывал.

— Позор бегущему! — откликнулись франки. — Будь проклят, кто дрогнет перед неприятелем! Все погибнем, но никто не предаст!

— Мала наша рать, — сказал Оливье. — Собрат Роланд, возьмите ваш рог, возьмите ваш славный Олифан, трубите в него скорей. Услышит Карл, повернет свои войска, придет нам на помощь!

— Не дай Господь! — с гневом воскликнул Роланд. — Я еще не безумец, чтобы покрывать позором себя и всю милую Францию! Нет, не в рог я буду трубить, а мечом рубить стану я недругов, пусть мой Дюрандаль окрасится по рукоять их кровью. Ручаюсь вам, граф, — суждена им гибель!

— Не стыдно звать на помощь подмогу, коли оказались мы в западне. Посмотрите, сколько кругом язычников. Покрыла их рать овраги и горы, холмы и низины. За каждым кустом по сарацинскому воину, за каждым

деревом притаился всадник. Трубите скорее в рог, милый Роланд!

— Не дай Господь! — вновь ответил тот. — Я не позволю, чтобы обо мне пошел слух, будто из-за каких-то мавров поднял я к небу свой славный рог. Много, говорите, сарацинов? Что ж, дадим им великий бой! Хватит у нас отваги, хватит и умения. На славу поработает мой меч, плохо придется испанцам, никто из них не уйдет от смерти и позора!

В третий раз воззвал Оливье к Роланду:

— Друг и побратим! Перед нами не горстка врагов, но огромное войско. Возьмите ваш зычный рог, позовите императора! Еще не поздно, еще услышит он призыв. Нет в том срама ни вам, ни вашим воинам. Взгляните вверх: там, близ Аспры, исчезают последние ряды императорских войск. Уйдут — и останемся мы один на один с погибелью.

— Не дай Господь! — в третий раз ответил Роланд. — Безумны ваши речи, сударь! Вечный позор тому, чье сердце дрогнет от

испуга, — мы же не трусы. Не мы, а мавры примут смерть на поле брани!

На яркой перевязи висит священный Олифан, рог Роланда. Стал он знаменит во всей Франции еще с тех пор, когда ходил Карл Великий в Константинополь, к греческому императору Гугону.

Тогда устроил именитый грек пиршество в честь франкского короля. Разгорячились воины от обильного обеда и крепкого вина и стали хвалиться, кто из них и каким образом может победить Гугона, чтобы тот признал себя вассалом Карла. А в это время внутри пустой колонны пиршественной залы спрятался шпион и, когда отправились франки отдыхать, рассказал обо всем, что услышал, греческому императору. Посмеялся Гугон и на следующий день устроил для франков испытание.

Первым делом привел он самого сильного воина своей армии, одетого в две кольчуги и в двойной шлем, и подвел его к императору Карлу.

— Вчера вечером, — сказал он, — вы похвалялись, что одним ударом можете разрубить пополам моего рыцаря и его коня. Боюсь, вы переоценили ваши силы!

Однако, едва греческий воин вскочил в седло, Карл выхватил из ножен свой Жуайёз и, недолго думая, одним махом разрубил и двойной шлем, и две кольчуги, и самого рыцаря, и седло, и, наконец, коня. Подивился Гугон такой мощи, помрачнел и повернулся к Оливье:

— Ну а вы, граф, говорили, что можете одним камнем перекрыть реку и затопить весь город. Хотел бы я взглянуть, как вы это сделаете!

Оливье уже смекнул, к чему клонит Гугон. Выхватил он свой меч, подбежал к могучей колонне, что поддерживала каменный свод дворцовой залы, и одним ударом перерубил колонну пополам. Угол дворца так и обрушился в королевский сад, перекрыл в нем реку, и вода хлынула на городские улицы.

Испугался Гугон, побледнел, повернулся к Роланду и сказал:

— Ну а вы похвалялись, мол, можете так сильно дунуть в рог, что все двери в городе соскочат с петель...

Не успел грек закончить, как Роланд поднял свой Олифан и дунул в него с такой силой, что от звука рога двери просто вылетали из домов, а у самого Гугона оказались опаленными усы и борода, после чего император более не сомневался в могуществе франков и добровольно признал себя вассалом Карла. Грек получил прозвище Гугон Безбородый, а королевский племянник и его лучший друг прославились на весь мир.

...Разумен и мудр Оливье. Горяч и бесстрашен Роланд. Равны они друг другу в доблести и мужестве. Видит Роланд — близок бой, стал рыцарь гордым и лютым, будто лев или леопард вселились в его душу.

— Не зря же император оставил нас тут с нашим войском! — вскричал он. — Нет, ни один француз не знает страха, а уж нам с вами совсем негоже выказывать робость. Вот мой священный Дюрандаль: если погибну, пусть тот, кто будет им владеть, скажет:

“Никогда не был трусом державший сей меч в руках!”

Архиепископ Турпен взлетел на пригорок и пришпорил коня.

— Рыцари, — начал он, обращаясь к франкам, — могучий Карл оставил нас здесь на страже. Умрем за своего государя и за свою веру! Посмотрите, полон дол сарацинским воинством, близок смертный бой. Обратитесь же к Богу с молитвой и покайтесь в своих грехах, — если суждено будет вам погибнуть, то попадете сразу в цветущий рай и будете причислены к святым страдальцам!

Пали на колени франки, и Турпен благословил бойцов святым крестом.

Вновь сели на коней французские рыцари, вновь надели все свои боевые доспехи: готовы к бою бароны, готова дружина.

И тогда молвил Роланд своему другу Оливье:

— Вы правду сказали, граф, — обрек нас на гибель проклятый Ганелон. Взял он за предательство деньги и дары, пусть за это воздаст ему наш король. Мы же сквитаемся

с сарацинами по-своему — мечами и копьями!

Хорош конь у Роланда — сильный, быстрый и яростный. Недаром зовется он Вельянтифом — Зорким и Бдительным. К лицу графу его боевые доспехи. На остром копье играет белый значок, вьется по ветру бахромы, сверкает под солнцем стальное острие. Горд Роланд лицом, красив станом. Следом за ним скачет его побратим Оливье. По другую руку от Роланда прищпоривает скакуна юный Эмери Нарбоннский. Оставил он в далекой Нарбонне красавицу жену и маленьких своих сыновей — что-то их ждет впереди, если погибнет отважный рыцарь? Но нет в его сердце и тени страха — вместе с Роландом и Оливье оглядывает он любовно своих людей: все как на подбор, все верны ему и полны отваги.

— Друзья, — вскричал Роланд, — такую мы возьмем здесь добычу, какую не брал еще ни один из королей!

— Что ж! — откликнулся Оливье. — Будем уповать на Господа. Не захотели вы трубить

в Олифан, теперь никто не придет нам на помощь.

— Собратья! — молвил Эмери. — Держите строй, крушите басурман, рубите плеча, помните боевой клич Карла!

И тогда из конца в конец по всему французскому воинству волной прокатился крик:

— Монжуа! Монжуа!..

Кто хоть раз в бою слышал этот крик, тот видел тех, кому неведомы страх и отчаяние. Погналы французы своих коней. Теперь им осталось одно — рубить плеча, разить врагов. Но и сарацины не робеют. Грудь в грудь сошлись на бранном поле мавр и франк — и началась невиданная доселе битва.

Первым из первых бросился в бой племянник царя Марсилиа Аэльрот. Выехав из строя язычников, зло и дерзко закричал он франкам:

— Труссы! Кто из вас осмелится со мной сразиться? Предал вас Карл, отдал в наши руки. Глупец ваш король! Сегодня он

простится со славой, лишится правой руки, и падет позор на вашу Францию!

Услышав его слова, преисполнился Роланд ратного гнева. До того разъярился, что, не глядя на полчища врагов, бросился в гущу нехристей, пустил в галоп гордого Вельянтифа и, с копьем наперевес, устремился прямо на Аэльрота. Тот и глазом моргнуть не успел, как Роландово копье с такой силой вонзилось в язычника, что раздробило его щит, расколело доспехи, прорезало ребра и насквозь пронзило ему грудь. Сбросил Роланд Аэльрота на траву — из того и дух вон! Отважный граф склонился над мертвецом, выдернул из неподвижного тела меткое копье и воскликнул:

— Презренный! Ты захотел осрамить нашего короля, но Господь за каждую ложь воздает по заслугам! Нет, не глупец наш император и не предатель. Прав он был, когда доверил нам прикрывать отход его войска. Друзья! Не погибнет сегодня слава Франции, но еще более укрепится. Вперед, франки! Наша правда — с нами!

Увидел Фальзарон, брат Марсилия, что погиб его племянник, пришел в неопишную ярость и, прищорив коня, бросился на французов. А был этот мавр велик ростом и ужасен лицом — между глаз расстояние больше локтя, всклокоченные волосы развеваются по ветру, на огромном лице застыла страшная гримаса, словно вся человеческая злоба и коварство слились в одном басурманском сердце!

— Смерть французам! — взревел он. — Позор Франции!

Услышал Оливье крик мавра, прищорил в гнев своего коня и по всем правилам рыцарского боя нанес Фальзарону удар копьем, по самый копейный флажок вогнав его в тело араба. Не спас того ни валенсийский щит, ни тройная сарацинская кольчуга. Замертво пал на землю брат Марсилия.

— Не страшны нам твои угрозы! — с презрением воскликнул Оливье. — В бой, друзья! Не одолеть нас поганым нехристям!

А нечестивец Корсали, повелитель берберов, закричал сарацинским дружинам:

— Воины! Нас не счесть, а франков можно пересчитать по пальцам. Битва за нами! Ни один не вернется к Карлу, бессилён помочь им их император, никто не уйдет от смерти!

Вот кого всей душой ненавидел архиепископ Турпен! Был этот мавр ему отвратителен и своими повадками и подлыми речами. Припав к луке седла и нацелив на врага копьё, бросился Турпен к берберу. От жестокого удара вдребезги разлетелся щит испанского воина. Не усидев в седле, рухнул он под ноги коня и, с древком в груди, испустил дух.

— Так-то! — воскликнул разгневанный Турпен. — Карл наш сеньор, он нам и честь, и защита, а твоя поганая брехня рассмешит и французского отрока. Всех ваших трусов ждет та же участь. Смелее, друзья!

Тогда бросился вперед Мальприм, тот самый сарацинский вельможа, что славился быстрым бегом и ловкостью. Щит его украшало хрустальное навершье, чтобы отражать стрелы и копьё. Легкая кольчуга с двойной подкладкой прикрывала его верткое, подвижное

тело. Длинный меч Мальприма не знал поражений, ни разу не подвел он своего владельца. Помнит Мальприм, что сказал Марсилию — мол, всю жизнь будет рыдать Карл по своему племяннику. Бросился он к Роланду, но наперерез ему выступил граф Эмери Нарбоннский. На тяжелом копье графа, под лезвием наконечника, сверкал на солнце стопор, кованный в виде цветка лилии. Ни у кого из франков нет такого красивого копья — даже на копье Роланда был всего лишь простой султан из перьев, не позволявший острию войти слишком глубоко в тело неприятеля, дабы не застрять в костях, раздробленных метким и мощным ударом.

Вскинул юный Эмери свое славное копье, разбил хрустальное навершье на щите Мальприма, а сам щит лопнул, как пустая тыква, и разлетелся на куски. Конец копья проник через доспехи — и свалился сарацин мертвым. Выдернул Эмери копье из павшего и бросился в сечу.

Под стать собрату оказался и славный граф Жерье: схватился он с гордым и отважным

эмиром из Балагета, прямо в живот направил ему свое копьё и сбросил на землю бездыханным.

— Вот бой так бой! — весело воскликнул Оливье, увидев, как Жерье расправился с эмиром.

Альмасор из Морианы налетел на герцога Жерена, но тот вовремя увернулся от коварного копьё альмасора и, на горе маврам, сшиб его с коня ответным ударом.

— Отлично, герцог! — крикнул Турпен, отбиваясь от язычников.

То тут, то там вспыхивают на поле брани неистовые поединки. Ободренные первыми победами, крушат франки сарацинские полки. Ансеис на ходу проткнул копьём противника, гасконец Аселен разрубил надвое сарацинского пэра, удалец Самсон — другого. Каждый из франков нашел себе достойного противника, никто не дрогнул и не отступил. Только и слышно, как перекликаются друг с другом отважные бароны.

— Вот это удар! — кричит один.

– Вы просто силач, сударь! – кричит другой.

– Берегитесь, Ивон! – предостерегает третий.

– Спасибо, Жерар! – благодарит четвертый.

Плечом к плечу теснят франки сарацинских вельмож: вот уже из двенадцати языческих пэров только двое еще в живых – самые отчаянные, самые дерзкие мавры.

Один из них, Маргарис, красавец витязь, могучий и проворный, пустил своего коня прямо на графа Оливье. Близ золотого наверхья пробил он его щит, скользнуло копьё вдоль бедра рыцаря, но, слава Богу, не задело тела, – усидел граф в седле. А Маргарис пролетел во весь опор мимо него, затрубил в рог, стал скликать воинство на новую атаку.

Второй, Шернобль, не отстает от Роланда: где тот рубится, туда и язычник стремится, старается своим копьём достать могучего франка. Пятнадцать копий уже сменил Роланд – последнее копьё выбил у него

из руки силач Шернобль. Тут-то и взялся наконец Роланд за свой добрый меч Дюрандаль. Издали приметен шлем сарацинского пэра, украшенный драгоценными камнями. Пустил Роланд галопом скакуна Вельянтифа и, обеими руками подняв над головой Дюрандаль, обрушил на драгоценный басурманский шлем такой удар, что рассек надвое не только рыцаря, но и его коня.

— Зря ты сюда пришел! — в гнев крикнул граф. — И Магомет тебе не помог!

Между тем Оливье снова сошелся с Маргарисом, несется на того вскачь, а у самого в руках не копье, а лишь обломок древка.

— Граф, вы сошли с ума! — кричит ему вслед Роланд. — Здесь не жердью должно воевать, а железом. Где ваш меч, друг мой? Где ваш Альтеклер?

— Не беспокойтесь, граф! — отвечал Оливье. — Здесь мой меч, в ножнах. Недосуг мне было его достать, но теперь никто не избежит его острия!

Выхватил Оливье Альтеклер, и его сияние было последним, что увидел на этом свете отважный Маргарис.

— Брат мой, вот это удар! — восхитился Роланд, видя, как язычник и его конь рухнули на землю, подобно срубленному дереву.

До чего быстр у Оливье скакун, недаром он зовется Пассесерфом — Перегоняющим Оленя! А меч его Альтеклер древен, как мир. Когда-то принадлежал он римскому императору Клозамонту, потом достался отцу Карла Великого королю Пипину. Побывал он и у римского папы, и у многих достойных баронов. И те, кто шли с Альтеклером на бой, выходили из него с победой.

Три великих меча на одном поле брани встретились с сарацинским войском: Дюрандаль Роланда, Альтеклер Оливье и грозный меч архиепископа Турпена Альмас — Святая Секира. Кто бы глянул, как рубят эти мечи, как громят они одного мертвеца на другого, как не отстают друг от друга их отважные владельцы!

— Лихо бьемся! — кричит Турпен.

— С нами Карлово знамя! — кричит Оливье.

— Монжуа! — кричит Роланд.

Все жарче битва, все яростнее сражаются французы и мавры. Одни разят, другие отражают удары. Сколько поломано копий, сколько значков и знамен порвано в клочья, сколько крови пролито! В цвете лет погибают молодые франки — не увидеть им ни жен, ни матерей, не обнять больше друга, не приветствовать своего короля.

Две бури гремят над землей: одна в Ронсевальской долине, на бранном поле; другая буря завывает и грохочет над всею Францией. От северных нормандских скал до южных лесов, от бретонских пустошей до альпийских лугов засвистел ураган, низвергнулся на землю ливень. Там — хлещет град величиной с куриное яйцо. Там — в небесах сверкают молнии и колеблется земля от неслыханного грома. Нет крепости, где бы не трещали от ветра стены, нет деревни, где бы не вспыхивали от молний

соломенные крыши. Всех, кто это видит, объемлет страх. Все кричат: “Настал конец света!..” Нет, ошибаются испуганные французы – то не Судный день настал, то скорбит весь Божий мир, предчувствуя гибель могучего Роланда.

Между тем наступают французы и бьют врагов без промаха. Сотни, тысячи неверных нашли смерть у входа в Ронсевальское ущелье. Было их сто тысяч, а осталось всего двое израненных бойцов: еле-еле спаслись они бегством, бросились в лагерь короля Марсилия – рассказать о великой потере, о гибели сарацинских пэров, о знатных мечях и быстрых скакунах бесстрашных франков.

Получили французы передышку, разбрелись по долине, ищут своих собратьев в грудах мертвецов. Кто отыскал павшего друга – не может сдержать слез, кто соединился с живым товарищем – благодарит небо.

– Бесстрашен наш народ! – воскликнул архиепископ Турпен французским пэрам,

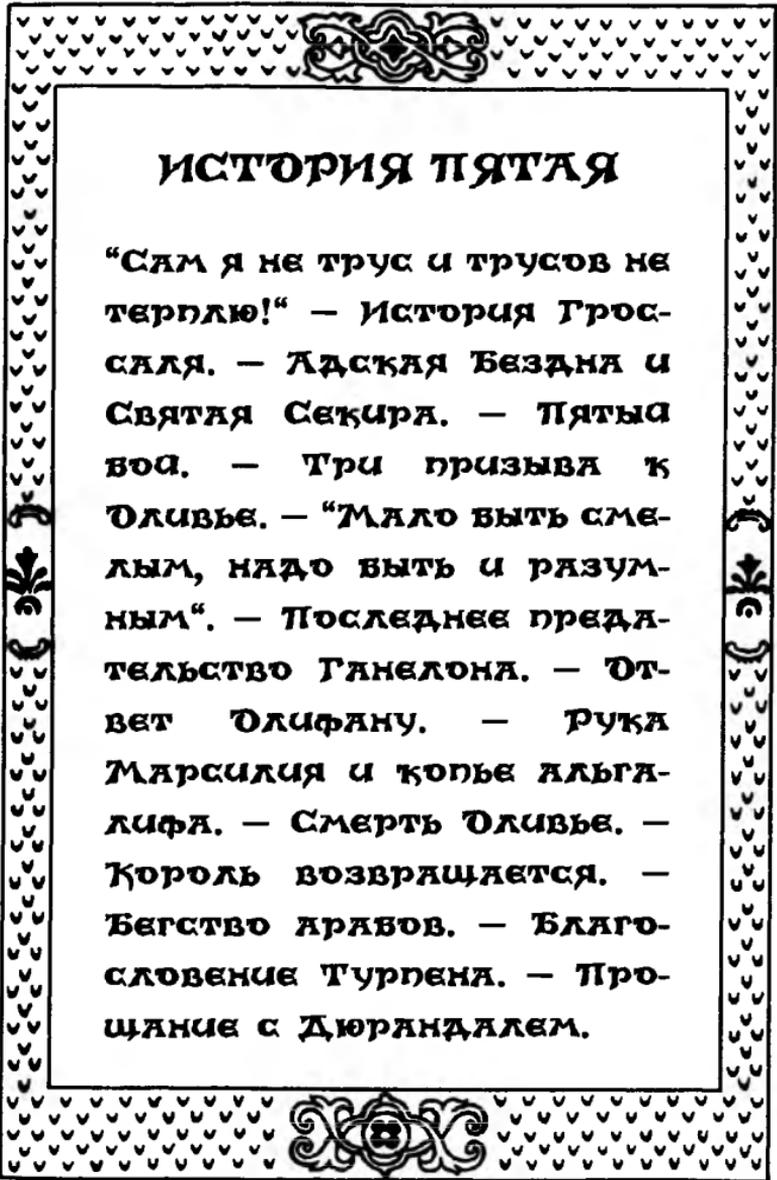

собранным на высоком холме. — Нет ему
равных в бранном деле!

На ратном поле — тишь, покой,
Но впереди — смертельный бой.
И мы рассказ продолжим свой,
Аой!

ИСТОРИЯ ПЯТАЯ

“Сам я не трус и трусов не терплю!” — История Гроссая. — Лдская Бездня и Святая Секира. — Пятая воа. — Три призыва к Оливье. — “Мало быть смелым, надо быть и разумным”. — Последнее предательство Ганелона. — Ответ Олифану. — Рука Марсидия и копье Альгалифа. — Смерть Оливье. — Король возвращается. — Бегство арабов. — Благословение Турпена. — Прощание с Дюрандалем.

есстрашен наш народ! — повторил Турпен, и эхо разнесло по Ронсевальской долине его громкие и гордые слова.

А между тем царь Марсилий, узнав о гибели своих мужественных пэров и о смерти тысяч язычников, собрал всю оставшуюся рать, и была она несметной: полков двадцать, если не больше, повел Марсилий в бой на французскую заставу. Семь тысяч сарацинских труб огласили ревом окрестность, собирая мавританские войска на последний бой.

Услышав этот рев, топот коней и несмолкаемые крики арабских воинов, все ближе, все громче доносящиеся со всех сторон, Роланд положил руку на плечо Оливье и сказал ему негромко:

— Да, брат мой, теперь уже нет сомнения в измене. Трус и предатель Ганелон обрек нас на смерть. Вижу: ожидает нас битва, горше и сильней которой еще не видывал белый свет. Что ж! Есть у меня Дюрандаль, а у вас в руках — Альтеклер. Не одну победу добыли мы нашими мечами, многие страны и земли покорили с их помощью. Пусть же и после сегодняшней сечи никто не сложит о нас позорной песни!

Во главе своих дружин, пошедших в новый бой против франков, царь Марсилий поставил грозного и зловредного араба Абима, чье имя звучало для христиан как два страшных слова: Адская Бездна. Козни и коварство ценил Абим более, чем галисийские клады и сокровища. Никто не видел его смеющимся, но всем нехристям был знаком его яростный оскал. Пожалуй, не было в сарацинском войске другого такого безрассудного воина, за что Марсилий и приблизил к себе Абима.

Первым помчался Абим в битву, сжимая в руке стяг с драконом, который вверил

ему царь. Увидев этот стяг, вздрогнул архиепископ Турпен и сказал сам себе:

— А, вот и ты, нечестивец, вот и ты к нам пожаловал, еретик! Давно я хотел скрестить с тобой оружие. Сегодня один из нас погибнет. Сам я не трус и трусов не терплю!

Вонзил Турпен шпоры в необъятные бока своего коня, недаром тот звался Гроссалем — Громадиной. Не конь у Турпена, а загляденье: в круге он широк, боками длинен, сам приземист, а в седле подъемист. Хвост у Гроссалья белый, грива — чалая, морда — рыжая, уши у него короткие, а ноги сухие и стройные. И хоть летел Турпен на смертный поединок — вспомнил, как вернул он себе однажды своего любимого коня, и улыбнулся.

А случилось так, что в одном из давних походов, в лагерной суматохе, пропал Гроссаль у Турпена. Поутру не обнаружил Турпен его у коновязи и понял, что под покровом ночи кто-то из наемных воинов увел крепкого и выносливого скакуна. Тогда повелел Турпен своим слугам обойти все походные палатки и все обозы, оглашая от его имени

воззванье. “Тот, кто украл у меня коня, — было написано в этом воззванье, — пускай немедленно мне его возвратит. Иначе я буду вынужден сделать то, что в прежние времена свершил мой доблестный отец”.

Напугал простых воинов этот клич, напугал и вора. Тот отпустил Гроссаля, и конь благополучно нашел своего хозяина. Обрадовался Турпен встрече со своим другом и возблагодарил небеса за то, что те оказались милостивы к его хитрости. Тогда спросили Турпена франки:

— Что же вы стали бы делать, кабы конь ваш не отыскался? И как ваш отец поступил в подобной беде?

— Когда у моего отца украли коня, — отвечал Турпен, — он взвалил на плечи стремена и седло и пешком отправился домой. Выехал он в поход всадником, а вернулся пехотинцем. Думаю, что и со мной случилась бы та же беда, ежели бы вор не струсил и не отпустил моего Гроссаля.

И вот прищпорил архиепископ коня и с дерзкой веселостью налетел на Абима.

Такая сила и отвага овладели Турпенем, что только ветер засвистел, когда рассек воздух славный меч Альмас. Щит Абима был на диво изукрашен бериллами и топазами, алмазами и рубинами. Говорят, сам сатана добывал для нечестивца эти украшения и подарил их басурманину за верную службу. В эти-то камни, украшавшие наверхье щита, и пришелся удар Альмасом. Не смогли дьявольские дары уберечь Абима от Святой Секиры: брызнули осколки в разные стороны, а щит, как ни был чудесен, раскололся на куски. Гроссаль, ведомый твердой рукой опытного бойца, взвился на дыбы, и вторым ударом рассек Турпен своего врага от плеча до пояса. Так и рухнул Абим на землю, не успев пустить в дело меткое копьё.

— Могучий Турпен! — вскричали франки. — Вот это витязь! Нет, не отдаст наш прелат врагу свой божественный жезл!

Роланд, воодушевившись поединком Турпена, созвал пэров и дружинников на последний бой.

— Друзья! — крикнул он. — Уж если суждено нам умереть, то лицом к врагу!

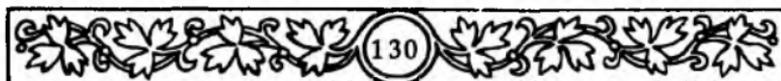
— Добрые рыцари! — поддержал его Турпен. — Уж если суждено нам умереть, то всем, кроме трусов, будет открыт святой рай!

— Воины! — продолжал граф Эмери Нарбоннский. — Гоните прочь мысль о бегстве! Уж если суждено нам умереть, то и врагов отправим в преисподнюю!

И снова ободренные франки огласили Ронсевальскую долину воинственным кличем.

— Монжуа! Монжуа! — откликнулось гулкое эхо, но не услышал его Карл и бароны, спешившие домой, в милую Францию.

Был среди языческого войска сарагосец Климорен — тот самый, что подарил изменнику Ганелону шлем из непробиваемого железа. Пришпорив быстрого, как ястреб, коня Барбамоша, налетел он на гасконца Аселена: ни щит, ни кольчуга не спасли храбреца от смертельного удара. Хитрым приемом вынудил Климорен Аселена отвести щит в сторону

и вогнал в его тело копьё так, что наконецник вышел наружу из спины бедняги. Пронзенный насквозь, пал французский воин на траву, и эта смерть ввергла воинов Роланда в ужас и скорбь.

— О Боже! — воскликнули они. — Какая потеря!

Зато Климорен ликовал.

— Смелее! — закричал он сарацинам. — Таких трусов, как этот, мы одолеем быстро и легко! Разгоним франков!

— Вот как! — ответил ему Оливье. — Не было у нас баронов, храбрее Аселена. Поглядим же, как легко и быстро ты расправишься с нами, поганый нехристь!

Со всего маху всадил он в коня золотые шпоры, сжал рукою окровавленный Альтеклер и бросился на мавра. Грудь в грудь сошлись Пассесерф и Барбамош, взвились на дыбы, но конь франка оказался проворнее: вскинув переднее копыто, он с такой силой ударил им в щит Климорена, что сбил сарацина наземь. И Оливье прикончил врага, не дав ему опомниться.

— Вот как надо биться, франки! — вскричал Роланд. — Такой удар оценил бы наш король!

Был среди язычников еще один храбрец — Вальдеброн-корабельщик. У него под началом состоял сарацинский флот в четыреста судов. К тому же был он наставником и воспитателем царя Марсилия. Именно седобородый Вальдеброн подарил предателю Ганелону в знак приязни меч с драгоценной рукоятью. Пустил он быстрого, как сокол, коня Граммимона во весь опор — туда, где с дюжиной язычников одновременно схватился граф Жерье. Подскочил он к Жерье по-предательски сзади и вместе с флажком загнал в беднягу острое копье. Упал французский пэр на землю, а Вальдеброн посмеялся над мертвецом:

— Ну и рыцарь! Легче легкого сражаться с такими ничтожными воинами. Эй, мавры, в бой!

Услышав его смех, опечалились франки.

— Горе! — вскричали они. — Пал наш со-
брат!

Ни слова не промолвил Роланд. Охватила его великая печаль и великая ярость. Отпустил он повод, и бросился Вельянтиф грудь в грудь на Грамимона. Грамимон от испуга закружился на месте, подставляя Роланду спину своего ездока. Но гордый граф дождался, когда окажется лицом к лицу с коварным Вальдеброном, и раскроил наглицу череп верным своим Дюрандалем. Одним ударом убил и мавра, и его коня.

— О Магомет! — воскликнули враги. — Какой жестокий удар!

— Презренные! — ответил им Роланд. — Вы мне отвратительны! Вы служите лжи, а мы — правде!

Огляделся Роланд, видит — лежит на земле лазурно-алый щит графа Ансеиса. Поодаль, приколотый копьем к зеленому лугу, упал навзничь храбрец Жерен. Стонут французы. Редуют ряды славных пэров.

Юный Журфалей, сын Марсилия, сошелся в схватке с графом Эмери. Хоть и видел он графа впервые, но, глянув на статную фигуру и благородные черты юного франка,

сразу понял, что имеет дело с настоящим рыцарем. Ни копьем, ни мечом не может справиться с графом Журфалей. Но и граф никак не может одолеть ловкого мавра.

Тогда позвал Роланд Оливье:

— Поглядите, как славно бьется наш граф! Лихой боец!

— Пора ему помочь! — с тревогой ответил Оливье, заметив, что царевич все больше и больше теснит их товарища.

Бросились они в битву и сокрушили втроем Журфалея.

Застонали испанцы от горя, увидев, какую потерю они понесли.

— Наши силы уже на исходе! — взмолились раненые. — Да проклянет Магомет французский край! Нет на земле народа, отважней франков!

Бушует жаркий бой. Вся долина покрыта телами, обагрена кровью. Торчат из мертвецов обломки копий. Разрубленные щиты и шлемы, туши коней, руки и ноги, отделенные от тел, — все лежит парной кучей,

горой, прикрывая горячую, вытоптанную землю.

Четырежды вступали французы в схватку с нехристями, четырежды изгоняли их из ущелья, но вот грядет пятый бой... Кого из французских рыцарей спасет Господь, кому даст силы одолеть смертельного врага?

Между тем бросились уцелевшие мавры в стан Марсилия, стали просить помощи. Тогда собрал Марсилий свежие силы и двинул их на обессилевших франков. Тех осталось всего-то шестьдесят рыцарей, но нелегко будет с ними совладать сарацинским полкам.

Снова огляделся Роланд, видит — велики потери. И тогда обратился он к Оливье с такими словами:

— Собрат мой! Вся долина усеяна телами наших товарищей — вот какое постигло нас горе! Сколько благородных удалцов полегло сегодня, скольких защитников лишилась милая Франция!.. Где вы, наша опора, где вы, император?.. Брат Оливье, что же нам делать, как позвать нам на помощь владыку франков?

— Не знаю, — ответил Оливье, — но, по мне, лучше умереть, чем запятнать себя бегством.

— Пришла пора затрубить мне в Олифан, — продолжал Роланд. — Затрублю, чтобы услышал нас Карл и повернул свои войска.

— Нет, брат мой, — ответил Оливье. — Если теперь затрубите вы в рог, то навеки покроете позором себя и свой род! Помните, граф, не я ли просил вас призвать на помощь наше войско, однако вы не вняли моим словам и с гордостью отвергли мой совет. А теперь поздно нам звать подмогу: не спасенье к нам придет, а бесчестье.

— Пришла пора затрубить мне в Олифан, — вновь промолвил Роланд. — Ужасен этот бой, руки наши во вражеской крови. Я затрублю — и поспеет король нам на выручку.

— Недостойны ваши слова храброго васала, — возразил Оливье. — Вы презрели добрый совет, а ведь будь здесь король, все бы мы избегли гибели. Нет, сами мы

виновны в своей смерти, не в чем упрекнуть нам тех, кто ушел с Карлом.

— Пришла пора затрубить мне в Олифан, — в третий раз воскликнул Роланд. — Может быть, хоть кого-то из нас успеет спасти вернувшийся король.

— Нет, сударь, — в третий раз гордо ответил Оливье, — если останемся в живых, не отмыть нам такого пятна во веки веков. Клянусь, коли суждено нам вернуться домой, как посмотрим мы в светлые очи Альды — моей сестры и вашей невесты?

— За что гневаетесь, граф? — с грустью спросил Роланд.

— За то, что вы — виновник нашего несчастья! — с горечью откликнулся Оливье. — Мало быть смелым, надо быть и разумным. Ваша гордость погубила лучших рыцарей и отважных воинов. Кабы пришел Карл на помощь вовремя, был бы Марсилий уже давно или мертв, или у нас в плену. Но теперь вы уже никогда не сможете служить своему королю. Вовек у него не будет такого сильного и отважного воина, как вы, Роланд.

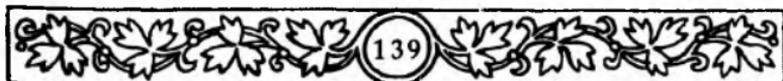
Сегодня ждет вас гибель, а милую Францию – печаль. Да и дружбе нашей пришел конец: вряд ли кто из нас доживет до вечера...

Тут услышал их спор архиепископ Турпен и с упреком воззвал к ним обоим:

– Граф Оливье, граф Роланд, заклинаю вас Богом, не горячитесь! Никто уже нас не спасет. И все же трубите в свой Олифан, сударь, – пусть услышит Карл звук вашего рога, пусть вернется и отомстит за нас маврам! Пусть друзья соберут наши останки, пусть от всей души оплачут нашу смерть, пусть отвезут наш прах на монастырский двор, чтоб не сгрызли нас псы и не съели свиньи!

– Вы правы, сударь, – ответил Турпену Роланд, склонив голову.

Крепко в руки взял он Олифан, приставил его к устам, напряг все силы и зычно затрубил, преодолевая боль, усталость и тоску. На тридцать лье разнесся чистый звук Роландова рога. Полетело эхо от склона к склону, пока не услышал его Карл Великий.

— Это наши дерутся, — сказал он французам. — Проклятые мавры напали на Роланда!

— Да что вы, государь, — рассмеялся Ганелон. — Какие там мавры? Скажи такое не вы, а кто-нибудь другой, право слово, обозвали бы вас просто-напросто лжецом!

С отчаянным усилием трубил Роланд в Олифан. Разодрал в кровь спекшиеся губы, на висках от натуги вздулись жилы, лопнула кожа, по всем ущельям разнесся горький призыв могучего рога.

Услышал его король, услышали французы.

— Это Олифан, — сказал Карл, — я узнаю его звук. Уж если затрубил Роланд, значит, грянул бой.

— Какой там бой? — изумился Ганелон. — У вас, государь, уже вся голова поседела, а говорите вздор, как малолетний ребенок. Кому, как не вам, знать норов вашего племянника? Он просто сумасброд, ваш Роланд! вспомните, как, не спросясь вас, он взял Нопль: едва узнал, что в крепости мало

защитников, как взыграла в нем спесь. Даже вас, своего короля, бросил всего лишь с горсткой воинов, а сам повел войска на сарацин, чтобы потом все говорили, какой он храбрец и отважный воин и как он лихо рубится за вашу славу! Вспомните, государь, как, узнав про ваш гнев, он приказал слугам вымыть водой весь луг, на котором порубил мавров, чтобы вы не узнали о битве и не стали упрекать его в самонадеянности. Какой там бой! Небось просто гонит зайца или кичится своей силой, вызывая какого-нибудь простодушного рыцаря на поединок. Вперед, государь! Что задерживаться без толку? Смотрите, уже за поворотом наш дом, наша милая Франция!

От непомерной натуги разорвались на висках у Роланда жилы, кровь пенится на его губах. Трубит он в Олифан с последними силами, в последнем отчаянии.

Услышал его король, услышали французы, услышал старый Немон Баварский.

— Как долго трубит рог! — встревожился Карл.

— С нашим графом беда, — ответил Немон. — Клянусь вам, государь, там идет смертельная битва. Нас предали! Измена здесь, среди нас! Зовите франков, государь! На коней! На подмогу Роланду — вы же слышали, он молит нас о помощи!

Император приказал трубить во все рога. Воины, спешившись, стали надевать военные доспехи: кто берет расписной щит, кто булатное копье, кто острый меч. Облачившись в кольчуги, снова сели франки на коней, вонзили в их горячие бока золотые шпоры и помчались назад, вниз, в Ронсевальское ущелье.

— Только бы застать нам в живых Роланда! — вскричали храбрые рыцари. — А уж враг узнает силу настоящего удара!

Близок закат. В лучах вечернего солнца сверкают во множестве шлемы и щиты, вьются копейные значки, звенит подпруга, — спешат франки на выручку графу Роланду.

Поздно, поздно!

Про все забыл Карл. Одной надеждой жив, что еще успеет спасти любимого племянника,

отобьет его у басурман. Скачут рядом с ним его верные рыцари, скачет бок о бок с королем Немон Баварский, не видят, что предатель Ганелон все крепче и крепче осаживает своего коня. Вот уже все войско Карла промчалось мимо него, тогда в окружении своих слуг повернул он назад и поскакал в противоположную сторону.

Чем быстрее гнал Карл коня, тем все больший гнев овладевал его сердцем. Выпустил он поверх кольчуги белую бороду, дабы видели враги, что король бросает им гордый вызов. Со всех сторон окружают войско крутые склоны, бегут вниз по ущельям горные потоки, летят над ними звуки рогов — это шлют французы ответ одинокому Олифану. Печаль разрывает сердца французских баронов — хотели бы они сейчас сражаться рядом с Роландом. Никто из них не ведает, что из всего арьергарда осталось только шестьдесят бойцов — но мир не видывал воинов, им равных!

Между тем оторвал Роланд от губ свой звучный рог Олифан и обвел глазами поле

боя. Повсюду в долине, сжатой неприступными склонами, лежат мертвые франки. И тогда оплакал их отважный граф, как это пристало достойному рыцарю.

— Рыцари! — сказал он в великой скорби. — Да впустит Господь ваши души в цветущий рай! Долгие годы вы мне служили и погибли ради меня, а я был не в силах вас спасти. О милая Франция! Ты сегодня лишилась самых могучих своих героев. Друзья мои! Пусть воздаст вам Господь за все ваши муки. Брат Оливье! Теперь мы не разлучимся с вами до конца. Если вас убьют — и мне не жить. Вперед же, мой брат, бой не ждет!

Да, пока трубил Роланд в Олифан, не стихал бой ни на минуту. Увидев вернувшегося на поле брани Роланда, с удвоенной силой принялись франки бить мавров, ибо тот, кого в бою ждет не плен, а гибель, не отдаст свою жизнь задаром. Яростнее львов бросились бароны в самую гущу сражения. То слышен победный крик Турпена, то мощный призыв Эмери Нарбоннского, то грозный звон Оливьева Альтеклера.

Но французов все меньше и меньше остается в Ронсевальской долине. Царь Марсиль на скакуне Ганьоне, чувствуя, что арабы начинают теснить непокорных франков, и воодушевляя своих воинов, так ловко действовал копьем, что сбросил с коней оставшихся пэров: сначала вышиб из седла Ивория, потом проткнул насквозь Ивона и уложил на месте обессилевшего Жерара Русильонского.

— Да будь ты проклят! — вскричал Роланд, увидев, сколько бед натворил басурманский царь. — Ты убил моих бойцов, но пришла пора и расплатиться. Теперь ты сведешь знакомство с моим Дюрандалем!

Как ни проворен был Марсиль, но не смог увернуться он от священного меча Роланда. На полном скаку отсек граф у царя правую руку. Не в шутку испугались мавры, возопили к своему Магомету и закричали один громче другого:

— Прочь! Бежим прочь отсюда!..

Сто тысяч воинов повернули своих коней и, окружив раненого царя, бежали с поля

боя. И скакун Марсилия по кличке Ганьон, что значило — Рычащий Пес, как побитая собака бросился наутек, унося невезучего седока.

Однако на лугу уже появился нехристь-альгалиф, приведший на подмогу пятьдесят тысяч широконосых, черных эфиопов. С победным криком бросились негры на французов, и воскликнул Роланд в горести:

— Приходит нам конец — недолго уже осталось нам жить. Но будь проклят тот, кто продаст себя поганым задешево! Избави Бог опозорить нам милую Францию. Пускай, вернувшись, увидит наш император, что тьма неверных порублена нами. Пусть на каждого мертвого франка придется по пятнадцать убитых нехристей. За это благословит нас всех наш король!

— Трус, кто отстанет! — вскричал Оливье и бросился наперерез врагу.

Увидели арабы, что франков осталась всего маленькая горсточка, и с веселыми криками поспешили за альгалифом. А тот на рыжем коне подлетел к графу Оливье

и ударил его в спину длинным копьем. Острый наконечник взрезал кольчугу и прошел навывлет через грудь рыцаря.

— Ну, как удар? — рассмеялся альгалиф. — Напрасно король оставил тебя на страже. Он лишился доброго воина, зато я приобрету добрую славу!

Понял Оливье, что приходит смерть, сжал покрепче свой острый Альтеклер и ударил им по голове спесивого мавра. Еще хватило у Оливье силы на такой удар, который смог раскроить драгоценный шлем альгалифа, и острое лезвие меча рассекло голову сарацина по самые челюсти.

— Нет, — сказал Оливье, — не будешь ты кичиться этой победой и впредь не скажешь, хвалясь перед женой или дамой, что наш король понес такой урон. Что тебе с того, что Карл лишился нескольких славных воинов, если ты сам лишился головы?

И, разделавшись с альгалифом, призвал он к себе Роланда.

Покуда продирался тот сквозь стену врагов к своему собрату, Оливье с последней

яростью набросился на арабов и, словно острое копьё, вогнал своего Пассесерфа в ряды нехристей. Видели бы вы, как он крошит врага, одного мертвеца валит на другого, как громко и мужественно кричит: “Монжуа!”

— Ко мне, собрат! — позвал Оливье Роланда. — Близок мой смертный час. Вот и пришел срок нашего расставания.

Взглянул Роланд на Оливье — а лицо графа уже покрыла смертная бледность. Кровь из раны обагрила траву, вот-вот выскользнет из руки славный Альтеклер. Подъехал Роланд к Оливье и почувствовал, что от горя сам лишается чувств. А Оливье, у которого уже потемнело в глазах, принял своего побратима за врага, в последний раз поднял меч и ударил им по шлему Роланда. Не силен был удар, не нанес он вреда могучему франку, но только привел того в чувство.

— Брат мой! — кротко и нежно сказал Роланд. — Это я, ваш друг. Зачем же вы поднимаете на меня клинок?

А тот в ответ:

— Я вас не вижу, темно в глазах, но слышу ваш дорогой голос... Простите, если я вас ненароком ранил...

— Я цел! — откликнулся Роланд. — Да простит вас Господь!

Сошел Оливье с коня и почти в беспамятстве упал на траву. Повернулся он лицом к небу, покаялся Богу в совершенных грехах, помолился за Карла и за друга Роланда и, прошептав последние слова молитвы, умер.

Страшная печаль разорвала сердце Роланда, и, не в силах сдержаться, зарыдал он над телом своего друга.

А бой уже подходил к концу. Осталось на поле только три отважных героя — Роланд, Эмери Нарбоннский и архиепископ Турпен.

Со всех сторон налетели на них сарацины и, ликуя, закричали:

— Не дадим им уйти! Ни одного не пощадим!

Окружили франков и стали издали метать в них копья. Вот уже ранили сарацины

прелата, убили под ним коня, повергли его на землю. Однако Турпен тут же вскочил на ноги и, как истинный барон, гордо огляделся вокруг себя.

— Нет, я еще не побежден! — крикнул он Роланду. — Настоящий вассал в плен не сдается!

Взял он свой Альмас и пошел им крушить неправедных врагов: четыре сотни арабов успел уложить доблестный архиепископ. И тогда Роланд из последних сил снова затрубил в Олифан: хочет поймать хоть отзвук, хоть эхо королевских рогов, хочет знать, вернется ли назад его сеньор. Услышал Карл звук Олифана, сдержал коня и сказал Немону в великой печали:

— Беда стряслась в горах. Слышите рог? Покидает нас мой племянник. Слышите, как слабо он трубит? Значит, пришла к нему смерть. Друзья! — закричал он воинам. — Затрубите все сразу, чтобы понял Роланд — мы возвращаемся!

Все французские трубы и рога затрубили разом, многократное эхо разнеслось над

Ронсевальской долиной, смолк смех на устах у мавров.

— Карл подходит! — завопили язычники. — Подходит Карл!.. Смерть нам всем, если он вернется. Не кончить нам войну, покуда жив Роланд!

Четыре сотни отборных сарацин бросились на Роланда, но Турпен и Эмери Нарбоннский, услышав звук королевских труб, с удвоенной силой стали биться с врагом.

Не увидел Роланд, как упал с коня граф Эмери; поскакал к Турпену и крикнул ему, перекрывая зычным голосом улюлюканье мавров:

— Сеньор! Вы пеши, а я на коне, но сарацины запомнят и мой Дюрандаль, и ваш Альмас!

— Карл за нас отомстит! — ответил Турпен.

— Проклятье! — закричали язычники. — Возвращается Карл, а Роланд все жив! Нет ему равных в бесстрашии и силе!

Стали они метать в графа пики и дроты — как ни прикрывался щитом Роланд, вскоре

вся кольчуга его оказалась пробитой и рас-сеченной остриями наконечников. И его Вельянтиф не смог уберечься от ран: в трид-цати местах пронзенный копьями, он упал на землю и издох.

Остался Роланд пешим, поднялся с земли, преодолевая боль, подошел к Турпену, — а тем временем арабы, не сдерживая стыда и испуга, бросились врассыпную, чуя за спиной приближение королевского войска. Но нет уже сил у Роланда преследовать ненавистных врагов. Истекая кровью, подо-шел он к прелату, развязал ремни его золотого шлема, снял с него легкую коль-чугу, разрезал на куски камзол и перевязал раны умирающему Турпену. Прижав к гру-ди верного друга, уложил его граф на мяг-кую траву и сказал со смирением и неж-ностью:

— Простите, сеньор, если я оставляю вас ненадолго. Погибли наши братья, но было бы нам не к чести бросить их мертвыми рядом с язычниками. Пойду искать их тела, чтобы сложить их у ваших ног.

— Идите, граф, — прошептал Турпен. — Я вас дождусь.

И пошел Роланд по бранному полю. Обошел груды мертвецов: где видит гору погибших басурман, там находит и кого-нибудь из французских пэров. Отыскал граф храбрых Жерье и Жерена, Ивона и Ивория, Тибо из Реймса и гасконца Аселена, старика Жерара Руссильонского, гордеца Ансеиса и удальца Самсона. Нашел он и своего слугу Готье, который дрался на равных с баронами. Снес их останки к ногам Турпена, и тот, не в силах сдержать слез, благословил своих соратников слабеющей рукой.

А Роланд опять побрел по полю — ищет тело славного графа Эмери Нарбоннского и не может найти. Пошел было к дальнему краю поля, где на неприступном склоне шумел водопад, но увидел на траве своего побратима графа Оливье. Прижал он мертвого графа к груди и, собрав последние силы, отнес его к Турпену. Склонившись над телом храбреца, сказал Роланд с безысходной печалью:

— Брат Оливье! Никто на свете не мог, как ты, разить врагов, преломлять их копья, раскалывать их щиты. Никто не мог, как ты, внушать страх и смирать гордецов. Никто не мог, как ты, поддерживать друга и наставлять того, кто честен и правдив...

Не успел Роланд досказать мертвому другу последние слова прощания и без памяти простерся на земле подле его тела.

— Беда! — прошептал Турпен. — Умирает граф.

Снял он с перевязи на боку Роланда его Олифан, поднялся и, покачиваясь, побрел к склону горы, где шумел водопад: хотел архиепископ дать напиток графу и поддержать его гаснувшие силы. И тогда он увидел, как, шатаясь от ран, идет ему навстречу юный Эмери Нарбоннский.

— Роланд умирает, — сказал ему Турпен. — Возьмите Олифан, принесите ему воды... Прощайте, Эмери!

Упал прелат на руки рыцаря и, прошептав последние слова молитвы, скончался. Эмери положил мертвого на траву и, крепко сжав

Олифан, пошел к ручью, на дальний край поля. Но, добравшись до водопада, рухнул он у самой воды на землю и потерял сознание.

Меж тем Роланд пришел в себя, бросил взор на вершины гор и на тихую долину: спят на зеленой траве его дружины, спят вечным сном пэры, а поодаль увидел Роланд лежащего Турпена.

— О, рыцарь! — восплакал граф, блюдя обычай родной страны. — От рожденья были вы славным и знатным человеком, но отвага и мужество не передаются по наследству. Вы сами возвысили свое сердце и укрепили душу мечом и верой. Да смилуется над вами Небесный Царь! Нигде не видали такого прелата, как вы, Турпен. Никто не умел, как вы, хранить закон и обращать заблудших на путь спасения. Пусть же раскроются перед вами двери рая!

Простившись с Турпеном, взял Роланд свой неразлучный Дюрандаль и, почуяв смерть, пошел по лугу в сторону басурманской земли, куда ускакали в страхе перед

возвращающимся Карлом оставшиеся дружинны язычников. Там, где на высоком холме лежали три гранитные глыбы, а над ними устремились к небу две высоких сосны, упал граф на траву, обагрив ее последними каплями крови.

А в это время на другом конце поля, у кромки воды, лежал раненый Эмери Нарбоннский, сжимая в руках могучий Олифан. Не видел Эмери, как шевельнулась рядом с ним трава, из которой появилось злобное и спесивое лицо нехристя. Тот, притворившись мертвым, уже давно следил за раненым, поджидая подходящего мига, чтобы с ним расправиться.

— Судя по этому рогу, — засмеялся мавр, — судьба сделала мне большой подарок и свела с самим Роландом, племянником короля. А где же его знаменитый меч? Ну и храбрец! Да он его потерял! Что ж, зато здесь его Олифан, и он навек останется свидетелем моей победы! Племянник Карла побежден, а рог его уедет со мной в Аравию!

При этих словах Эмери Нарбоннский открыл глаза — хватился, нет при нем меча, лишь тяжелый Олифан в его руке.

— Сдается мне, ты не франк! — воскликнул Эмери и со всего размаха ударил Олифаном по голове коварного мавра. Одним ударом пробил ему и шлем, и голову, а на Олифане и царапины не осталось. — Презренный! — продолжал Эмери. — Тебе ли меня схватить? И коль оказался у меня в руке рог Роланда, то будет он так же страшен и непобедим, как великий Дюрандаль!

Вновь покинуло сознание графа Эмери. Вновь пришел в себя граф Роланд. Поднял он Дюрандаль и стал бить о черную гранитную глыбу в надежде притупить и расщепить его, чтобы не достался великий меч никому из его врагов.

— Пора нам с тобой проститься, мой Дюрандаль, — промолвил рыцарь, — не пригодишься ты мне более.

Раз десять ударил Роланд мечом по камню — ни царапинки, ни щербинки не оказалось на мече.

— Богоматерь, помоги мне! — взмолился умирающий. — Многих недругов побил я своим мечом, многие земли покорил. Не должен им владеть никто трусливее и слабее меня.

Стал бить Роланд мечом по красной глыбе. Звенит сталь, да не щербится. Сверкает, как прежде, клинок — ни единой зазубринки нет на нем. Убедился граф, что не разбить ему буланого меча, и стал сокрушаться:

— Пора нам с тобой проститься, мой Дюрандаль! Как сверкаешь ты на солнце, как играешь под его лучами! Вспомни, Дюрандаль, тот день, когда был ты вручен мне императором Карлом, вспомни, сколько раз ходил ты со мной в походы — в Анжу и в Бретань, в Прованс и Аквитанию, к ломбардцам и баварцам, к валлийцам и шотландцам... Горько мне расставаться с тобой, но не могу я вытерпеть такого сраму, чтобы достался ты арабам!

Подошел Роланд к серой глыбе — стал бить, отсекая от нее обломки, а сталь все

звенит, как прежде, и все так же гладок и чист острый клинок. Видит граф – все усилия бесполезны, восклицает в слезах:

– Пора нам с тобой проститься, мой Дюрандаль! В твою рукоять вделаны были святыни – кровь святого Василия, и нетленный зуб святого Петра, и власы Дионисия, Божия человека, и обрывок ризы Приснодевы Марии... Ты давал мне силы в любом сражении, ты укрепил мою руку, ты поверг в прах моих недругов. И если суждено тебе уцелеть, пусть отныне тобой владеет только самый отважный и благородный рыцарь!

Почувствовал граф, что холодный пот струится по его лицу, лег он у подножия двух высоких сосен на вершине холма, положил меч себе на грудь и повернул лицо к Испании, чтобы видно было Карлу, когда он вернется с войском в Ронсевальскую долину, что граф погиб непобежденным. Потом он поднял правую руку к небу, словно вручил Богу, своему небесному сеньору, залог верной службы.

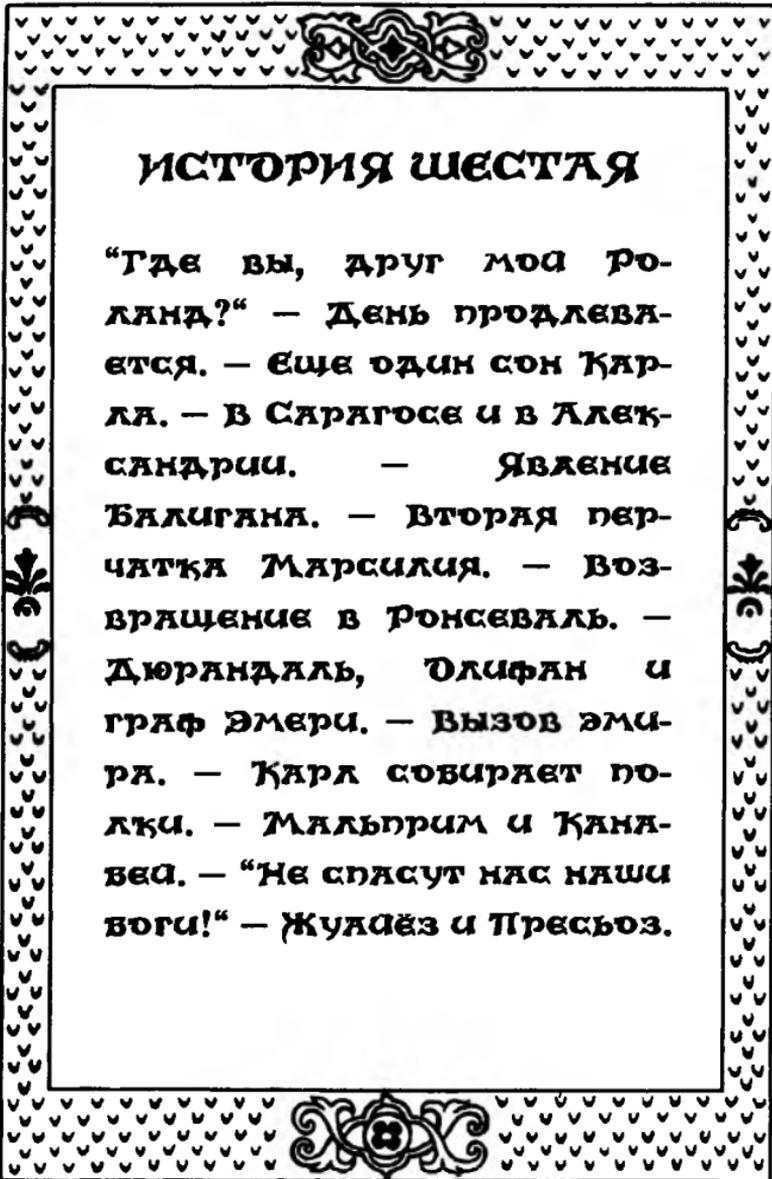

И когда принял его перчатку архангел Гавриил, граф поник головою на плечо, сложил на груди руки, крепко прижав к себе непобедимый Дюрандаль, и вознеслась душа Роланда в чистое синее небо.

Роланд! Ты прожил путь земной,
Пусть песнь прославит подвиг твой.
А мы рассказ продолжим свой,
Аой!

ИСТОРИЯ ШЕСТАЯ

“Где вы, друг мой Роланд?” — День продлевается. — Еще один сон Карла. — В Сарагосе и в Александрии. — Явление Балигана. — Вторая перчатка Марселия. — Возвращение в Ронсеваль. — Дюрандаль, Олифан и граф Эмери. — Вызов эмира. — Карл собирает полки. — Мальорим и Канвеа. — “Не спасут нас наши воги!” — Жудайз и Пресъоз.

огда вернулся император Карл в Ронсевальскую долину, глазам его предстало страшное зрелище: не было в долине ни тропинки, ни взгорка, на которых не лежали бы убитые бойцы, сарацины или франки.

Оглядел Карл долину и вскричал в неопишуемой тоске:

— Где вы, друг мой Роланд?

Не ответила королю долина.

— Где вы, Оливье, Эмери, Турпен? — вновь спросил Карл.

И снова ни звука не раздалось в ответ.

— Где вы, Ивон и Иворий, Жерье и Жерен, где вы, Тибо и Аселен, где вы, Ансеис и Самсон?

Молчит долина, молчит ущелье, молчат горы. Только трепещут по ветру флажки

на склоненных копьях французских рыцарей. Скорбят франки, не могут сдержать слез бывалые воины.

— Всеблагой Творец! — воскликнул Карл. — Почему я не был здесь в этот день?

Гневом и горем переполнено его сердце. Заплакал король. И даже седой Немон Баварский, который за свою долгую жизнь перебивал во многих переделках, видел море крови и море слез, и тот не мог сдержать рыданий. Однако, справившись с печалью, огляделся он вокруг и сказал королю:

— Смотрите, государь, вдали клубится пыль — это убегают от нас язычники. Не будем же медлить, поскачем следом, отмстим врагам!

— Господь, — прошептал император, — помоги покарать злодеев!

Затем призвал он своих верных вассалов и приказал им остаться в Ронсевальской долине и охранять поле и горы, чтобы не растерзали погибших воинов дикие звери, чтобы не обобрали мертвецов лукавые нехристи,

чтобы ничья рука не коснулась чести и славы милой Франции! Тысячу бойцов оставил Карл, и те поклялись исполнить все, что повелел им владыка.

И тогда бросил Карл свою армию вослед убегающим басурманам. Но едва отъехал он от Ронсеваля, как видит: потемнел небосвод, а солнце вот-вот закатится за горы. Король остановил коня, сошел с него на зеленый луг и, упав на траву, взмолился, чтобы Господь задержал в небе солнце и продлил день.

— Скачи, король, — услышал он голос ангела, — скачи, не убудет света! Успеешь ты за все отомстить злодеям!

Услышав слова ангела, король воспрял духом и помчался в погоню. И впрямь — остановилось в небе солнце, и еще при свете дня успели королевские войска настичь неверных. Погнали их франки прямо к Сарагосе, отрезали все пути, а впереди — быстрая и коварная река Эбро. Да нет у берега ни лодки, ни суденьшка, чтобы переправиться арабам на спасительный берег. Ничего им

не оставалось, как воззвать к своему богу Магомету и броситься в реку, пытаясь одолеть ее вплавь. Одни тут же и захлебнулись, увлеченные тяжелыми доспехами на дно. Других унесло далеко вниз быстрым течением и разбило о подводные камни. Никто из них не избежал гибели.

И в тот миг, когда увидел Карл Великий, что истреблена вся сарацинская рать, что захвачена им несметная добыча и отомстил он за гибель графа Роланда, — в тот самый миг ушло солнце за горы и пала на землю ночная мгла.

— Поздно нам возвращаться в Ронсеваль, — сказал король. — Сделаем здесь привал. Устали наши воины, устали и кони.

Французы разбили лагерь. Сняв уздечки и седла, пустили изможденных скакунов пощипать траву на просторном берегу Эбро, а сами улеглись кто как мог прямо на земле и заснули могучим сном. Император, как простой воин, тоже расположился на траве, даже не снял свою белую, блестящую броню; большое копье — в головах, меч

Жуайёз – на боку, под правой рукой. Всех сморила усталость – кони и те свалились с ног и лежа жевали траву.

И снова увидел Карл вещий сон. Будто поднял он взор к небесам и узрел, как бушуют там стихии: дуют могучие ветры, падает каменьями град, свирепствует гроза, а молнии летят вниз, на французские войска, сжигают древки у копий, плавят шлемы и щиты, корежат латы и стальные острия. Посмотрел король вокруг себя и увидел, как со всех сторон бросаются на его баронов медведи и барсы, змеи и драконы. “Спасите нас, государь!” – кричат франки. Поспешил он им на помощь, но тут из леса вышел яростный и злой лев, прыгнул на короля, и пришлось Карлу вступить в битву с незванным чудовищем. Хочет Карл проснуться, хочет понять, какое новое испытание приготовила ему судьба, но не может разомкнуть тяжелых век. А потом увидел, что стоит он у себя в Ахене, а перед ним – медведь, посаженный на двойную цепь, и вроде это не медведь,

а предатель Ганелон на цепи. Но тут выбегают из Арденнского леса тридцать медведей и говорят человеческим голосом: "Отдайте нам зверя. Нет такого закона, чтобы держать его в плену!" Хочет Карл проснуться, хочет понять, что дальше будет с Ганелоном-медведем, но не может разомкнуть тяжелых век...

А тем временем царь Марсилий вернулся в Сарагосу. Сошел он с коня в тени оливы, отдал слугам доспехи, а сам упал без чувств на зеленую траву. Нет у царя правой руки по локоть, истекает он кровью, теряет последние силы.

Царица Брамимонда, выбежав навстречу супругу, зарыдала от скорби и печали. Зарыдали с ней двадцать тысяч прислужниц, стали проклинать владыку Франции и последними словами ругать своего бога Магомета за то, что бросил он на поруганье их славного повелителя.

Наконец пришел Марсилий в сознание и велел отнести себя в опочивальню. Пуще прежнего заплакала Брамимонда:

– Горе тебе, Сарагоса! Оказались твои боги предателями и трусами, покинули нашего властелина на поле брани! Одна теперь надежда на эмира Балигана. Если не услышит он наш призыв, если не приведет с собой свое непобедимое войско – быть сумасброду Карлу навеки победителем над миром!

Уже давным-давно послал Марсилий послов на далекий Восток к седовласому эмиру Балигану. Когда понял царь, что трудно ему будет совладать с Карлом в одиночку, решил он призвать на помощь мудрого и всесильного эмира. “А иначе, – писал ему Марсилий, – отрекусь я от всех наших богов, приму Христов закон и покорюсь Карлу-властелину”.

Не смог эмир сразу собрать войска – как-никак было под его началом сорок стран, а надо еще снарядить могучий флот, чтоб смогли приплыть его дружины в далекую Испанию. В Александрии, шумном восточном порту, собрал Балиган множество галер и в начале лета отплыл во главе своих полков на помощь Марсилию. Долго плыли корабли

по морю — на каждой мачте горят фонари, сияют драгоценные камни, которые сами по себе могут светиться в темноте. Летят над волнами паруса, неустанно гребут могучие африканские воины.

Наконец появился на горизонте испанский берег. Едва корабельные фонари осветили прибрежные скалы, как добрая весть о прибытии эмира понеслась к царю Марсилию. А флот Балигана без остановки вошел в широкие воды Эбро и всю ночь плыл вверх по течению, освещая невиданными здесь доселе огнями прибрежные холмы и долины. И вот к рассвету достигли суда города Сарагосы.

Поутру ступил эмир Балиган с корабля на испанскую землю. Слуги эмира расстелили на траве в тени лавра парчовый ковер и установили на нем трон из слоновой кости, на который и воссел их повелитель. Бесчисленная стража и самые знатные приближенные окружили эмира и стоя слушали слова Балигана.

— Запомните, что я скажу вам, мои воины! Отныне Карл, повелитель франков, ни куска

не съест, ни глотка не выпьет, пока мы ему не позволим. Разорил он войной Испанию — теперь пришел мой черед разорить его милую Францию. Одно остается Карлу: либо погибнуть, либо просить нас о пощаде!

Подозвал эмир двоих самых верных васалов и повелел им во всю мочь скакать к Марсилию:

— Скажите царю: прибыл мой флот, прибыло мое войско схватиться с французами. И если не падет передо мной Карл на колени, вот этим мечом сшибу я с него корону, а вместе с ней снесу и его голову!

Протянул эмир послам золотой жезл и перчатку с правой руки, чтобы в знак дружбы и верности надели они Балиганову перчатку на руку Марсилию. Одного не ведал эмир, что потерял языческий царь правую руку в схватке с графом Роландом...

— Мы готовы ехать, государь! — воскликнули послы и поспешили в Сарагосу. Миновали все десять ворот крепости, проехали по трем мостам над тремя рвами, заполненными водой, пронеслись по многолюдным

улицам нижнего города, но едва добрались до царского дворца, как увидели толпу богатых и знатных язычников и услышали плач и стенания.

— Горе! Позор нам! — вопили одни.

— Что проку в наших богах? — кричали другие.

— Умирает наш государь! — плакали третьи. — Отрубил ему Роланд правую руку. Погиб царевиц Журфалей. Весь испанский край заполонили наши недруги...

Послы услышали эти слова, спрыгнули с коней и поспешили по дворцовой лестнице в царские покои.

— Да принесут наши всеильные боги вам удачу, — сказали они, как того требовал обычай, — и избавят от бед могучего царя и его достойную супругу!

— Все это вздор! — рассердилась Брамионда. — Все наши боги — трусы и предатели, не пришли они нам на помощь в Ронсевале, не спасли в бою наше войско, не сохранили моего сеньора. Погибнет царь. Погибнет наш осиротевший край... Что же

мне делать, одинокой и несчастной? Ах, лучше бы не дожидая я до сегодняшнего дня, не видела этого горя и позора!

— Не надо так убиваться, госпожа, — сказал один из послов. — Мы прибыли к вам с вестью от эмира Балигана. Прислал он царю Марсилию свой жезл и перчатку с правой руки. Видим и сами, какая беда случилась с вашим повелителем. Но тем страшнее будет месть нашего эмира. Флот его уже поднялся вверх по Эбро и стоит неподалеку от Сарагосы. Вся река покрыта нашими судами, галерами и барками, ладьями и челноками, а войск на них — не перечесть! Отыщет эмир короля Карла, где бы тот ни был, хоть бы даже в Ахене, возьмет его в плен или предаст смерти!

— Не придется вам ходить так далеко, — ответила Брамимонда. — Карл здесь. Он уже семь лет воюет с нами, нет нам от него ни покоя, ни пощады. Вряд ли вы видели такого доблестного бойца, как император франков. Что ему смерть? Даже она не может с ним совладать! А уж любой

смертный царь просто ребенок в сравнении с ним. Нет на свете такого человека, который сумел бы победить этого великого воина!

— Помолчи-ка, жена! — прикрикнул на Брамимонду Марсилией со своего ложа. — Ко мне явились послы, а не к тебе!

Собрался сарацин с последними силами и обратился к африканцам с такими словами:

— Вы видите, господа, — близка моя смерть. Некому завещать мне владения — погиб мой единственный наследник, мой белокурый Журфалей. Если хочет эмир — пусть берет мою страну под свою защиту, пусть прибавит ее к своим землям, но только избавит нас от Карла. Вот ключи от Саргосы — передайте их эмиру, чтобы уверился он в моей дружбе и преданности.

— Передадим, государь, — с почтением сказали послы.

— Вся мою Испанию разграбил Карл, — продолжал Марсилией. — Теперь стоит он лагерем всего за семь лье отсюда, на берегу Эбро. Пускай же эмир спешит туда со всеми

своими полками, даст бой проклятому франку, отомстит за мою смерть и мой позор!

Левой рукою передал Марсилий послам ключи от города, откинулся без сил на подушки и распрощался с африканскими баронами. Те в смятении вернулись к Балигану; принял эмир ключи и спросил посланцев:

— Что вы видели в Сарагосе? И почему не привезли с собой царя?

— Царь умирает, — ответили верные вассалы, — Карл Великий, возвращаясь во Францию, оставил в Ронсевальском ущелье арьергард под началом своего племянника Роланда, а с ним — двенадцать пэров и двадцать тысяч воинов. Царь Марсилий дал им смертный бой, но Дюрандаль, меч Роланда, настиг сарацина и отсек ему правую руку. Убили франки Журфалея, единственного наследника Марсилия, истребили всю его рать, а самого царя обратили в бегство. Теперь Карл вернулся. Почти до самой Сарагосы преследовал он беднягу и раскинул свой лагерь всего в семи лье от города. Царь просит

вас, государь, о помощи и готов передать вам в руки всю Испанию.

Балиган поник головой, от скорби чуть не разорвалось его сердце, а послы продолжали:

— Сильный был бой в Ронсевале, и хотя разгромили франки арабов, но и сами лишились всего своего арьергарда. Погибли Роланд и Оливье, погибли архиепископ Турпен и храбрый граф Эмери Нарбоннский, погибли все двенадцать пэров и вся двадцатитысячная рать. Нет теперь у Карла самых отважных его воинов. Поспешите, государь! Недалек французский лагерь, легко отрезать путь к отступлению и одержать победу!

Услышав послов, воспрял духом эмир, вскочил с престола и, сверкнув глазами, приказал своим военачальникам:

— Не будем же медлить! Пусть вся наша рать покинет суда! Все на коней! Если старый король не успеет бежать, отомщу я за царя, и за руку Марсилия отдаст Карл свою голову!

В мгновение ока покинули африканские бойцы галеры и барки, оседлали коней

и мулов, а эмир, отдав дружины под начало храброго рыцаря Жемальфена и проводив их в поход, сам с четырьмя языческими герцогами поскакал в Сарагосу.

По ступеням дворцовой лестницы сбежала ему навстречу царица Брамимонда.

— Погиб мой повелитель! — заплакала она, упав на колени перед Балиганом. Тот помог ей подняться с земли, и в большой скорби прошли они в покои, где на своем ложе умирал Марсилиий.

Увидев эмира, царь приказал слугам приподнять его и, сжав левой рукой перчатку, протянул ее гостю:

— Государь мой! Вручаю вам все мои владения, все мои земли и столицу. Погибла моя рать, и сам я погиб!

— Мне вас жаль, — ответил Эмир, — но я не могу медлить: не станет меня ждать проклятый Карл и уйдет восвояси. Я принимаю вашу перчатку и отомщу за вас франкам!

Догнал Балиган свои полки, встал во главе них и крикнул так громко, что слышали его все африканские воины:

– За мной! Не дадим уйти ни одному французу!

Взошло яркое солнце. Сияет над всей Испанией, отражается в быстрых волнах шумной реки Эбро. Кипят водовороты, гремят перекааты, заглушают перестук копыт легких арабских скакунов.

А Карл Великий с утра пораньше снял тяжелые доспехи и умылся холодной речной водой. Поснимало его войско оружие и налегке поскакало назад, к Ронсевалу, взглянуть на тех, кто пали в неравном бою.

Снова дрогнуло сердце императора, едва увидел он убитых своих бойцов.

– Сдержите коней, сеньоры, – промолвил он рыцарям, – я сам поеду впереди, хочу отыскать милого племянника. Однажды в Ахене на празднике Рождества, когда похвалялись рыцари отвагой да храбростью, я слышал, как сказал граф Роланд, что если погибнет он в чужом краю, то будет лежать впереди всех своих воинов – спиной к родине и лицом к врагам, чтобы даже в смерти оставаться победителем...

Отстала свита от короля, и поехал он искать Роланда на высоком холме, что прикрывал Ронсевальскую долину с испанской стороны. Поднялся император на холм, а там красен цвет у травы – алеет земля от франкской крови. Под двумя соснами, рядом с гранитными глыбами, исполосованными следами от меча, нашел Карл племянника. Прижал он к груди холодное тело рыцаря и сказал, обливаясь слезами:

– Не будет у меня больше таких бойцов, как вы, Роланд! Кто теперь отстоит мою честь? Кто будет побеждать моих врагов? Нет среди моей родни таких бойцов!

Еще никогда не видели франки своего повелителя в подобной печали. Встали они поодаль, чтобы не мешать Карлу тужить по племяннику.

– Да впустил тебя Господь наш в рай! – шептал Карл. – Когда я вернусь домой, спросит меня народ: “Где твой племянник, король?” Я отвечу: “Кончил он свою жизнь в Испании”. И тогда скажут стар и мал,

скажут друг и добрый сосед: “О Франция, как ты осиротела!”

Верный старый Немон Баварский поднял государя с земли и промолвил ему с грустью:

– Постарайтесь умерить вашу скорбь, государь. Прикажите нашим воинам, чтобы отыскиали они тела всех убитых франков и похоронили их с почестями.

– Трубите в рог, барон! – ответил Карл, и голос его окреп. – Мы похороним наших воинов с великой честью, какая подобает героям! Но милого моего Роланда, и храброго Оливье, и дерзкого Эмери Нарбоннского, и отважного архиепископа Турпена не хороните со всеми. Разрежьте каждому грудь, достаньте их сердца, оберните их шелком. А тела заверните в оленью кожу – мы отвезем их домой в мраморных гробах и похороним у церковной стены!

Наклонился он к Роланду и хотел вынуть из рук рыцаря славный Дюрандаль. Но нет, не отдает мертвец свое оружие, не выпускает из окаменевших пальцев.

— Отдайте, Роланд, ваш меч, чтобы не достался он нехристям! — попросил король.

Не разжимаются пальцы, лежит меч, как прикованный.

— Отдайте, Роланд, ваш меч! — вновь попросил король. — Я отвезу его домой, спрячу в потаенном месте, чтоб не достался он никому на свете!

Не выскальзывает меч из рук, словно налит неземной тяжестью.

— Отдайте, Роланд, ваш меч! — в третий раз попросил король. — Нет вам замены, но я вручу Дюрандаль самому достойному из моих рыцарей!

И тогда разжались пальцы Роланда, и взял Карл Великий в свои руки Дюрандаль с тем почтением и трепетом, с какими вручал его некогда юному племяннику.

— А где же Олифан? — встревожился император. — Я не вижу священного рога!

И тут он заметил, что к нему приближаются по полю пешие бароны и осторожно несут на руках юного Эмери Нарбоннского, прижимающего к груди знаменитый рог Роланда.

— Эмери! — вскричал король. — Вы живы?

— Жив, государь, — ответил граф, — архиепископ Турпен передал мне Олифан, чтобы я принес Роланду воды... Но все умерли — и Турпен, и Роланд... А на Олифан позарился поганый нехристь, и мне пришлось рогом раскроить ему голову... Все умерли, государь. Только меня спас источник на том краю поля.

— Эмери, — взволнованно сказал король, — вы не посрамили моего имени и имени моего племянника. Нет с нами Роланда, нет пэров. Вы были моложе всех, но не менее отважны, чем бывалые воины. Вам отныне хранить честь и славу милой Франции, вам и вашим сыновьям суждено отомстить за Роланда. Олифан теперь ваш по праву. Возьмите и Дюрандаль: я только что поклялся Роланду, что вручу его самому достойному из моих рыцарей.

Эмери Нарбоннский с трудом принял из рук Карла Дюрандаль и прижал его клинок к посиневшим губам.

— Сударь, — сказал король Немону Баварскому, — позаботьтесь, чтобы лучшие лекари поставили на ноги юного графа. А нам пора в путь!

Вернулись франки в лагерь на берегу Эбро и стали готовиться к походу во Францию. Но в это время прибыли к Карлу языческие гонцы и принесли ему вызов от эмира Ба-лигана. “Спесивый франк! — прочитал император в послании. — Куда бы ты ни ушел, тебя везде настигнут мои дружины. А воинов у меня столько, что даже тебе не пришлось командовать таким войском. Пришли мы испытать твою храбрость, король. Посмотрим, впрямь ли ты так неустрашим, как о тебе говорят...”

Схватился Карл рукой за седую бороду, припомнил в печали всех, кто погиб в Ронсевальском ущелье, окинул гордым взором своих бойцов и крикнул так, что эхо разнесло его призыв по высоким берегам бурливого Эбро:

— К оружию, сеньоры!

И первым стал приготавливаться к бою — завязал покрепче шлем, проворно надел

тройную кольчугу, препоясался Жуайёзом, сверкающим подобно солнцу; повесил на шею геронский щит — хоть и ковали его в испанском городе Герона, но не испанцев он будет защищать, а короля франков. Потряс Карл копьем, вскочил на лихого скакуна и помчался сквозь многотысячное свое войско, взывая к знатным рыцарям и простым дружинникам:

— С нами Бог и Петр-апостол!

Со всей долины сошлись франки на призыв императора. Красивы бойцы — сверкают доспехи, до шлемов свисают с острых копий разноцветные значки; статные кони бьют копытами и в нетерпении раздувают жаркие ноздри!

— Неужели кто-нибудь может усомниться в мужестве моих воинов? — спросил Карл у баронов. — Если нехристи решат с нами драться, они увидят, какая плата их ждет за смерть Роланда!

— Ну что ж, — ответил мудрый Немон Баварский, — дай нам Бог удачи!

И вот изготовились королевские войска к битве.

В передних двух полках стоят мужественные франки.

В третьем — двадцать тысяч храбрых баварцев. Эти brave воины никогда не трусят в бою. Милы они суровому Карлу, а их предводитель Ожье Датчанин уже давно снискал уважение и гордость императора.

И четвертый полк на подходе, а в нем — двадцать тысяч могучих воинов, что живут в дальних алеманских краях. Крепки у алеманов латы, ретивы их кони. Готовы алеманы все, как один, умереть на поле брани, но не сдаться врагу.

В пятом полку — двадцать тысяч нормандцев. Не страшит их смерть. Знает Карл: нет на свете храбрее вассалов, милы они его сердцу.

Шестой полк уже весь на конях — тридцать тысяч бретонцев вздымают к небу свои острые копья: только и ждут приказа, чтобы броситься в битву.

Поодаль выстроился седьмой полк, а в нем вассалы из Оверни и Пуату — древних

французских провинций. Сорок тысяч рыцарей разом вскричали: "Монжуа!" – едва император благословил их на ратное дело.

А в восьмом полку и того больше дружинников. Собрались в нем неустрашимые фламандцы. Глянул на них король и сказал с одобрением:

– Вот каких воинов нам надо! Вот с кем победим сарацин!

Тут и девятый полк построился перед Карлом. Отборные силачи в этом полку – лотарингцы с короткими копьями да рослые бургундцы. Пятьдесят тысяч дружинников готовы дать отпор любому врагу.

Ну а десятый полк – весь из французских баронов. Сто тысяч рыцарей – у каждого седая борода выпущена вверх кольчуги, у каждого острый меч и щит с особым гербом, а впереди полка развевается королевский стяг.

И тогда выехал перед своими полками Карл Великий и воскликнул:

– Отомстим же за смерть Роланда и наших славных пэров!

И повел император войска навстречу эмиру Балигану. А к тому меж тем вернулись гонцы, что передали Карлу послание басурмана.

— Увидели мы Карла, — сказали они эмиру. — Могуч король, удал и крепок. Никто не выбьет из седла такого воина. Сильны и преданы ему его вассалы. Готовьтесь к бою, сеньор, — будет великая битва!

— Не занимать и нам храбрости, — ответил Балиган. — Трубите сбор, пусть набираются мои воины мужества и отваги!

Загремели барабаны, зазвенели рожки, затрубили трубы — спешили язычники и принялись снаряжаться в бой. Эмир не отстает от своих воинов — облекся в золоченый панцирь, надел шлем с золотыми насечками, а у бедра привесил могучий меч. Слышал он, что называется меч Карла Жуайёзом — Радостным. Вот и свой меч, подражая императору, назвал эмир Пресъюзом — Драгоценным. Даже у копья Балигана было свое имя: звалось оно Мальтеем — Злобным; древко его как палица, а наконечник так тяжел, что даже мул с трудом мог бы его

свезти. Надел эмир на шею большой щит, с золотым навершьем, и вскочил в седло своего коня. Высок эмир, а в боевом снаряжении – настоящий великан; в бедрах он узок, в плечах широк, в груди могуч; волосом он курчав, а лицом горд. Так он шпорит коня, что из того брызжет кровь, – одним прыжком перелетает скакун через широкий крепостной ров.

– Вот это боец! – восхищаются арабы. – Куда французам до такого воина. Лучше бы бежал Карл с поля боя – распростится он сегодня со своей жизнью!

Вместе с Балиганом отправился сразиться с французским королем и сын эмира Мальприм. Славился эмир доблестью, мудростью и гордостью. И Мальприм весь пошел в отца – мало того что был красив и силен, но и не по возрасту умен и расчетлив.

– Скачем же в бой, отец! – воскликнул он, погоняя своего коня. – А то уйдет Карл, завидев наше могучее войско.

– Нет, – ответил Балиган, – Карл не уйдет. Он храбрый воин, не зря же про

него сложили столько славных песен. Но нет теперь с королем его Роланда, и не устоит он перед нашей силой.

А силы у эмира и впрямь были невиданные. Прослышал он, что Карл собрал десять полков, и выставил навстречу своих тридцать. А людей в них столько, что и не сочтешь, — в самом слабом и то тысяч пятьдесят, не меньше. А что за народ в полках — кто знает, откуда пришли эти диковинные и злобные племена? Огромные ботентротцы и большеголовые мейсины, черные нубийцы и волосатые жители Балиды, неведомые сольтеринцы и исполинские мальпризцы, печенег, дикие гунны, отъявленные злодеи из Оксианской степи; а еще вальпеносцы, эгли, атримонцы, аргойльцы, кларбонцы и бородатые вальфрондцы, страшнее которых не сыщешь на белом свете! Вот какие полки собрал Балиган и поставил во главе них сына своего Мальприма. А себе оставил три самых дерзких полка и закричал своим воинам:

– Взгляните, до чего же спесивы французы! Торчат поверх лат их белые бороды – думают напугать нас гордостью. Смелее же в бой, убьем гордецов, а я первый расправлюсь с Карлом!

И огласилось поле брани воинственными криками.

– Монжуа! – кричат одни.

– Всех победит Пресьоз! – отвечают другие.

– Смерть поганым! – кричат франки.

– Магомет с нами! – отвечают арабы.

Все выше всходит солнце, все ближе сходятся полки – вот уже рубятся первые ряды, вот уже вступают в битву отважные бароны, вот уже обогрилась трава кровью франков и язычников.

На белом скауне ворвался Мальприм в самую гущу боя. Сыплет удары налево и направо – груды мертвых так и валятся вокруг него на алую траву. Увидел эмир, что окружен Мальприм со всех сторон франками, и закричал своим воинам в тревоге:

— Мой сын захотел пробиться к самому Карлу — но он там один, а христиан тьматьмушая. Если не придем на выручку, ждет его конец!

Бросились мавры вслед за Мальпримом, закипел бой беспощаднее прежнего. Видели бы вы, сколько изрублено щитов, сломано копий, пробито доспехов! Мальприм, почувствовав подмогу, рубится так, будто не один человек, а целый полк басурман вихрем мчит по полю, разбрасывая недругов. Страшно сказать, сколько французских воинов сокрушил бы язычник, не встань на его пути старый Немон Баварский. Не только добрые советы умел давать королю верный его вассал, но и добрым мечом владел, как истинный барон. Грозным взглядом смерил Немон Мальприма, пробил копьем его щит, прорезал кольчугу и вогнал в грудь нехристю стальное острие вместе с флажком.

Канабей, младший брат эмира, убил бы Немона на месте, столько ярости вскипело в его сердце при виде погибшего племянника, но пришел на помощь старцу сам

император и снес мавру голову своим острым Жуайёзом.

Но если бы только французы выходили победителями из этих поединков! Слишком много у эмира полков – на смену одному могучей рекой катится свежий. Кричат басурмане на сотнях языков, воют, лают, ржут, улюлюкают, теснят войска Карла на одном краю поля, но те побеждают на другом.

Жемальфен, которого поставил эмир во главе своего воинства, пока сам был в Сарагосе у Марсилия, гордый рыцарь Жемальфен подъехал в печали к Балигану и возвестил ему о потерях:

– Несчастливый для вас нынче день, мой государь! Погиб ваш сын Мальприм, убит ваш брат Канабей, сразили их два христианина, и сдается мне, одним из этих двух был сам император Карл.

Поник головой эмир и спросил верного Жемальфена:

– Вы человек мудрый и правдивый. Скажите же, кто сегодня должен одержать верх – я или Карл?

А тот в ответ:

— Тревожусь я за вас, сеньор. Видать, суждена вам смерть. Не спасут нас наши боги. Посмотрите на Карла, посмотрите на французов — вовек не видал я такого короля и таких бойцов. Однако же киньте клич — пусть наши войска не знают страха, пусть рубятся до последнего!

А в это время храбрый Ожье Датчанин налетел на арабского знаменосца, в руках которого вздымалось к небу древко с басурманским драконом на стяге. Вышиб он араба из седла и растоптал копытами своего коня хоругвь эмира. И когда увидел эмир, что пало знамя Магомета, понял он, что дело его и вправду плохо и что победа остается за Карлом.

Попритихли басурмане, и Карл спросил у баронов:

— Достаточно ли у нас еще сил? Могу ли я еще на вас рассчитывать?

— И спрашивать не надо, государь, — обиделись бароны. — Позор тому, кто оставит поле брани!

Вот тут и сошлись конь о конь эмир и император. Весь день провел Балиган в седле, а мощи его не убавилось. Уже и закат близок, а ратный клич эмира летит по полю, подбадривая оставшихся в живых язычников. Но и Карл по-прежнему в силе. И его клич покрывает шум битвы и ведет за собой отважных воинов.

Узнали Карл и Балиган друг друга по голосу и бросили коней навстречу друг другу. Одновременно ударили они один другого копьями, да так, что пробили щиты и вспороли кольчуги. От такого удара лопнули у обоих подпруги седел, и упали оба на землю. Однако тотчас же ловко вскочили, показывая, что каждый цел и невредим. И тогда притихло поле брани, и только зазвучали два голоса — Жуайёза и Пресьоза.

Могуч и храбр император Карл, но даже он не страшен эмиру. Бьют плеча достойные бойцы, и от таких ударов летят в стороны осколки щитов, обрывки кожи, обручи, кольчужные кольца... Стальные клинки высекают из шлемов целые снопы искр... Нет, не

прекратится поединок, пока не признает себя виновным и побежденным либо франк, либо араб.

— Одумайся, Карл! — вскричал наконец эмир. — Проси пощады, пока еще жив! Знаю, кто убил моего сына и брата. Ты во всем виноват, король! Ты творишь зло в моей земле. Но если признаешь мою власть и станешь мне слугой, отдам тебе во владение всю Испанию!

— Невместно вести мне торг с язычником! — отвечал Карл. — Однако если примешь Христов закон, перейдешь в нашу веру, буду тебе другом, эмир!

— Ты скверный проповедник! — разъярился тот. — Не бывать такому вовеки!

Взмахнул Балиган Пресьозом и ударил короля клинком по золотому шлему, рассек Карлу волосы и сорвал с головы кожу в ладонь шириной. Пошатнулся Карл от страшного удара, чуть не упал на землю, но тут явился к нему небесный ангел и спросил его тихо:

— Что с тобой, король?

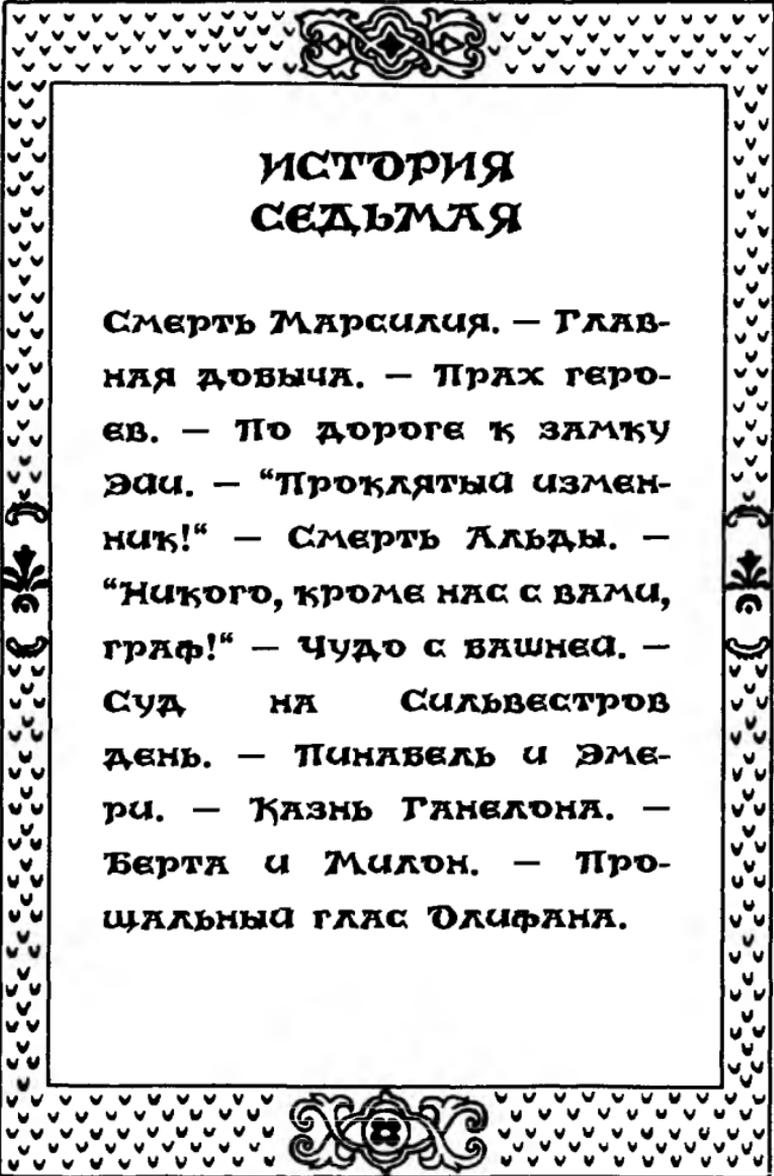

Услышал Карл слова ангела, забыл о смерти и страхе, вернулась к нему его мощь, и поразил он эмира булатным Жуайёзом — пробил изукрашенный шлем, раздробил арабу лоб, все лицо рассек до седой бороды, и упал эмир бездыханным на кровавую землю.

— Монжуа! — зычно вскричал император, и победным криком ответили повелителю его войска.

Эмир погиб. И меч стальной
Лежит в траве как неживой...
Но мы рассказ продолжим свой,
Аой!

ИСТОРИЯ СЕДЬМАЯ

Смерть Марсилия. — Главная добыча. — Прах героев. — По дороге к замку Эци. — “Проклятый изменник!” — Смерть Альды. — “Никого, кроме нас с вами, граф!” — Чудо с вешней. — Суд на Сильвестров день. — Пинавель и Эмери. — Казнь Ганелона. — Берта и Милон. — Прощальный глас Олифана.

тогда, увидев, что погиб их предводитель, бросились войска эмира наутек. Побежали в страхе огромные ботентротцы, побросали копья исполинские мальпризцы, смолкли от ужаса дикие гунны, а бородатые вальфрондцы, страшнее которых не сыщешь на белом свете, кто куда погнали своих скакунов, скрываясь в клубях пыли от преследования французов.

— Отомстите, бароны! — закричал Карл Великий. — Каждому врагу воздайте за каждого убитого нашего брата, за всех родных и друзей, чью смерть вы оплакали сегодня утром!

— Так и будет, король! — откликнулись его дружины и бросились вдогонку за сарацинами.

Ни страшный зной, ни едкая пыль не смогли остановить воодушевленных рыцарей. И погнали они язычников до самой Сарагосы. Царица Брамимонда взошла на башню и увидела оттуда, что бегут к Сарагосе оставшиеся войска эмира, а за ними по пятам гонятся отважные воины императора Карла.

— О государь! — бросилась она к Марсилию. — Мы погибли! Разбиты наши полки, пал эмир позорной смертью, нет нам спасения!

Повернулся Марсилиус к стене, зарыдал в великой скорби и умер от горя.

И тогда вошел Карл в Сарагосу, и царица Брамимонда отдала ему ключи от города. Приказал император крестить всех оставшихся неверных, а кто сопротивлялся и поднимал на его дружинников копье или меч, был убит на месте. Сто тысяч мавров крестил Карл в Сарагосе и только для царицы Брамимонды сделал исключение: не хотел король крестить ее насильно, решил отвезти ее в Ахен, чтобы увидела она воочию

грандиозные соборы, чтобы оценила благородство христианских рыцарей и добровольно приняла святую Христову веру.

И когда утром взошло над Испанией жаркое южное солнце, собрал император войско и, оставив в городе верных своих дружинников, отправился наконец домой, в милую Францию. Потянулись по горным дорогам бесчисленные обозы, нагруженные несметными сокровищами, а сам Карл вез главную добычу: красавицу царицу, и двадцать тысяч ее прислужниц и казну нечестивца Марселия.

Вскоре вступил он на родную землю, и перед ликующей ратью отперла свои ворота славная Нарбонна. Первым вышел к Карлу юный граф Эмери Нарбоннский – еще давали себя знать недавние раны, но граф был по-прежнему красив и статен. Вышла с ним графиня Эрменгарда с двумя маленькими сыновьями – Бернаром и Гильомом. Впервые за долгие дни просветлело лицо Карла при виде отважного графа и его счастливых домочадцев.

– Я рад вас видеть, Эмери! – воскликнул король. – Вы снова здоровы, и нет мне, граф, теперь никого ближе и дороже, чем вы. Сопроводите тела наших славных воинов, Роланда, Оливье и Турпена, в святой город Бле – пусть примет их мраморные гробы Сен-Роменская церковь, чтобы любой пилигрим из любого уголка нашей милой Франции мог прийти туда и поклониться праху великих героев!

И вновь распрощался граф Эмери с любимой женой Эрменгардой, поцеловал своих сыновей Бернара и Гильома и отправился вместе с императором на север. Добрались они до Гаронны, сели на суда и приплыли в город Бле, где с великими почестями попрощались с погибшими рыцарями. И когда над бранным прахом были прочитаны последние молитвы, Карл приказал графу Эмери скакать немедля в Ахен, не жалеть коня, отыскать предателя Ганелона и привести его во дворец на суд и расправу.

Предатель же Ганелон в окружении верных слуг уже давно был на пути к своему родовому

замку Эйи, где хотел отпраздновать подлую победу над дерзким пасынком. Ганелон не спешил: он был уверен, что Карл теперь надолго задержится в Испании, и у него еще будет предостаточно времени, чтобы обдумать, как умно и хитро повести себя с королем.

Во время одной из ночевок, после обильного пира, заснул Ганелон мертвым сном, даже стражу не выставил около палатки и не слышал, как подъехал к ней неизвестный путник. Граф Эмери и думать не думал, что застигнет Ганелона на пути, — соскочив с коня, он пошел по лагерю в надежде встретить кого живого и расспросить о дороге к замку Эйи. И тут, заметив скакуна графа, во всю мочь заржал конь Ганелона. Спросонок перепуганный беглец стремглав выскочил из палатки — и тут же оказался в крепких объятиях Эмери Нарбоннского.

— О, граф! — язвительно воскликнул Эмери. — Вы-то мне и нужны!

— Ну-ну, — со злобой откликнулся Ганелон, сбрасывая его руку со своих плеч. — Вы еще живы? С чем пожаловали?

— Вы негодяй! — расвирепел Эмери, хватаясь за меч. — Если бы король не повелел привести вас живым на суд и расправу, вы бы уже лишились вашей подлой головы.

— На суд и расправу? — спросил Ганелон. — Чем это я не угодил нашему королю?

Вокруг стояла тихая безлунная ночь, и только два коня во мраке переступали ногами и терлись мордами друг о друга.

— Вы нас предали, Ганелон, — спокойно и презрительно ответил юный граф, — и вы это знаете. Вы погубили Роланда и Оливье, вы погубили французских пэров. Не будет вам пощады на земле и спасения на небесах!

В тот же миг Ганелон метнулся в темноту, и Эмери не увидел, но почувствовал, как одним прыжком противник вскочил на его коня и вонзил ему в бока шпоры. Скакун Эмери взвился на дыбы, но не смог сбросить ловкого наездника и, понукаемый умелой рукой, бросился в ночь, увлекая за собой и расседланного коня Ганелона.

— Проклятый изменник! — воскликнул граф Эмери и обескураженно опустил на траву.

А престольный город Ахен встречал своего короля-победителя. Нормандцы и бургундцы, саксонцы и фризы, алеманы и бретонцы — все прислали своих вельмож на торжественную встречу. Едва поднялся Карл по лестнице и взошел в дворцовую залу, как выбежали ему навстречу сестра короля Берта и сестра Оливье Альда.

— Где Ганелон, мой супруг и отчим Роланда? — спросила Берта.

Ничего не ответил Карл, но опустил низко голову.

— Где Роланд, грозный воин, что дал клятву взять меня в жены? — спросила Альда.

Еще ниже опустил Карл голову и сказал со скорбью и тоской:

— Сестра моя Берта, выбрал я вам в супруги недостойного рыцаря и гнусного изменника. Предал нас Ганелон, сгубил моих пэров и лучшие мои дружины.

Навернулись слезы на глаза короля, и вскричал он в отчаянии:

— Альда, вы спрашиваете о мертвом! Нет больше Роланда, нет Оливье... Но, если пожелаете, я дам вам в мужья самого богатого и знатного рыцаря из моей свиты!

— Мне странно слышать ваши слова, король! — побледнев, ответила Альда. — Да не допустит Всевышний и его ангелы, чтобы я осталась жить, если нет больше на свете Роланда!

И с этими словами она замертво упала на руки рыдающей Берты.

И вновь пришлось франкам скорбеть и оплакивать еще одну горькую потерю.

Невеселым оказалось возвращение Карла в столицу. И теперь все его мысли были о том, чтобы воздать по заслугам предателю Ганелону. Наконец в Ахен прибыл граф Эмери Нарбоннский.

— Вы одни, граф? — холодно спросил его император. — А где Ганелон?

— Государь, — ответил Эмери, — я встретил изменника по дороге, но он избежал

поединка и, воспользовавшись ночной темнотой, похитил моего коня. Теперь он закрылся у себя в замке, пирует со своими друзьями и повелел никого к себе больше не допускать.

— Никого? — зловеще улыбнулся Карл. — Никого, кроме нас с вами, граф!

Великое веселье было в замке Эйи. Пир шел горой, не пустели кубки у разудалых собутельников графа Ганелона. Юный Эмери и не подозревал, какую долгожданную новость сообщил он Ганелону при их внезапной ночной встрече. Значит, ловушка, расставленная в Ронсевальском ущелье, удалась на славу, и царь Марсилиий смог сквитаться с Роландом и Оливье и избавить его, Ганелона, от самых злейших врагов! Вернувшись в замок, собрал коварный граф ближайших родичей — отметить такое важное событие и обдумать, как примириться с Карлом, когда тот вернется наконец в Ахен.

Вдруг дверь отворилась, и в пиршественную залу стремглав вошел император.

За ним следовал Эмери Нарбоннский с вооруженными дружинниками. Все в замешательстве повскакали с мест и криками приветствовали своего повелителя. И только Ганелон оставался сидеть — ноги его подкосились, а силы и отвага внезапно покинули изменника.

Карл как ни в чем не бывало подошел к столу и положил руку на плечо хозяина застолья.

— Где Роланд? — спросил король.

— Роланд?.. Я ничего про него не знаю, государь, — ответил побелевший от страха Ганелон.

— Где Роланд? — снова спросил Карл.

— Я слышал... Он погиб в последнем сражении.

— В третий раз спрашиваю тебя, Ганелон: где Роланд? Что ты сделал с моим племянником?

— В третий раз отвечаю вам, государь: я не знаю, что с ним случилось, если он не погиб в недавней битве, как мне о том говорили.

— А разве не ты повинен в его смерти, Ганелон?

— А разве не я, государь, сопровождал вас до той минуты, пока вы не решили поворотить в Ронсевальское ущелье? Я ведь там не был, король! Как я могу быть виновен в гибели Роланда?

— Что ж, Ганелон, тебя не обманули: граф Роланд погиб в последнем сражении. Я даже знаю, кто тебе об этом сказал.

Ганелон не удержался и бросил яростный взгляд на Эмери Нарбоннского.

— Да-да, — сказал король, от которого не укрылся этот взгляд, — и если бы ты был внимательнее и так не дрожал за свою шкуру, то даже в темноте увидел бы Дюрандаль и Олифан Роланда, которые теперь по праву принадлежат графу Эмери — единственному храбрецу, который уцелел в Ронсевальском сражении и рассказал нам о том, как погиб Роланд.

— Я не был в Ронсевале, государь, — глухо повторил Ганелон, — а Эмери был. Откуда вы знаете: может, он поссорился с Роландом

и убил его, а теперь сваливает свою вину на меня!

Дюрандаль грозно зазвенел в руках графа Эмери, но король остановил его движением руки.

— Что ж, Ганелон, тогда поклянись, что ты неповинен в смерти Роланда, да придумай клятву понадежней, чтобы ни у кого не осталось сомнений в твоей правоте.

Ганелон возвел глаза к потолку залы и воскликнул:

— Пусть самая большая башня моего замка треснет посередине, если я виновен в смерти моего пасынка!

Не успел изменник произнести эти слова, как раздался ужасающий грохот, посыпались камни и обломки дерева и главная башня замка Эйи разошлась сверху донизу, точно прямо с небес обрушился на нее исполинский меч.

Ганелон упал к ногам короля, моля о пощаде, но король повелел своим дружинникам схватить предателя и учинить над ним суд и расправу. И вот 31 декабря,

на Сильвестров день, собрались в ахенской капелле сеньоры и бароны, которых призвал император Карл вершить суд над изменником Ганелоном.

— Этот Ганелон, — сказал им король, — ходил со мною в испанский край. Погубил он мою двадцатитысячную рать, погубил моего племянника Роланда, славного рыцаря Оливье и храброго архиепископа Турпена. Купили его мавры, за что предал он им славных французских пэров.

— Не стану лгать, — возразил Ганелон, — и не буду скрывать: Роланд лишил меня всех моих сокровищ, за что и поплатился. Но это месть, а не гнусная измена!

— Рассудим все по праву, — ответили бароны.

Встал Ганелон в кругу тридцати своих родичей — на вид горд он и смел, вот был бы удалец, бейся в его груди честное сердце! Громким голосом возвестил он суду:

— Да, ходил я в поход с императором, предан был ему и телом, и душой. Однако возненавидел меня граф Роланд и решил

погубить – отправил меня на верную смерть к маврам, и только хитростью смог я вырваться от царя Марсилия. При всех я бросил вызов Роланду, при всех я вызвал пэров на открытый бой – я отомстил Роланду, но я не изменял!

– Рассудим все по праву, – снова ответили бароны.

Видит Ганелон, что дело плохо, и говорит своим родичам:

– Помогите же мне, будьте мне оплотом, а то кончу я свои дни на лобном месте, как негодный простолоудин!

И тогда сказал Пинабель, друг его и защитник, отважный да к тому же красно-речивый:

– Ничего не бойтесь, граф! Кто хоть слово вымолвит о казни, будет иметь дело с моим мечом!

Испугал судей Пинабель, и молвили они друг другу:

– Пора кончать с этой тяжбой. Роланд мертв, кто сейчас разберет, где правый, а где виноватый. Надо просить Карла, чтобы

дал он пощаду Ганелону. Будет граф снова верой и правдой служить королю, а золотом или кровью дела не поправишь!

Так и сказали они императору, а тот в ответ:

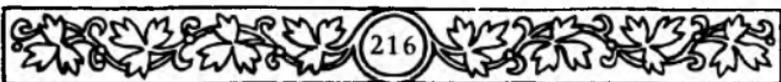
— Да вы все такие же предатели, как Ганелон!

Поник он челом, задумался в печали, и тогда подошел к нему граф Эмери Нарбоннский.

— Сеньор, — сказал он королю, — умерьте вашу скорбь. Вы сами вручили мне Роландов Дюрандаль — кому же, как не ему, отомстить за смерть Роланда? Ганелон обрек Роланда на смерть, нарушил свою клятву и презрел свой рыцарский долг. Казни достоин изменник, а не пощады. А если кто из его родичей посмеет дать отвод такому приговору, я готов подтвердить свои слова могучим Дюрандалем.

— Вот это дело! — воскликнули бароны.

Тогда встал Пинабель — рослый и отважный воин — и с такой силой снял свою правую перчатку, что окажется кто ненароком

под его рукой, не сносить бы несчастному головы.

— Воля ваша, государь, — сказал Пинабель, протягивая перчатку императору, — но я должен вступить за честь моего родича.

Тогда и граф Эмери протянул королю свою правую перчатку, после чего судьи дозволили поединок, а соперники попросили себе коней и стали облачаться в надежные доспехи. Подвязали шлемы ремнями, на ноги надели шпоры, к поясам привесили мечи — у каждого крепкий щит и острое копьё. Вскочили соперники на скакунов и отправились на обширное поле под Ахеном, где уже ждала поединок стотысячная королевская рать.

Разъехались противники в разные концы поля, а потом отпустили поводья и пришпорили коней. Помчались скакуны навстречу друг другу, пригнулись к их шеям всадники и на полном скаку вонзили друг в друга копьё. Копьё Эмери с металлической лилией на конце пробило щит Пинабеля,

врезало его бронь – от такого удара порвалась подпруга и свалился Пинабель на землю. Но и он не промахнулся – вонзилось его копье в щит Эмери, раздробило его на куски и выбило Эмери из седла на зеленое поле.

Никто не сказал ни слова – только вздох пронесся над сотысячным войском.

Вскочили бойцы на ноги и бросились друг на друга, вытаскивая из ножен могучие мечи. Зазвенели клинки, посыпались искры – до того сильны удары, что, кажется, от каждого содрогается земля и колеблется трава на всем боевом поле.

– Сдавайся, Эмери! – кричит Пинабель. – Стану я тебе верным слугой, отдам тебе все свои владения, только помири Ганелона с Карлом, не дай свершиться несправедному суду!

– Лучше помолчи, Пинабель, – отвечает Эмери. Низко и стыдно уступать тому, кто защищает измену и предательство. Пусть рассудит нас Господь!

– Вот как! – в ярости воскликнул Пинабель и ударил врага в крепкий провансальский

шлем. От искр запылали на поле травы, а меч Пинабеля с легкостью расколол на Эмери забрало, поранил графу лоб и правую щеку и до самого живота прорезал панцирь.

Почувствовал Эмери, что заливают ему глаза кровь из раны, собрал силы и ударил могучим Дюрандалем по шлему противника. Не выдержал шлем — треснул пополам, и раскрыл Дюрандаль череп непокорному Пинабелю.

И тогда, как на поле брани, закричала стотысячная армия Карла Великого:

— Монжуа!.. Монжуа!..

Подав Карл знак — и вот уже прикручен злодей Ганелон за ноги и за руки к четырем коням. Четыре стража отпустили узды — и на все четыре стороны рванулись с места ретивые кони. Так бесславно погиб изменник, хотя смерть его и не могла искупить невосполнимых потерь императора Карла.

Свершив возмездие, призвал король прелатов и сказал им:

— Привез я с собой из Сарагосы полонянку — была она языческой царицей Брамимондой, а ныне хочет принять крещение, чтобы от вечных мук избавил ее Создатель.

— Назначьте ей восприемницу, — решили прелаты.

Карл позвал свою сестру Берту и сказал ей с печалью:

— Дорогая сестра, лишились вы и сына, и супруга: погиб Роланд, как герой, на поле брани; казнен Ганелон, как изменник, и нет ему прощения. Знаю ваше горе, но прошу — станьте крестной матерью царице Брамимонде: вы одна из самых знатных дам и добрых христианок в моем королевстве!

— Государь, — ответила Берта, — и в горе я вам повинуюсь: стану царице покровительницей и подругой. Погиб мой сын, и нет мне утешения. Казнен Ганелон, но нет в моем сердце скорби. Никогда он мне не был любимым мужем, потому что всегда любила я только одного избранника. Когда-то

я первой призналась ему в любви и сейчас первой прошу, государь: я по-прежнему люблю Милона Англерского, отца Роланда, и по-прежнему хочу быть его верной супругой.

— Сестра, — ответил король, — я виноват перед вами, я лишил вас любимого, я выдал вас насильно за негодяя и изменника. Нет мне прощения... Но вряд ли я смогу исполнить вашу просьбу — я не знаю, где Милон, и опасаясь, что его уже нет на этом свете...

— Он здесь, государь! — воскликнула Берта. — Все эти годы он жил, как простой селянин, неподалеку от Ахена. Вспомните турнир, на котором вы препоясали мечом юного Роланда. Уже тогда Ганелон таил коварные замыслы: это он подстроил поединок с посланцем султана Абдуррахмана, зная, что этот посланец — Милон Англерский. Он хотел убить Роланда рукой его собственного отца! Роланд узнал об этом, государь, он никогда не мог простить Ганелону такую подлость. Милон Англерский — честный

рыцарь и верный ваш вассал. Верните, сударь, его ко двору и подарите мне хотя бы немного радости!

И тогда король призвал к себе Милона и вернул ему все его добро и все его звания. А вскоре был устроен большой свадебный пир, на котором в последний раз помянули с горечью павших баронов и поздравили с радостью Берту и Милона.

В разгаре пиршества подозвал к себе король Эмери Нарбоннского и сказал ему с нежностью:

— Дорогой граф, вы отважно сражались за нашу милую Францию, вы до конца были верны вашему другу Роланду, и к вам по достоинству перешли его Олифан и Дюрандаль. Наступили мирные дни. Отправляйтесь домой, Эмери, — я вам доверяю Нарбонну и мои южные земли. Храните же их от врагов так же отважно, как вы охраняли мой арьергард. И когда войдут в силу ваши сыновья, передайте самому достойному из них рог и меч Роланда. Ступайте. Но на прощанье затрубите

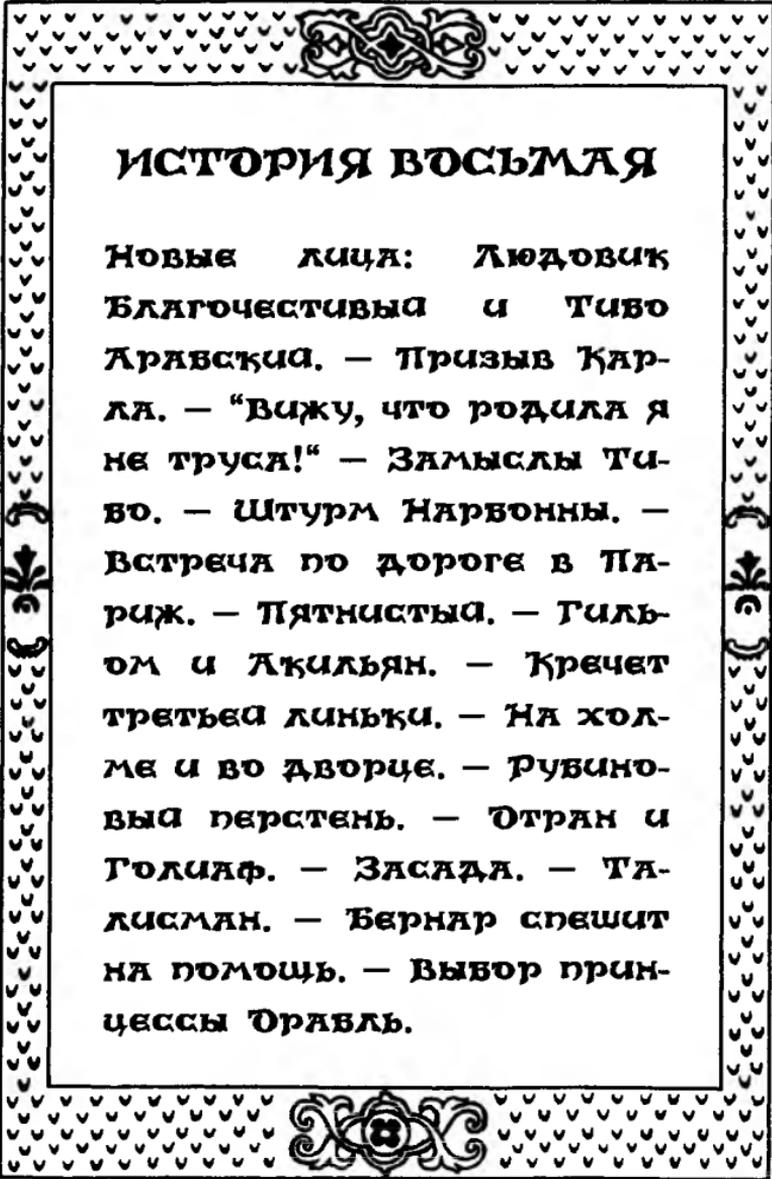
в Олифан, чтобы все запомнили его бессмертный голос!

Граф Эмери поднес Олифан к губам — и до самых небес взлетел трубный глас Роландова рога.

Рокочет рог над всей землей —
Зовет отважных за собой.

И мы рассказ продолжим свой,
Аой!

ИСТОРИЯ ВОСЬМАЯ

НОВЫЕ ЛИЦА: Людовик
Благочестивый и Тибо
Аравский. — Призыв Кар-
ла. — “Вижу, что родила я
не труса!” — Замыслы Ти-
во. — Штурм Нарвонны. —
Встреча по дороге в Па-
риж. — Пятнистыя. — Гиль-
ом и Акильян. — Кричат
третьей линьки. — На хол-
ме и во дворце. — Рубино-
вый перстень. — Отран и
Голцаф. — Засада. — Та-
лисман. — Бернар спешит
на помощь. — Выбор прин-
цессы Оравль.

тот самый год, когда произошла битва при Ронсевале, когда были преданы изменником Ганелоном двенадцать французских пэров и двадцатитысячный арьергард во главе с могучим графом Роландом, когда Карл Великий разгромил язычников, взял их столицу Сарагосу и пленил красавицу Брамимонду, когда погибли царь Марсилиий и эмир Балиган, когда юный Эмери Нарбоннский за свою отвагу получил из рук короля рог и меч Роланда, а предатель Ганелон был на виду у всех разорван четырьмя лошадьми, — в тот самый год родился у императора Карла наследник, сын Людовик, впоследствии прозванный Благочестивым. Предстояли ему в жизни большие подвиги и большие испытания, а пока что, как это было принято в те времена,

отправил его Карл на семь лет воспитываться вдали от дома. Сам же король продолжал свои победные походы во все концы Европы.

Шло время. Вместо Марсилия воцарился в сарацинских пределах языческий король Тибо Арабский и снова стал тревожить южные земли французского императора. Там, на юге, главным оплотом императорской власти стал граф Эмери, защитник города Нарбонны. За эти годы родилось у него и у графини Эрменгарды еще пять сыновей, и, помимо старших, Бернара и Гильома, росли в его доме маленькие рыцари Гарен, Эрнальт, Аймер, Бев и крошка Гибер. Карл перенес столицу в славный город Париж, откуда и распоряжался своей милой Францией.

С годами у Эмери Нарбоннского поседела борода, еще больше раздался он в плечах, могучие силы бродили в его мощном теле. А Эрменгарда была светла лицом, нежна и приветлива. Под стать им росли и сыновья — старшие уже входили в пору первой юности

и только и мечтали о том, как прославиться на поле брани.

Однажды в большом мраморном дворце собрались сыновья Эмери Нарбоннского и ждали, когда после утренней мессы придут во дворец родители. Вот вступил Эмери в зал со своей супругой в окружении четырех верных рыцарей — на каждом плащ, подбитый беличьим или куньим мехом, а плащ графа был оторочен горностаем, белым как снег.

— Взгляните, — сказал Эмери жене, — как к нам щедр Создатель! Какие у нас brave сыновья — если доведется мне каждого из них увидеть препоясанного рыцарским мечом, значит, не зря мы прожили свой век!

— Да услышит вас Творец! — откликнулась Эрменгарда.

На этих словах раздался у дворцового крыльца конский топот и храп, и, прыгнув со скакуна, поднялся по ступеням и вступил в зал неведомый гонец.

— Да сохранит Всевышний вас от бед, граф Эмери, — сказал путник. — Вас, и ваш дом, и ваших сыновей!

— Пусть и вам воздаст Бог, друг мой, — ответил граф. — Откуда и куда держите путь? От кого привезли мне вести?

— От государя нашего Карла, — воскликнул гонец. — Повелел он прислать к себе тех четырех из ваших сыновей, что старше по возрасту. Хочет император, чтобы послужили они года три при его дворе — дабы проверить их отвагу и верность и возвести их в рыцарское достоинство.

— Вот это новость! — обрадовался Эмери. — Вы слышите, дети? Не забыл про вас государь, завидный вас ждет удел — служить при императорском дворе в Париже!

— Едем! Едем! — закричали Бернар с Эрнальтом. — Что нам сидеть здесь, в глуши, если нас зовет сам император?

— Да вы что? — вдруг взъерепенился Гильом. — Вы что, забыли, чьи вы сыновья, где родились, где выросли? Нет, рыцарские шпоры мы должны заслужить здесь, громя язычников. Какой смысл ехать в Париж? Что мне там делать — быть слугой при короле и его баронах, подавать им вино

или хлеб и разве что на охоте вынимать меч из ножен? Нет, отец, лучше дайте мне тысячу бойцов, и я чуть свет отправлюсь на Оранж — бить неверных, отвоевывать земли и добывать богатства!

— Брат! — крикнул маленький Гибер. — Хоть я еще не сижу в седле, хоть ношу я еще платье, а не доспехи, но я от вас не отстану!

— Тогда и я с вами поеду, — гордо сказал Бернар. — Я старше и крепче вас всех. Кто, как не я, должен повести вас в бой?

— Нет, дорогой брат, — ответил Гильом, — я и сам могу первенствовать в ратном деле.

— Сын мой, — улыбнулся граф Эмери, — умерьте свой пыл и послушайте, что советует вам отец: не следует на ночь говорить то, о чем пожалеешь утром. Лучше готовьтесь-ка поскорее к отъезду. Ждет нас император, а мы должны уважать его волю.

— Вы это твердо решили, отец? — спросил Гильом.

— Твердо, и не советую мне перечить.

— Что ж, вам видней. Однако я поеду к Карлу лишь тогда, когда вы дадите мне в придачу тысячный отряд и достаточно денег: я не позволю, чтобы кто-нибудь при дворе счел меня нищим.

— Вот с этим я согласен! — весело откликнулся Эмери Нарбоннский.

Тогда юнец Гильом обратился к Эрменгарде, за которую держались трое его меньших братьев:

— Вы слышали, матушка, слова отца? Он велит нам ехать на службу к императору Карлу. Я поведу с собой тысячный отряд и ручаюсь вам, матушка, что коли стану я у Карла рыцарем и получу от него геройский меч, то не вложу его обратно в ножны, пока не покорю весь сарацинский край и не одарю моих младших братьев богатством большим, чем владеет наш отец!

— Вижу, что родила я не труса! — улыбнулась Эрменгарда.

Поутру со всей Нарбонны сошлись ко дворцу сыновья графов и герцогов и дети не столь вельможных дворян — все, кто

мог составить тысячную рать Гильома. Сорок тяжеловозов нагрузили казною, драгоценной тканью-багрецом, сандаловым деревом и шелком.

— Вы ни в чем не должны чувствовать нужды, Гильом, — сказала ему мать, — без раздумий берите что нужно. И хотя совсем близко от нас неверные, но те, кто останется в городе, всегда за себя постоят.

— Ничего не бойтесь, матушка, — отвечал Гильом. — Клянусь: если рать язычников решит на вас напасть и обложит город, я немедленно приведу на помощь в шестьдесят раз больше воинов, чем отправляются со мной в дорогу.

— Храни вас Создатель! — прошептала Эрменгарда. — Вот маленький талисман: он весь исписан заклинаниями, чтобы его владелец не боялся ни раны, ни плена, ни смерти, — я пришью его вам у правого плеча, на рубаху... Ступайте с Богом.

Распрощалась графиня с мужем и старшими сыновьями, отправила с ними к Карлу почти всю нарбоннскую рать и осталась

в городе с младшими детьми, сотней верных рыцарей да простыми горожанами.

А у короля Тибо, мавританского предводителя, оказался среди нарбоннцев тайный соглядатай. Едва отъехал граф Эмери от Нарбонны, как лазутчик тотчас прокрался к Тибо и рассказал обо всем, что произошло в городе. С каждым его словом озарялось лицо короля все большей радостью.

— Магомет! Ты всемогущ и всемогущ! — наконец вскричал Тибо. — Я недавно отправил семь тысяч конных воинов в славный город Оранж посватать принцессу Орабль. Вот будет ей подарок, когда мы возьмем богатую Нарбонну!

И стал Тибо созывать свои войска: велел он сойтись сарацинам, туркам, баскам — сто тысяч всадников прискакали на берег моря, где был назначен сбор мавританского воинства. Стянулись к берегу шаланды, барки, большие военные суда — дромоны и парусники — галиоты, на каждом из них — цветной парус, а на самом богатом корабле, королевском, поднят штандарт с драконом

и тремя орлами. Целую мечеть воздвигли язычники на носу этого корабля, чтобы молиться Магомету и просить у него удачи и ратных побед.

Оглядел король Тибо свои полки и воскликнул:

— Призвал я вас, храбрые сарацины, потому что замыслил завоевать богатую Нарбонну. Когда-то был этот город нашим, а потом захватили его французы. Теперь, как вы знаете, владеет им граф Эмери, тот самый, что единственный вышел живым из Ронсевальского побоища, которое учинил кичливым франкам царь наш Марсилий. По всему видать, улыбнулась нам удача: призвал Карл к себе графа с четырьмя его старшими сыновьями, и те взяли с собой почти все нарбоннское воинство. Осталась защищать город графиня Эрменгарда да горстка рыцарей и горожан. Пришло время вновь вырвать Нарбонну из рук французов — посажу я править ею семь знатных королей и принцев, сделаю Эрменгарду рабыней, а трех ее малолетних сыновей казню по нашему закону.

— Лишь прикажите, государь, — отвечали ему язычники, — и мы не только возьмем Нарбонну, но дойдем и до любого французского города, а если надо, поднимем свой стяг и на самом холме Монмартре в Париже!

Вскоре уже все было готово к отплытию. Нагрузили мавры свои корабли мукой и солониной, за крепкими загородками стояли голова к голове лихие сарацинские скаканы, — и вот наконец вышла в море могучая эскадра. Задудели свирельщики, затрубили горнисты, запели басовитые рога, залаяли псы на привязи, заклекотали с насестов хищные кречеты, — кипит вода, вздуваются паруса, на четыре лье в округе слышен шум и крик плывущего воинства.

Поутру завидел Тибо вдали крепостные стены Нарбонны. Не стал король ни минуты терять — тут же высадился с войском и пошел прямо к городу, сжигая по дороге мелкие замки и разоряя жилища. Увидели это нарбоннцы, всполошились, затворили ворота, а бедная Эрменгарда стала молиться и призывать на помощь своего храброго

мужа Эмери и гордеца Гильома. Между тем уже повел Тибо свои дружины на штурм города. Едва преодолели язычники ров, как обрушился на них целый ливень стрел, копий и дротов, полетели камни – каждый житель города вышел на его защиту.

– Не в добрый час уехали вы, Эмери! – сокрушалась Эрменгарда. – Не в добрый час, Гильом, захотел Карл возвести вас в рыцари!

А седобородый Эмери, как и велел ему король, скакал в это время с сыновьями по дороге в Париж. Ехали они на север, оставив по правую руку Ним и Оранж, что были под властью басурман. И надо же было такому случиться – встретили они как-то поутру вражеский отряд: семь тысяч конных язычников, тех самых, что посылал король Тибо как сватов к принцессе Орабль.

Встревожился граф, увидев такое воинство.

– Там, на холме, язычники, – показал он своим вассалам в сторону противника. – Не избежать нам сражения.

— Бог нас рассудит, — ответили французы, — а убегать не будем!

Приготовились нарбоннцы к бою, но, увидев это, басурмане только рассмеялись. Еще бы, если на одного врага пришлось как раз по семь сарацинских воинов!

И минуты не прошло, как сошлись войска и закипела битва. Как ни храбры французы, как ни умелы они в ратном деле, но выстоять одному против семерых — дело нешуточное. Ручьи крови текут по броне, трещат и ломаются копыя, — и вскричал граф Эмери:

— Да лучше дам я себя рассечь на части, если не накажу нехристей за дерзость!

Пришпорил он горячего коня и наставил копье на языческого короля Акильяна. С размаху пробил наверхье его щита и вонзил оружие в блестящую кольчугу недруга. В тот же миг, как велела воинская наука, нажал он на древко и выбил Акильяна из седла. Тут и до меча дошло дело — вырвал его Эмери из ножен, и расстался бы мавр с головою, но слуги его поймали убежавшего

коня и вновь посадили в седло раненого повелителя.

— Воины! — закричал Акильян. — Вперед! Это же седобородый граф Эмери! Не дайте ему уйти, не то проиграем мы битву!

Полторы тысячи бойцов со всех сторон набросились на графа. Тридцать раз был ранен его неистовый конь — и пал на кровавую землю. Выхватил рыцарь меч с серебряною рукоятью и вскричал в печали:

— Прощайте, мой храбрый Гильом! Прощайте, моя пресветлая Эрменгарда, — утратите вы сегодня и детей, и мужа!

И начал он крушить недругов — кто подвернулся под руку, тому уже не подняться с земли. Но нет числа язычникам. Прижали они его к горному склону, набросились толпой и, скрутив по рукам и ногам, с ликованием взяли в плен.

Увидел это Гильом и закричал в ярости:

— Да лучше дам я себя рассечь на куски, но не оставляю отца в такой беде!

Забросил он за спину щит, зажал в руке тяжелый острый кол и погнал коня галопом

вверх по горному склону. Кто бы ни встретился ему на пути – будь то самый храбрый и отважный воин, – всех он свергает наземь своим колом, громоздит труп за трупом, никому не дает пощады. Такого страху нагнал на врагов, что бросились язычники врассыпную, забыв про пленника, которого с таким трудом удалось им полонить. Сбросил граф Эмери путы, изловил себе коня и молвил Гильому:

– Сын, где ваши доспехи? Почему вы без меча? Вооружайтесь, Гильом!

– Нет, отец, – отвечал тот, – не стану я облекаться в рыцарское одеяние, покуда вместе с вами и братьями не прибуду к Карлу и покуда сам император не объявит меня рыцарем и не препояшет меня мечом!

Подивился Эмери Нарбоннский храбрым и дерзким словам своего сына, а тот уже отъехал подальше в поисках добычи и новых подвигов. И тут под скалой приметил Гильом коня, краше которого не видел белый свет. Звали коня Босан, что значит – Пятнистый. Прекрасная Орабль послала Пятнистого

в подарок королю Тибо в знак того, что согласна принцесса стать его женою. Семь лет жил конь в Оранжском дворце. Ничья рука не прикасалась к нему — одна королева трижды в день приносила ему еду, чистила ему бока скребницей, отирала их белым горностаем, холила и ласкала его, как любимую свою игрушку.

Была при скакуне, которого послала Орабль к Тибо, стража из свирепых нубийцев, четырнадцать человек с трудом держали его на серебряных цепях, а золотое седло на коне было покрыто бесценною тканью, свисавшей до самых копыт. С перепугу Пятнистый так бил ногами о землю, что дрожали вокруг холмы и доли.

Гильом на своем скакуне как стрела подлетел к Пятнистому и нагнал на стражников великого страху. Сказали они друг другу:

— Нет нам защиты от этого удалца, это не человек, а сущий дьявол. Смотрите, сколько наших воинов он уже убил и покалечил. Спротивляться ему бессмысленно. Сам Магомет не избавит от смерти того беднягу,

кого хватит француз своим беспощадным колом!

Бросилась охрана куда глаза глядят, лишь бы не оказаться рядом с Гильомом, а тот не долго думая ухватился рукой за серебряные удила и одним прыжком перемахнул в седло Пятнистого. Быстрее быстрого зверя понесся застоявшийся скакун — так, что только земля задрожала под его копытами.

Впереди приметил Гильом гордого красавца Акильяна: ушел сарацин от графа Эмери, но трижды был ранен копьем и дротом.

— Кто вы, благородный рыцарь? — окликнул его Гильом. — Хоть вы и недруг мне, но бьетесь отважно.

— Я Акильян, — ответил мавр, придерживая коня, — я король и честный воин. Мой повелитель Тибо послал меня в Оранж посватать принцессу Орабль. Хочет на ней жениться король Тибо: ни в Испании, ни во Франции нет девушки красивее. Кто хоть раз прикоснется к ней устами, тот на другую и смотреть не станет! Орабль доверила мне коня Босана с условием, что я отвечаю

за него жизнью. Однако отбили вы коня — нет мне теперь дороги назад в Оранж, не могу я возвратиться и к моему сеньору, снимет мне с плеч голову Тибо за такую утрату... Так что забросьте подальше ваш дьявольский кол — ни к чему вам со мной сражаться, все равно не жить мне на этом свете!

— Ни к чему мне желать вам смерти, — сказал Гильом. — Вы уступили силе, в том нет вашей вины, и я предлагаю вам дружбу. Знайте, что зовусь я Гильомом и что граф Эмери Нарбоннский — мне отец. Едем мы ко двору Карла, чтобы на Троицын день, когда все достойные рыцари собираются в императорском дворце, когда устраиваются пиры и турниры, посвятил наш король меня и братьев в рыцари. Прошу вас, Акильян: возвращайтесь в Оранж и расскажите при встрече красавице Орабль, кому в битве достался ее скакун. Как причислит Карл меня к рыцарям, прискачу я на Пятнистом прямо в ее дворец, добьюсь, чтобы приняла она крещение, и заживем мы с ней в мире

и согласии. А если король Тибо посягнет на наш покой — спознается он не с деревянным колом, но с рыцарским мечом. Я дам вам кречета, отвезите его в подарок королевне. Кречет третьей линьки, самый опытный и сноровистый из всех наших ловчих птиц. Пусть примет его Орабль в знак моей приязни и расположения.

— Рад вам услужить, — ответил Акильян, — и поверьте, что принцесса получит ваш подарок быстро и в сохранности. Выслушав его слова, Гильом в радости пришпорил Пятнистого и помчался к оруженосцам. Выбрав кречета, он вернулся к Акильяну и передал ему перчатку и птицу.

В унынии отправился Акильян в Оранж. Еще бы ему было не унывать: потерял король семь тысяч своих бойцов, сам чуть с жизнью не распростился, отбил Гильом у него самую главную ценность — коня Босана, и волей-неволей пришлось ему, королю, пойти в услужение к юному французцу. Ни на минуту не остановился Акильян, пока не добрался до Оранжа. Там, в тенистом

саду, среди лавров и пиний, на ковре из целебных трав, около прозрачного ручья, нашел он принцессу в окружении ста девушек-прислужниц. Не взял Акильян с собой ни свиту, ни кречета, что послан был Гильомом, проник один через калитку — и предстал перед Орабль таким, каким вышел из сражения: в щите зияют дыры, кольчуга пробита, из глубоких ран стекает по латам кровь, в руке вместо копья — обломок древка... Увидела его Орабль и руками всплеснула от горя:

— Акильян, что с вами? Какой противник посмел надругаться над таким воином, как вы?

Рассказал ей король про встречу с Эмери Нарбоннским и его сыновьями, про то, как отбил юный и отважный Гильом коня Босана.

— И велел передать вам победитель, — закончил Акильян, — что нагрянет он на вашем коне сюда, в Оранж, едва только Карл причислит его к рыцарям. Заставит вас креститься и сделает своей женою. А если

король Тибо посягнет на ваш покой, спознается он не с деревянным колом, но с добрым мечом. И в знак дружбы и приязни послал француз вам бесценный подарок — кречета третьей линьки и свою правую перчатку.

— Вот как, — сказала в раздумье Орабль, — вижу я, удал и дерзок этот Гильом... Однако вы еле держитесь на ногах, Акильян! Садитесь, я немедленно займусь вами!

Послала она своих прислужниц, чтобы они разместили свиту Акильяна, накормили гостей досыта и попотчевали вином, а сама сняла с короля блестящую броню и осмотрела его раны. Обойдя свой сад, насобира-ла она целебных трав и так умело стала врачевать, что и часу не прошло, как вернулись к Акильяну силы. Тогда сказал он королевне:

— Госпожа, не забыли ли вы о подарке, который прислал вам юный граф Гильом?

— И вправду, — ответила Орабль, — пора посмотреть, что за кречета подарил мне этот благородный юноша.

Отвела она посла в покои, устроила его там на отдых, а сама отправилась к оруженосцам взглянуть на подарок.

Тем временем седобородый Эмери Нарбоннский и четыре его сына продолжали путь ко двору императора Карла.

— Отец, — сказал Гильом, — прикажите собрать всю добычу, что отвоевали мы у басурман. Пусть видит Карл — не с пустыми руками прибыли мы в Париж, но с богатством, которое добыли собственным оружием!

— Будь по-вашему! — ответил Эмери и повелел собрать все, что досталось им в бою: мулов и коней, мешки с золотом и серебром, драгоценные камни и борзых собак... Самый бедный вассал превратился в завидного богача после сражения с отрядом Акильяна. Тут пришло время отдыха, и вся нарбоннская рать расположилась на высоком холме — разожгли воины костры, стали готовить еду да вспоминать, из какой переделки вышли они с честью и достоинством.

Не ведали французы, что один из мавров избежал смерти на поле брани, добрался до Оранжа и бросился прямо во дворец, где застал четырех братьев Орабль – Клариона, Асере, Корреля и Мюргале, а также двенадцать их советников. Рассказал им язычник о страшном сражении, в котором погибла вся Акильянова рать, а закончил так:

– Никуда не ушли французы, разбили лагерь на холме близ вчерашнего побоища. Самое время напасть на них врасплох – многие поранены в бою, кони измотаны, долгий отдых нужен им всем, чтобы снова набраться сил. Коль нападете вы на них с утра, не сумеют они дать вам отпора. Отомстите вы за гибель наших братьев, а заодно и вернете все наше богатство.

Правители Оранжа немедля собрали пять тысяч сарацин, и, пока выходили они из города, присоединялись к ним все новые и новые отряды, так что несметное войско пошло на французов. Шли они тихо, не трубили в трубы и рога, не били в барабаны, даже коням не позволяли ржать... Кабы

знал про это граф Эмери! Но нет, не ведая опасности, отдыхали его бойцы на зеленом холме, под теплым южным небом, и только дым от костров поднимался к первым вечерним звездам...

Но недаром говорится, что береженого Бог бережет. Пока собирали братья Орабль своих воинов, королева не теряла времени даром, а призвала к себе постельничего — верного своего слугу и надежного гонца.

— Скачи скорей к Гильому, — повелела она. — Разбили французы лагерь на вершине холма. Сперва передай ему мой поклон, а затем, не таясь, скажи, что идут к нему наши войска, пусть ожидает он тысяч пятнадцать мавров, не меньше. И не забудь добавить, что кречет, им посланный, благополучно мне доставлен королем Акильяном.

Гонец был не только горяч, но и хитер. Не стал он взнуздывать коня, дабы не привлекать лишнего внимания, а велел подать себе мула. Проехал он не спеша мимо сарацинского войска, но, едва оставил его за спиной, пустил мула вскачь, благо была

у этого мула такая иноходь, что он мог любого коня перегнать. И вот, добравшись до французов, попросил он охрану провести его прямо к Гильому.

Гильом, а вместе с ним еще сорок отроков, кто с секирой, кто с дротом в руках, сидели у шатра Эмери Нарбоннского и охраняли его сон.

— Сеньор, — окликнули слуги, — тут кто-то вас спрашивает!

Удивился Гильом ночному гостю, а тот говорит:

— Велела вам передать поклон принцесса Орабль, та, что превзошла красотой всех язычниц и христианок. Просила она поблагодарить вас за бесценный дар: ваш крик затмил выучкой всех ловчих птиц в Оранжевом дворце. Послан же я с тем, чтобы предупредить вас, юный рыцарь, — спешат сюда пятнадцать тысяч сарацин, приготовьтесь к бою, иначе не избежать вам смерти!

— Я еще пока не рыцарь, — вздохнул Гильом, — но клянусь, что не страшны мне недруги, даже если их пятнадцать тысяч!

Спасибо тебе за верную службу, и, надеюсь, ты не обидишься, если я вознагражу тебя за нее быстрым скакуном и горностаевой шубой.

— Спасибо, — ответил гонец, — но не надо мне никаких наград, да я и не осмелюсь принять их: моя госпожа достаточно щедра, чтобы воздать мне по заслугам.

— Ты не только верный, но и благородный слуга, — восхитился Гильом. — Отвези же своей госпоже в знак благодарности и приязни вот этот рубиновый перстень. Пусть она всегда носит его на руке и не берет в мужья короля Тибо!

Не мешкая отправился гонец назад к принцессе, а встревоженный Гильом разбудил отца.

— Боже правый! — вздохнул Эмери. — Не слишком ли строга к нам судьба?

Оделся он в боевые доспехи и собрал вокруг себя небольшое свое воинство. Узнав о приближении мавров, французы испугались и были готовы бежать под покровом ночи, чтобы только не встречаться с таким

многочисленным врагом. Гильом же, видя колебания рыцарей, пришел в ярость.

— Сеньоры, — вскричал он, — неужели вы стали трусами? Велите лучше своим бойцам снимать поскорее лагерь, чтобы враг не мог повалить на нас шатры. И пусть всю нашу добычу до последнего гроша снесут они под охрану оруженосцам. Бородач Ансельм знает здесь каждую тропу, вот и уведет он в леса обоз, пока мы будем сражаться с неверными. Нас мало, а язычников тьма, но неужели мы дрогнем? С вами ваши мечи, а у меня всего лишь деревянный кол, но я так пройду с им по рядам врагов, что никто в другой раз нас не тронет!

Воодушевились французы и исполнили все, как повелел Гильом. Увел бородач Ансельм обоз с несметной добычей. Отправил с ним Гильом и своих братьев. А сам расставил бойцов по засадам, и стали нарбоннцы ждать приближения врага.

В тот час у опустевшего лагеря французов появилось новое войско — это сарацинский правитель Отран, что завоевал старый город

Ним, и его брат Голиаф, могучий и отважный воин, возвращались домой после удачного похода. Увидели они над холмом дым догорающих костров, ворвались в лагерь, но никого в нем не застали. Закрался в язычников страх – ищут они французов, никого не могут найти. И сказал Отран Нимский Голиафу:

– Наверняка французы прячутся в засаде. Слышал я, их молодой вождь так орудует деревянным колом, что никому из нас не уцелеть. Давайте-ка лучше повернем назад и поедем прямо в Оранж.

– Нам это не пристало, – ответил гордый Голиаф, – а юнца, о котором вы говорите, мы к себе и не подпустим: забросаем его издали дождем наших каленых дротов – ему и часу не продержаться!

Между тем подоспели к холму оранжцы. Четырежды протрубил Кларион в рог, призывая сарацин к атаке. Услышал звук рога Гильом и восславил Всевышнего: вовремя предупредила его принцесса Орабль, вовремя увел он свое войско из лагеря. Услышал

этот зов и Отран и отправил Голиафа узнать, чье войско приближается к холму.

Вскоре Голиаф уже держал речь перед четырьмя оранжскими повелителями и их воинством:

— Мой брат Отран с войском стоит по другую сторону холма и с прискорбием оплакивает тех, чью жизнь пресекли граф Эмери Нарбоннский и сын его Гильом. Хоть безбород юный граф и молод летами, хоть не успел он еще стяжать рыцарский сан, но с одним деревянным колом смог нагнать такого страху на наших бойцов, что те дрожат при одном его имени. Будем же смелее! Не дадим одному христианину, как бы ни был он храбр и силен, совладать с нашими смельчаками!

— За мною! — воскликнул Асере. — Коль встречу я Гильома, не миновать ему смерти!

Увлеч он за собой оранжское войско, подлетели сарацины к лагерю, а там — ни души. Ни мулов, ни коней, ни оруженосцев — ушли французы, забрали с собой всю завоеванную добычу.

— Видит Магомет, — опечалился нехристь, — нарбоннцы оказались хитрее нас, ушли загодя...

Не успел он закончить, как со всех сторон поднялся шум, и в мгновение ока оказались оранжцы в окружении. Едва вошло солнце, как вывел Гильом из засад своих бойцов и те взяли в плотное кольцо вражеские полки. Невелики отряды нарбоннцев, но над каждым поднят королевский стяг, плещутся на копьях цветные значки, а граф Эмери вздымает левой рукой свой графский штандарт с золотым орлом, что приклепан к восьми святым крестам.

— О Магомет! — вновь вскричал Асере. — Мы в ловушке. Не увижусь я больше с сестрой Орабль, не доживу до ее свадьбы с королем Тибо!

А французы уже врезались карьером в строй басурман и четыре их сотни сразу поддели на копье. Гильом со своим деревянным колом, которым орудовал ловчее, чем опытный лучник оперенною стрелой,

помчался прямо к оранжским королям, сметая по дороге толпы язычников.

— Нам всем пришел конец! — возопил Голиаф. — Это не человек, а сам черт. Жердь в его руках тяжела, как воз, — никто перед ней не устоит.

Не выдержали сарацины и кинулись наутек. Даже Кларион, Асере, Коррель и Мюргале побросали щиты и копья и с одними легкими мечами пустились вскачь с поля брани. А за ними вдогонку — Гильом. Бросил он поводья, и понесся Пятнистый быстрее птицы. Обернулся Асере и крикнул своим братьям:

— Доколе терпеть нам такой урон от одного бойца?

— До гроба! — крикнул ему в ответ Гильом.

— Не мешало бы нам унять этого хвастуна! — не оборачиваясь назад, воскликнул Коррель.

— Да не попустит вас Магомет ввязаться с ним в бой! — ответил Мюргале.

А Гильом им вослед:

— Эй, не трусьте! Я ведь еще мальчишка, я еще слаб, я еще не стяжал рыцарского сана! Так что остановитесь, пока можете со мной совладать. А то, едва посвятит меня Карл в рыцари, явлюсь я в Оранж на своем Пятнистом, покажу его принцессе, пусть знает, что ее конь пришелся впору не Тибо, а мне! Да не бойтесь же, не трону я вас ради Орабль!..

С размаху воткнул Гильом свой кол в землю и безо всякого оружия подскакал вплотную к нехристям.

Покуда преследовал юный смельчак оранжцев, седобородый граф Эмери повел свой отряд другой дорогой, мчась вдогонку за Отраном Нимским. Гильом и не заметил, что остался один на один с сарацинским отрядом. И пока вел он с врагами беспечный и веселый разговор, Мюргале не приметно оказался за его спиной, переглянулся молча с братьями, взмахнул мечом и нанес ему удар в правое плечо. Сквозь шелковую рубаху проникла сталь в тело — да как раз в том месте, где, прощаясь, пришила

Эрменгарда на рубаху сыну талисман с за-
клипаниями. Как ни был силен удар, но,
словно от камня, отскочило от талисмана
лезвие.

— Что же ты не убил христианина? —
завопили сарацины. — Коль уйдет он от нас
живым, погибли мы все!..

Бросились они на Гильома, свалили его
с коня, заломили ему руки за спину, и тогда
Коррель Оранжский, забыв про уныние, за-
смеялся в лицо юноше:

— А ведь не сглупил ты, Гильом, когда
поехал за нами. Хотел ты оказаться в Оран-
же, вот мы тебе и поможем. Стащу я тебя
нынче туда силком, чтобы увидела сестра
моя Орабль, какую добычу я ей доставил.
Насидишься ты в подвале под главной нашей
башней, пока Тибо не узнает, кем убиты
его послы. А тогда взыщет он с тебя за
смерть каждого своего воина.

— Трус! — ответил ему граф, закусывая
губы от боли и обиды. — погоди, стану
рыцарем, и ты первым будешь нанизан на
мой меч!

Подивились сарацины необузданной храбрости Гильома, а тот продолжал:

— Не трать понапрасну слов, а лучше прикажи прибавить шагу, чтоб еще до заката поспеть нам в Оранж. Пусть туда заявится Тибо, но, прежде чем сделает он Орабль своей женою, придется ему сначала поговорить со мной!

Коррель от ярости чуть не убил на месте пленника, но Кларийон остановил брата:

— Побереги француза. Завтра будет время выместить на нем злобу.

Громко препирались сарацины с Гильомом и не заметили одного из нарбоннцев, что оказался на их пути. Тот же примчался мигом к оруженосцам, которых вместе с обозом увел в леса бородач Ансельм, и окликнул юного Бернара:

— Сеньор, большая беда стряслась с вашим братом — пленили его сарацины и тащат его с собой в Оранж!

— Бароны! — позвал Бернар оруженосцев. — Вы все юные дворяне и сыновья доблестных вассалов. Вы тоже ждете

рыцарского сана — помогите же мне спасти моего брата!

— Мы с вами, Бернар! — вскричали оруженосцы и, оставив обоз под охраной небольшого отряда, бросились вдогонку за сарацинами.

А граф Эмери Нарбоннский, разгромив войско Отрана, возвращался тем временем назад, чтобы соединиться с Гильомом. Каково же было его горе, когда он увидел на холме одинокого скакуна. Стоял Пятнистый, низко опустив голову, словно сокрушался о том, что сам он смог избежать плена, а его хозяин оказался в руках врагов. Подъехал граф к Пятнистому и поймал его за узду. А конь, хоть и был горяч, покорился старому рыцарю, потянулся к нему мордой и тихо заржал, будто выплакивал свою печаль по хозяину.

— Добрый конь! — в слезах воскликнул граф. — Ты потерял лихого седока, а я — свою надежду, своего сына. Вошел бы он в года и стал несравненным рыцарем. Не знать мне больше в жизни ни радости, ни веселья!

Припал он к луке седла, на которой остались пятна крови Гильома, и чуть не упал на землю в беспамятстве от охватившего его горя.

Но тут подъехали к нему бароны и поспешно закричали:

— Эмери, ваш сын Гильом жив! Он только взят в плен язычниками. Коль удастся нам нагнать нехристей, мы покажем, как можем постоять за молодого графа!

И тогда пришпорили французы коней и во главе с Эмери Нарбоннским устремились вослед язычникам. А те, словно чуя опасность, торопятся через пустошь, которая началась как раз за пять лье от Оранжа. На переднем муле везут язычники связанного Гильома, гарцуют вокруг него четыре оранжских короля, мечтают, каким мукам предадут они пленника, а тот беспечно погрузился в грезы о богатом Оранже и красавице Орабль.

Тут-то, на пустоши, и настигли французы мавров. Бернар первым добрался до Кларина, вспорол его кольчугу копьем и сбросил

наземь ненавистного врага. Окружили нарбоннцы недругов, погнали их по полю, а Гильом, увидя своих, воспрял духом и возликовал, когда на полном ходу подскочил к нему Бернар и рассек мечом его путы. Ни минуты не стал медлить Гильом: ухватил он за волосы Мюргале, который ехал с ним бок о бок, и обрушил на язычника кулак — вышиб он королю глаз, выбил зубы, и сарацин испустил дух, даже не поняв, что с ним произошло.

Спешились французы, и Гильом обнял своих оруженосцев.

— Вы спасли меня, бароны, — сказал он в радости, — буду я об этом помнить до гроба, и, когда Карл сделает меня рыцарем, я сам препояшу вам бедра мечом и добуду вам богатства.

Тут пришел в сознание раненый Кларион и взмолился:

— Пощадите нас в угоду Орабль, и мы еще с честью вам послужим!

— Вот как? — откликнулся Гильом. — Вспомнили бы вы пораньше про вашу

сестру, небось и жертв было бы поменьше. Бернар, трубите отбой, зовите сюда нашего отца.

Вскоре старый граф обнимал своего освобожденного сына.

— Кем вы так жестоко ранены в плечо? — всполошился он, но Гильом пресек все попытки забинтовать его рану.

— Не беспокойтесь, отец! Подпустил я к себе неосторожно одного из врагов, однако уже с ним расчелся — так огрел его кулаком, что пал он с коня бездыханным. Однако остальных отпустите, отец, с миром. Пусть возвращаются в Оранж и расскажут королеве обо всем, что видели.

Так и случилось. Все пять лье проскакали язычники без отдыха и вскоре спрыгнули с коней у самого Оранжского дворца. Орабль с толпой придворных вышла им навстречу и спросила у братьев:

— Как же звать того, кто сумел вас одолеть? Кто он — король или герцог, что он за силач, коли разбил весь ваш отряд наголову?

— Дорогая сестра, — ответил Асере, — вы знаете, что до сего дня не было нам равных на поле брани. Однако осрамил нас юный Гильом, сын Эмери Нарбоннского. Не видел свет такого удалца! Он же, узнав о вашей красоте, учености и учтивости, решил не допустить вашей свадьбы с королем Тибо. А иначе, сказал Гильом, останется у нас из всех земель ровно столько, чтобы хватило лечь в могилу!

Опустила Орабль голову, а брат продолжал:

— Красив Гильом и статен, и коли станет он рыцарем, то не будет ему ровни ни в Испании, ни во Франции!

Еще ниже опустила голову Орабль, но заметила, что появился во дворце ее постельничий, которого королева посылала гонцом к Гильому. Отвела она его незаметно в сторону, и гонец сказал ей вполголоса:

— Госпожа, Гильом, самый красивый и благородный из христиан, велел передать вам поклон и этот перстень с драгоценным

рубином. Просил он вас носить его на руке днем и ночью, никогда не снимать и не брать короля Тибо себе в мужья.

— Благодарю! — также вполголоса ответила Орабль. — Этот заветный дар я предпочту любым сокровищам и не расстанусь с ним, куда буду жива!

И пока любовалась Орабль подарком Гильома, тот вместе с братьями и седобородым отцом снова собирался в путь ко двору императора Карла.

— Одного не могу себе простить, — сказал юноша старому графу, — что не углядел я за конем, за моим Пятнистым. А я так мечтал явиться на нем к королю, а затем в Оранж, чтобы увидела Орабль, в какие руки попал ее питомец!

— Не грусти, — рассмеялся Эмери, — твой отец не дал пропасть такому знатному скакуну. Вот он, погляди!

— Пятнистый! — вскричал Гильом, а конь, услышав его голос, забился, разбросал по сторонам слуг, державших узду, и весело побежал к хозяину.

Те, кто их видели, говорили потом, что даже лучшие друзья не радовались бы при встрече так, как ликовали юный граф Гильом и его верный конь.

Певучий рог пропел отбой,
Но путь далек, а край – глухой...
И мы рассказ продолжим свой,
Аой!

ИСТОРИЯ ДЕВЯТАЯ

Позор короля Тиво. —
Глас Магомета. — Пере-
мирие. — В тени оливы. —
Чудеса Глорьетского
дворца. — “Дело решен-
ное”. — Тайное письмо и
колдовство Оравль. —
Маленькие защитники Нар-
вонны. — Аравчонок. —
Тем временем в Сен-Де-
ни... — “Что это за смуть-
ян?” — Бой на палках. —
Посвящение в рыцари. —
Гонец из Нарвонны. —
Гильом и Тиво. — Опять
Париж.

еблизок путь в Париж — а когда везешь столько добычи, то дорога кажется вдвое длинней. Растянулись по ней обозы, трусят мулы с драгоценной поклажей, громоздятся на телегах мешки с сокровищами и сарацинское оружие, взятое в бою. Знаменитый Роланд и тот не брал разом столько трофеев, сколько удалось добыть достошлавному графу Гильому и его седобородому отцу Эмери Нарбоннскому. И покуда вся эта процессия через поля и леса двигалась на север, в противоположную сторону скакал один из мавров, уцелевший после битвы с нарбоннцами.

Нарбонна куда ближе к Оранжу, чем Париж, поэтому уже вскоре гонец был у шатра Тибо Арабского, который проводил досуг,

играя в кости со своими приближенными. Осада города затянулась, не удалось взять ее приступом – решил Тибо брать Нарбонну измором.

– Король, – едва отдышавшись, сказал мавр, – перебиты все ваши послы, которые были посланы в Оранж.

– Кто? – вскочил разъяренный Тибо. – Кто осмелился это сделать? Отвечай немедленно, если тебе дорога твоя голова!

– Их перебили граф Эмери и его сын Гильом. Юнец хотя еще не рыцарь, но так прошелся деревянным колом по нашему войску, как никто другой не смог бы сделать ни мечом, ни копьем. А уж когда возведет его император Карл в рыцарское достоинство, – видать по всему, не будет ему ровни во всем христианском мире. Мало того, что нарбоннцы истребили все Акильяново войско, разделались они и с Отраном Нимским, а Гильом к тому же отобрал у сватов коня Босана, который послан был вам в подарок принцессой Орабль. Вы же, король, опасайтесь потерять ее любовь: сдается мне,

отправила она с гонцом тайное письмо юному французу. Отберет он у вас принцессу и завоюет Оранж, потому что некому тягаться ни с его силой, ни с его красотой.

— О Магомет! — вскричал Тибо Арабский, вознеся руки к небесам. — Такого позора я не снесу! Пусть же не будет на свете лжеца, который скажет, что мы не возьмем Нарбонну!

В сердцах король кинул в траву игральные кости и процедил сквозь зубы со злобой и ненавистью:

— Недолго же ты, Нарбонна, будешь сопротивляться! Сегодня же возьму тебя приступом, и ни одной живой души не останется за твоими стенами!

Не медля ни минуты, надел он кольчугу, подвязал потуже зеленый шлем, привесил к бедру меч, украшенный дивными драгоценностями и, гарцуя на персидском жеребце, выехал на полет стрелы перед своим войском.

— Воины! — закричал он маврам. — Трусы и лгуны утверждают, что вовеки не взять

нам Нарбонну, что восемьдесят лучников да пятьдесят стрелков из арбалета засели на ее стенах, что две сотни отважных рыцарей охраняют ее ворота, что нет счета дюжим горожанам и нет преград их тяжелым секирам. Взгляните, воины: их несколько сот, а нас — тысячи. Неужели Магомет допустит, что мы дрогнем перед этой горсткой врагов, трусливо спрятавшихся за каменными стенами? Каждому из вас, кто войдет в город, я дам три дня, чтобы взять себе богатства — сколько угодно вашей душе и сколько унесут ваши руки!

Тут-то и закипела схватка! Посыпались сверху на басурман камни и увесистые бревна, кто забрался на лестницу — падает вниз с пробитой грудью, кто смог влезть на стену — тут же обезглавлен и скинут в крепостной ров. Засыпают арабские лучники своими калеными стрелами защитников города — вонзаются стрелы в камень, отскакивают от стен, падают вниз, на толпы осаждающих.

— Назад! Назад! — наконец закричал Тибо, видя, как безуспешно штурмуют его войска неприступную Нарбонну. Послал он приказ

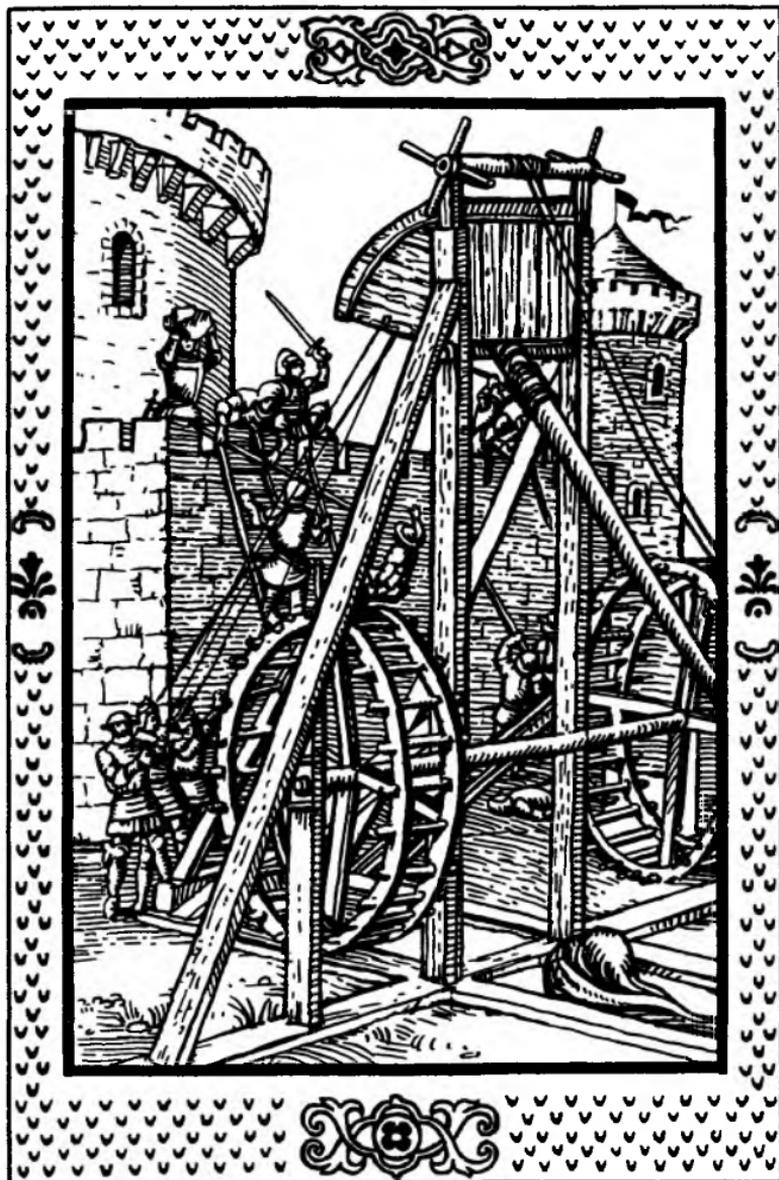

всем войскам, оставшимся на кораблях, чтобы немедленно те, кто владеет мечом и дротом, пришли под Нарбонну брать ее приступом и рушить укрепления. Созвал король умелых плотников и приказал им резать бревна на доски и делать три десятка каменетов — чтобы любой из них мог пробить толстые нарбоннские башни.

Вскоре французы увидели, что лагерь Тибо пополнился свежими силами, а огромные каменеты были выдвинуты перед наступающими сарацинами. Смятение прошло по рядам защитников крепости: многие из них были уже ранены вражескими стрелами, все труднее становилось защищать им город. Тридцать горнов, пятнадцать больших рогов и сорок малых затрубили разом тревогу, призывая язычников надевать доспехи. Тибо приказал поставить перед войском идола Магомета, чтобы он помог осаждающим ворваться в город. Обтянули язычники своего истукана зеленым шелком, зажгли перед ним плашки и светильники и покатали его к стенам крепости.

Дивит французов его величина и вес. Но не видели они, что тайком залез внутрь один сарацин, и, когда мавры подтянулись вслед истукану к нарбоннским воротам, обратился он к язычникам – словно заговорил сам Магомет.

– Тибо Арабский, подойди поближе, – зычным голосом приказал истукан, – и выслушай мое напутствие. Отбрось все страхи и сомнения, иди в Нарбонну, водружи на ее главной башне свой стяг, верни город и займи дворец, где жили твои предки!

Обрадовался Тибо, услышав эти слова, и вручил идолу в залог верной службы свою перчатку, которую набил золотыми монетами. Истукан же, как живой, протянул руку и схватил королевскую перчатку. Сарацины простерлись ниц перед изваянием.

– С нами бог! С нами Магомет! – пронеслось по их рядам.

– С вами! С вами! – закричали со стен французы. – Вот мы сейчас его и почтим!

Принялись они метать в идола копья и колы, большие валуны и мелкие камни — побили Магомета, проломил его деревянную голову и грудь, а тот неверный, что сидел внутри идола, не смог выбраться наружу, так и помер там под меткими ударами защитников Нарбонны.

Тибо от гнева чуть не лишился разума — схватил с земли кол и принялся лупить поверженного истукана по голове, приговаривая в ярости:

— Будь ты проклят, слабый и лживый бог! Не стоят твои чудеса и ломаного денария!

— Уймитесь, король! — завопили язычники. — Кто же уцелеет под такими камнями!

— Попали мы в беду, — сказал, поостынув, Тибо. — Мертв наш Магомет и покрыт позором. Не взять нам с бою крепости.

Тут увидел он на стене графиню Эрменгарду, которая пришла поддержать храбрых защитников Нарбонны, и закричал ей снизу:

– Согласись заключить со мной перемирие на две недели – и оставлю я сейчас штурм города.

– Пришлешь знатных заложников, тогда и поговорим, – отвечала Эрменгарда.

Не стал Тибо вступать в ненужные пререкания и послал в Нарбонну четырех своих вельмож. Французы посадили их в башню и предупредили Тибо, что ждет всех заложников петля, коли нарушит он перемирие.

Сам же Тибо решил, не мешкая, усилить осаду, для чего призвал к себе в шатер своих военачальников – Мордана, Матрефалана и Аэрофля.

– Не сводите глаз с Нарбонны, – приказал им повелитель, – ни единой души не выпускайте из крепости, а кто посмеет выйти за ворота, убивайте на месте. Я же наведуясь в Оранж – пусть расскажут мне Акильян и все прочие, что там стряслось за несчастье и почему мальчишка Гильом взял верх в бою над такими опытными бойцами.

Тибо взял с собой десять тысяч храбрецов и пустился в путь к Оранжу. Оставив за спиной холмы и долины, вспаханные поля и дикие чащи, прибыл он в город, и сотни труб оповестили всех горожан о прибытии знатного гостя.

Узнала о нем и Орабль. А ее братья — Коррель Оранжский, учтивый Асере и неустрашимый Клариион вышли встречать короля Тибо и приняли его со всеми почестями, что были положены по языческим законам. Уселся Тибо со всеми на шелковом ковре под тенистой оливой и сказал Коррелю:

— Скажите мне по правде — где Акильян, которого я посылал как свата к вашей сестре? Не раз я слышал, что она красивей всех смертных женщин и стократ ученей самого мудрого клирика. Брак со мной сулит ей немало богатств — сделаю ее владелицей и повелительницей многих земель от Испании до Италии.

— Мы тоже не обидим сестру, — ответил Коррель, — и коли она решится пойти

за вас, то отпишем ей в приданое этот город, а он и люден и богат.

— Нет, король, — сказал Кларион, — не даст вам Гильом жениться на Орабль. И ежели примет он рыцарский сан и приедет в Оранж, то всем нам не сносить головы.

— Да кто он такой, этот Гильом? — презрительно воскликнул Тибо. — Простой графский сынок, а мне был дядей сам эмир Балиган. Кто очистил Испанию от христиан, кто изгнал французов со всего юга? Я, король Тибо Арабский. Ныне я взял в осаду Нарбонну, и мне ли страшиться какого-то молокососа?

— Вы великий воин, кто же этого не знает! А все же не следует вам брать в жены Орабль, — возразил Кларион. — Все равно отнимет ее у вас Гильом.

— Вздор все это! — рассмеялся Тибо. — Нелепо пугать меня мальчишкою. У него и меча-то еще нет! Пусть он встретится мне где-нибудь на дороге, и я притащу его к вам за руку!

– Вы его не видели, государь, – не отступал Кларин, – и не ведаете, на что он способен.

– Хорошо, оставим ненужный спор, – прервал его Тибо. – Позовите-ка лучше вашу сестру. Есть у меня к ней важный разговор.

Красив знаменитый Глорьетский дворец в Оранже, в котором жила принцесса Орабль. Славился он на весь мир великолепными росписями, – как живые, глядели со стен лани, лоси, лошади, верблюды, своры охотничьих псов и множество пернатых: павлинов, лебедей, гусей и орлов. А на потолке изображен был небесный свод: побелен он известкой, раскрашен серебром, горят на нем тысячи звезд, сверкает светлое солнце, сияет полная луна...

Восхитил дворец короля Тибо – так бы и не уходил он отсюда. А Коррель Оранжевый принес скамью слоновой кости, да не простую, а волшебную: стоит на нее сесть – и раздастся божественная музыка, слаще которой не услышишь нигде на Востоке или на Западе.

Подивился Тибо и сказал сам себе:

— Богат и счастлив, кто владеет такими чудесами. Станет Орабль моей — буду я здесь хозяином.

А братья принцессы тем временем вошли в ее покои, и Коррель, как старший, повел к ней такие речи:

— Дорогая сестра, прибыл в Оранж знаменитый король Тибо Арабский. Прослышал он о вашей красоте и мудрости и пожелал взять вас в жены. Готовьтесь: сегодня же состоится ваша свадьба, и уже вечером увенчает вас золотая корона.

— Нет! — вскричала Орабль. — Нет, брат, не будет этого! Не мил мне Тибо, а дорог моему сердцу юный Гильом. Его я хочу видеть и приму крещение, если он того потребует.

— Не нужно возражать, сестра, — твердо ответил Коррель. — Дело решенное. Тибо — самый могучий король из всех живущих ныне под нашими небесами. Владеет он всею Испанией, войск его не счесть, и, если отважитесь вы ему перечить,

возьмет он наш город, а нас всех попросту повесит.

— Боже! — зарыдала Орабль. — Неужели навеки потерян для меня отважный Гильом?

Неумолимые братья помогли ей собраться — и предстала она во всей красоте перед изумленным Тибо Арабским. На редкость хороша собою оранжская принцесса: драгоценный альмерийский шелк укрывает ее точеную фигуру; сама она статная, походка плавная, а лицом так красива, что не насмотришься. А глаза у Орабль серые — цвета сокола первой линьки — и сверкают зелеными искрами. Тибо чуть в ладоши не захлопал от радости, увидев такую красавицу. Она же смерила его холодным взглядом и повернулась к брату своему Клариону:

— Предали вы меня, братья. Мой вестник уже передал Гильому письмо, в котором я написала, что готова отречься от язычества и вверяю юному французу свою жизнь. Граф оплатит всем нам за мою измену, вас убьет, а Оранж разорит.

— Уймитесь, принцесса, — сказал Тибо. — Нынче вечером свадьба, не будем терять времени даром.

И устроили в Глорьетском дворце свадебный пир. Осыпал Тибо свою невесту невиданными дарами, навезли его слуги дичи и снеди, явились почетные гости, и весь вечер без отдыха пели жонглеры, услаждая слушателей веселыми песнями и звуками арфы и виолы.

В разгаре пира подошла Орабль к Тибо и сказала ему учтиво:

— Ваш приезд застал меня врасплох, покои мои не убраны, я должна удалиться и привести все в порядок.

— Разумные слова! — ответил король. — Радостно слышать, что вы обращаетесь ко мне как к вашему мужу и повелителю. Ступайте да не задерживайтесь — все веселье еще впереди!

Поднялась Орабль к себе в спальню, опустилась на постель и вскричала в слезах:

— Гильом, что мне делать? Чувство наше немногодневно, но сильнее меча, неудержимей

стрелы, не помеха ему ни стены, ни горы. Прислали вы мне бесценные подарки, а я вынуждена отплатить вам изменой... Нет, не нужны мне никакие богатства – только бы знать, что вы мне верите, Гильом, что не упрекнете меня в предательстве и верите в мою любовь!

Не мешкая, призвала Орабль своего верного постельничего и, протянув ему письмо на тонком пергаменте, сказала:

– Храни тебя Господь, друг мой! Скачи во Францию, разыщи Гильома, передай ему эту повязку и письмо. Повязку пускай носит он в сражениях, чтобы моя любовь хранила его от ран, а письмо пусть прочтет, не откладывая, и верит в нем каждой букве!

Спустился вестник из башни во дворец незаметно прошел через пиршественную залу и на одnogорбом верблюде-дромадере, который может мчаться по земле быстрее, чем ласточка летит в небесах, отправился к Гильому с поручением своей госпожи.

Смеркалось. Все громче шумел пир в Глорьетском дворце. Тут явились перед гостями

шестьдесят ловчих, затрубили в рога, ворвалась в залу свора охотничьих псов. Удивился Тибо и, едва вернулась за стол Орабль, спросил у королевны:

— Что это значит? К чему здесь псы и ловчие?

— Так у нас принято, — ответила принцесса. — Сейчас вам покажут наши игры.

Пирует король. Сидят с ним в роскошной зале за громадными столами тридцать тысяч сарацинских воинов. Вдруг, едва стихли охотничьи рога, вбежал во дворец огромный олень, а следом четыре сотни псов — гончих и легавых, борзых и ищеек. За псами ворвались в залу охотники на конях, окружили рогача, а тот вскочил на стол прямо перед оторопевшим Тибо и с протяжным ревом стал рвать скатерть, уставленную дорогими яствами. Наморщил олень нос и фыркнул так, что повалились со столов от ветра тяжелые блюда и кубки. Тибо же Арабский от ужаса вжался в стену, потому что из ноздрей оленя низринулась на пиршественный стол добрая сотня мужиков-вилланов — каждый

локтей пятнадцать росту, нет ни на ком ни обуви, ни рубахи; один – однорукий, другой – одноногий, у того – три подбородка, у другого – четыре глаза, зато у всех за спиной по горбу, а на нем восседают арбалетчики и стреляют ядовитыми стрелами направо и налево...

Тибо чуть с ума не сошел при виде таких кошмаров и взмолился:

– Орабль, помилуйте, прекратите эти забавы, а то как бы не умереть в одночасье от таких игрищ. Отдам я вам весь арабский край, только отпустите подобру-поздорову!

– Игрища и не начинались, король, – ответила Орабль. – Еще такое увидите, что, коли удастся вам спастись, будете потом говорить: мол, вовек никого не забавляли так, как вас в Оранже!

Тут разом пропало наваждение – исчез олень, исчезли псы и охотники, сидит король Тибо Арабский за столом, сидят тридцать тысяч сарацинских воинов, вкушают с аппетитом невиданные яства.

Вдруг распахнулись двери, и с пеньем вошли в залу три тысячи, не меньше, монахов: все в черных рясах, в одной руке — факел, в другой — тащит каждый по мертвецу. Заполонили они дворец и стали швырять факелы и трупы в язычников. Распростерся Тибо на мраморном полу и завопил от ужаса:

— Спаси нас, Магомет, повели Орабль прийти мне на помощь! Коль доберусь я живым до Нарбонны, ни шагу сюда больше не сделаю, забуду про Оранж и про все его богатства!

— Да что вы, король, — вновь ответила Орабль, — разве это потеха? Предстоит вам еще кое-что увидеть.

Опять пропало наваждение, пирует Тибо со своими сарацинами, вкуснее прежнего еда, слаще вино, веселее музыка. Только вздохнул король в надежде, что навсегда пропали кошмары, как в одно мгновение набились в зал дикие львы и медведи. Бросились звери на гостей и давай их драть: у одного рвут рубаху, у другого сдирают горностаевый мех

с богатого плаща. Криком и воем наполнился Глорьетский дворец.

Не выдержал Тибо — белый от ужаса вскочил на ноги и бросился вон из пиршественной залы. Сбежал он с крыльца и закричал своим воинам:

— На коней! Надевайте доспехи, мы возвращаемся в Нарбонну.

— Вам видней, — ответили вассалы, и при бледном свете зари отправились король и его свита восвояси. Без привала домчались они до Нарбонны, потребовали у Эрменгарды назад заложников, замкнули вокруг города кольцо осады, и решил Тибо не силой, так голодом расправиться с непокорными нарбоннцами.

А Эрменгарда обнимала своих малолетних детей, вздыхала и молилась Пресвятой Богородице:

— Помоги мне, Дева Мария, не осталось у меня даже корки хлеба на пропитание детям. Неужели сдаваться беспощадному врагу? Но ведь никого не пожалеет Тибо, казнит и меня, и моих сыновей.

— Не кручиньтесь, матушка, — вскричал Аймер, — да, не ели мы уже три дня, и, может, недолго осталось нам жить, но, если есть у вас тройная броня, да крепкий шлем, да острое копье, дайте их мне, и выступлю я против сарацин!

— Мы с вами, брат! — откликнулись Бев и дитя Гибер.

— Ну что же, дети, — невесело сказала графиня, — вовеки не было в нашей семье трусов. Коли нет выбора, идите в бой, и да пребудет с вами Господь!

Вскочили мальчики на коней, призвали оставшихся в живых рыцарей — и вылетели нарбоннцы из ворот, криками подгоняя пегих, чалых и каурых скакунов.

Чего не ожидали нехристи, так такой отважной вылазки защитников города. В тот час подходил к Нарбонне большой караван с провиантом, который отправил Тибо друг его — берберский король. Три сотни верблюдов, груженных мукой и хлебом, солониной и вином, и множеством прочих припасов, входили в сарацинский лагерь,

когда рядом оказались смелые нарбоннцы. Аймер, не раздумывая, напал на одного из сарацин и сбил его на землю. Бев, вслед за братом, справился с другим противником. И даже малыш Гибер отличился — так ударил копьем в щит одного из мавров, что скинул того с коня, приведя в ужас прочих язычников. Бросились они врассыпную, не поняв толком, что случилось. А Аймер тут же приказал подвезти обоз к нарбоннским воротам. Пока пришли в себя осаждающие, последний верблюд уже скрылся за городской стеной. Ринулись басурмане следом, и хотя ловко и мужественно отбивались юноши, но в последний миг окружили враги Бева, обезоружили юнца и, пленив его, отвели под высокую сосну, где стоял шатер короля Тибо.

— Как тебя звать, храбрец? — презрительно спросил король пленника.

— Зовут меня Бевом, я сын графа Эмери и, хотя юн летами, со многими врагами уже успел расчесться. Не был бы я сейчас связан, и тебе, король, не дал бы я спуска!

— Вот как? — в ярости воскликнул Тибо. — Об этом скажешь еще раз завтра поутру, когда на вершине холма, как раз перед окнами твоей матери Эрменгарды, мы тебя повесим!

— Пусть! — гордо ответил Бев. — Зато я спас многих, и теперь, когда ваш обоз у нас в крепости, Нарбонна продержится до возвращения моего отца и брата Гильома. Что-то ты тогда скажешь, король?

А меж тем Аймер соскочил с коня у Нарбоннского дворца, и графиня приняла из его рук окровавленный меч.

— Где же Бев? — спросила она с тревогой, оглядывая вернувшийся отряд.

— Пленили его неверные, — с грустью ответил Аймер, — и отвели в шатер короля Тибо.

Зарыдав, опустилась Эрменгарда на мраморные ступени дворца, но Аймер нежно поднял ее с земли и стал увещевать:

— Не время плакать, матушка. Велите нас накормить, немало еды добыли мы для

Нарбонны. А уж потом мы с Гибером решим, как должно поступить.

Поутру, еще и заря не взошла, надели мальчики доспехи и с отборным отрядом незаметно выехали за ворота. Велел Аймер своим рыцарям засесть в леске, неподалеку от нарбоннских стен, и чуть что спешить на выручку. Пришпорили братья коней, пронесли в карьер сквозь вражеский лагерь и появились внезапно у королевского шатра, где в тот миг шел совет, какой смертью казнить Бева, чтобы неповадно было христианам появляться за воротами крепости.

— Тибо! — крикнул, подъезжая к королю, Аймер. — Отпусти немедленно нашего брата, не то головой заплатишь за его жизнь!

Сарацин от негодования забыл про меч и, сжав кулаки, бросился к отроку.

— Наглец! — завизжал он. — Ты сегодня же будешь повешен вместе со своим братцем!

Аймер же выхватил меч и прямо на коне ворвался в шатер. А в шатре в то время сидел знатный гость — сын вавилонского

эмира Апеллар, а с ним два вельможи, сопровождавшие его к Тибо: мечтал Апеллар получить у Тибо рыцарские шпоры, для чего и пожаловал так издалека.

Аймер, а следом за ним и Гибер на месте разделались с вельможами: один и охнуть не успел, как лишился головы, второй же упал бездыханный, когда меткое копье Гибера прошло сквозь его броню и застряло под ребрами.

Старший из братьев поймал за штаны арабчонка, взвалил его на шею коню и крикнул младшему:

— Удираем, Гибер, а то и сам святой Денис нас не спасет!

Только их и видели. Сарацины от растерянности разве что успели схватиться за мечи, а братьев уже и след простыл.

— Магомет! — завопил Тибо. — Как же мне быть? Если случится что-нибудь с Апелларом, эмир спалит все мои города и вовек мне будет не смыть позора и проклятия!

Ушли от врагов Аймер и Гибер, прикрыли их нарбоннские рыцари, выскочив из засады,

захлопнулись за ними неприступные городские ворота, и впал Тибо в уныние и горе. Подъехал он на коне к надворотной башне, увидел у окошка Эрменгарду и сказал ей громко:

— Графиня, где твой смелый сын? Хочу я вступить с ним в переговоры.

На его зов поднялся в башню Аймер, перегнулся через подоконник, окинул сверху гордым взглядом сарацинского короля и спросил его холодно:

— Что тебе угодно, король?

— Возврати мне сына эмира. Дам за него все, что ни попросишь.

— Вот мое условие, король, — ответил Аймер. — Сначала ты вернешь моего брата Бева, с конем и в полном вооружении, а тогда я назначу выкуп и за эмирова сынка.

— Так мы не сойдемся, — промолвил Тибо. — Если нет цены, то и торговаться не о чем.

— Хорошо, — ответил Аймер, — вот тебе цена: вернешь моего брата, а следом пришьешь в Нарбонну сорок телег с мукою,

и сорок бочек с кларетом, и сорок мешков со свининою и солью. За это получит пленник свободу.

Передал Тибо требования Аймера своим вельможам, а те в ответ:

— Цена невелика, мы можем заплатить и дороже, лишь бы вернул нам проклятый нарбоннец Апеллара!

На том и порешили. Отправили Бева в полном облачении и на добром коне в Нарбонну, а следом прислали все, что попросил Аймер. Так за два дня получил город столько провианта, что хватило бы его лет на семь. Вернул Аймер Апеллара язычникам, а горожане воспряли духом и стали решать, как сообщить поскорей графу Эмери и Гильому об осаде их родного города.

А Эмери Нарбоннский с четырьмя своими старшими сыновьями, с Бернаром, Гильомом, Эрнальтом и Гареном, миновав сотни замков, городов и деревень, приближался к Парижу, спешил поспеть туда к Троице, дабы возвел император юных графов в рыцарское достоинство.

Прибыли они к сроку, стали постоем близ императорского дворца, и Гильом, сгорая от нетерпения, отбился потихоньку от братьев и поспешил в монастырь Сен-Дени, чтобы поспеть на торжество по случаю праздника. А там уже был и император, и его двор — вельможи, герцоги, пастыри и гости из разных земель.

Находился среди них и один знатный воин, которого звали Друэс. Решил он стать королевским меченосцем и только ждал удобного момента, чтобы подхватить королевский меч и тем заслужить расположение и благоволение Карла.

— Не трогайте меч, сеньор, — тихо сказал ему Гильом. — Я приглашен императором, чтобы стать рыцарем, поэтому за мной почетный долг пронести перед королем его оружие.

Друэс, измерив Гильома гордым и насмешливым взглядом, только рассмеялся в лицо юноше:

— Откуда ты взялся, недоросль? Станешь рыцарем — тогда и мечтай о королевском мече!

Ни слова не сказал в ответ Гильом.

Схватил он Друэса одной рукой за камзол, а другой — за штаны, поднял его на воздух, крутанул три раза над головой и с такою мощью отшвырнул в сторону, что тот ударился головой о колонну и простерся без чувств прямо у ног императора.

— Ах ты негодяй! — вскричал юноша. — Да не будь здесь нашего короля и знатных рыцарей, я бы тебе показал, что значит перечить моей воле!

Подошел он к императорскому мечу и с благоговением вынул его из ножен — озарился полутемный собор светом, будто две сотни свечей зажглось под его куполом.

— Что это за смутьян? — воскликнул Карл. — Откуда он взялся? Вижу я, он силен и хорош собою, но вовек не видал, чтобы на моих праздниках бывали такие чертовы созданыя! Выгнать его из монастыря, а будет перечить — снести ему голову!

Смутились французы, никто не посмел затеять ссору с неведомым удальцом.

Тут вошел в собор граф Эмери, а следом за ним появились три его сына: у каждого — плащ на беличьем меху, каждый — красив и статен.

— Кто это к нам прибыл с такою пышностью? — удивился Карл.

— Это же граф Эмери Нарбоннский, — сказал один из его приближенных. — Привел он четырех своих сыновей — тех, что вошли в года и могут принять рыцарский сан, а младших оставил охранять Нарбонну. Вот тот белокурый отрок, на котором так ловко сидит плащ — это старший, Бернар. За ним идут два других брата — удалые Эрнальт и Гарен. Перед вами же с мечом в руках стоит Гильом — такого храбреца, государь, не найти и в сорока империях. Коли станет он вам служить, то не будет ему ровни в вашем войске!

Тогда поклонились французы Гильому, а император поцеловал семь раз своего верного рыцаря Эмери Нарбоннского и сказал ему со слезами на глазах:

— Как я рад видеть вас, граф! Вы напомнили мне о Роланде и Оливье, о знаменитой

Ронсевальской битве, про которую ныне сложено столько славных песен! Угодили вы мне, Эмери, откликнувшись на мой зов и поспешив на праздник с такими отважными отроками. Что ж, я готов посвятить их в рыцари и принять их в свою свиту.

— Спасибо, государь, — ответил граф. — Коль буду жив, отслужу вам за милость.

Подошел король к Гильому и поручил ему нести свой меч. Бернару достались королевские золотые шпоры, а графу Эмери — край роскошной мантии. После торжественного шествия началось веселье. Пришли в монастырь жонглеры, заиграли на арфах и виолах, а юнцы пустились в пляс — хохочут, резвятся, задевают столы ногами. Веселится вместе со всеми и Карл. Усадил он по правую руку своего любезного Эмери, долго спрашивал его о Нарбонне, о графине Эрменгарде, что светла лицом, о младших сыновьях, о Роландовом Дюрандале и певучем роге Олифане, с которыми не расставался Эмери с того дня, как получил их из рук самого Карла Великого.

Тут подвели к Карлу одного бретонца — вряд ли кому доводилось видеть человека, столь страшного видом и безобразного лицом. Был бретонец крепок и коренаст, весь черен, волосы до пояса, а на темени — проплешина. Пришли с ним двое слуг: один еле тащил два огромных щита, а второй — три дубинки, что будут тяжелее копья.

— Да сохранит Создатель вас, король, и ваших вассалов! — сказал бретонец. — Я — самый лучший на свете боец на палках и пришел вызвать на бой любого из ваших французов. Уверен, не найдется среди вас никого, кто выдержит мои удары и снова поднимется на ноги!

Стали выходить французские рыцари — пятнадцать человек уложил на месте могучий бретонец; никто из них не мог похвастать, что хоть раз ударил соперника крепкой дубинкой. Пристыдил бретонец рыцарей и совсем возгордился.

— Дрянной у вас народец, государь! Вижу, нет в Париже ни опытных бойцов,

ни знатных юношей, что могли бы стать мне ровней в ратном деле!

— Позвольте принять вызов этого наглеца, — сказал наконец Карлу юный Гильом. — Хочу обменяться с ним пятком ударов.

— С Богом, — ответил Карл, — но, боюсь, придется вам несладко!

— Не страшитесь, государь, — вступил в разговор Эмери, — ручаюсь, что, коль не свалит мой сын бретонца, не завещаю я ему ни гроша, спору с его нарядных штанов мех и пушу его в лохмотьях просить милостыню себе на пропитание!

Гильом только рассмеялся, услышав отцово напутствие.

— Эй, приятель! — крикнул он бретонцу. — Обернись и попробуй со мной сразиться!

Обернулся бретонец и улыбнулся во весь щербатый рот, увидев юного графа:

— Не смей меня, малыш, и оставь в покое. Я же убью тебя одним ударом!

Гильом же, как велели законы поединков, принялся оскорблять противника, дразня его и растравляя в его душе злобу и ненависть.

— Ах ты сукин сын, — кричал он бретонцу, — смотри, какую ты наел себе харю, видать, зажрался, как старый кот. Но сегодня схватишься ты не с мышами, а с настоящим противником! Ужо обкорнаю твои усы и вспорю твое толстое брюхо!

Не выдержал бретонец — подхватил дубинку и так ударил ею о щит Гильома, что весь дворец затрясся, как при землетрясении.

Испугались французы, а Гильом и глазом не моргнул. Где бы ни оказалась дубинка его противника, там уже подставлен графский щит. Все пуще свирепеет бретонец, — того гляди, уложит юношу на месте, но тот всякий раз легко отскакивает вбок от удара, а сам уже готов нанести свой. Наконец ударил он противника по ногам, огрел его по пояснице — и рухнул бретонец на колени. Не успел подняться, а Гильом уже сгреб наглеца за рубаху, притянул к себе, а другой рукой схватился за его усы и выдрал их с кожей так, что обнажилась у того челюсть.

— Вот и остался ты без усов! — кричал Гильом. — Признавай свое поражение

да поклянись мне при императоре, что ни с кем по гроб не будешь затевать потасовку, — тогда отпущу тебя с Богом!

Но бретонец от гнева уже не слышал ни слова. Снова ринулся он в бой и такой нанес удар французу, что тот уже счел себя погибшим. По счастью, лишь край дубинки слегка задел Гильома — ударил он в свой черед и с размаху угодил прямо в лоб противнику. А уж от такого удара нет защиты: пробила Гильомова дубинка голову бретонцу, только мозг брызнул во все стороны.

Тут же прибежали слуги, схватили труп хвастуна и вышвырнули в ров за стеною дворца.

Тогда поднялся император в полный рост, вознес правой рукою скипетр и сказал так громко, что было слышно далеко окрест:

— Не труса привел с собой граф Эмери, а настоящего воина. Пришла пора посвятить его в рыцари.

Повернулся король к своему постельничему и приказал:

— Неси сюда мои доспехи. Пора сделать Гильома рыцарем!

Принес постельничий латы, примерил их Гильом и говорит королю:

— Хороши доспехи, да вот беда — легки они мне. Пусть возьмет их мой брат Бернар, ему они придутся впору.

— Ну что ж, — ответил Карл, — подойдите сюда, Бернар, я посвящаю вас в рыцари!

Надел Бернар двойную кольчугу — и та облекла его стан как влитая. Повесил Карл ему на пояс меч, ударил рукой по плечу, а затем подвели к юному рыцарю коня. Не тронув стремя, вскочил он в седло и, зажав в руке копье, выехал со двора — а там, у дворцовых ворот, встал как вкопанный, опершись на могучее древко.

Следом за Бернаром стал рыцарем и Гарен: надел он бронь цвета белой лилии, надвинул на глаза шлем, что сделан в старой провинции Пуату (пуатвинцы знали толк в оружии!), а щит его ковали умельцы из города Бовэ; вручил ему Карл меч и ударил рукой по плечу. Не тронув стремя, сел Гарен

на скакуна и крикнул стоящим поодаль братьям:

— И вам не следует медлить! Надевайте скорее рыцарские доспехи, ждут нас великие дела!

— Неплохо сказано, Гарен! — рассмеялся король, а юный рыцарь уже дал шпоры коню и встал рядом со старшим своим братом Бернаром.

Пришла очередь и Эрнальта — вскоре он уже красовался в светлых, как хрусталь, доспехах, в шлеме с тридцатью завязками и с могучим щитом у груди. Препоясал Карл и его боевым мечом, ударил рукой по плечу — и тогда, не тронув стремя, вскочил Эрнальт на скакуна, стиснул копьё и крикнул:

— Гильом, не медли, брат! Прими скорей от короля доспехи и меч, ждут нас великие дела!

— Неплохо сказано, Эрнальт! — опять рассмеялся король, пока рыцарь выезжал со двора и становился рядом с братьями.

Вновь повернулся король к своему постельничему:

— Неси сюда все оставшиеся мои доспехи. Пусть выберет Гильом то, что ему по нраву!

Принес постельничий целую груду доспехов — все они хороши, все крепки и красивы, да малы Гильому. Тогда юноша подозвал к себе других сыновей родовитых князей и графов, что прибыли ко двору императора за рыцарским саном, — и сам посвятил всех в рыцари: каждого препоясал отменным мечом, каждого ударил по плечу так, что почувствовали юные рыцари его невиданную силу; дал он каждому сто серебряных монет и поставил молодцов рядом со своими братьями.

— Вот это воитель! — восхитились французы. — Сразу видно, что свершит он великие дела!

— Что же мне делать? — задумался король. — Ведь вы, Гильом, до сих пор не облечены в рыцарские доспехи. Где же мне взять такие, что пришлось бы вам впору?

— Припрятан у меня доспех, — сказал настоятель монастыря Сен-Дени, — что даже

вы, государь, не надевали. В лучшем своем бою добыл его когда-то император Александр Македонский. Нет такого второго под луной, и сдается мне, что будет он впору нашему Гильому.

И вот доставили чудесный доспех из монастыря во дворец короля. Положили его на драгоценный шелк — кольчуга так и засверкала огнем. Взглянул Гильом на такую броню и сказал сам себе:

— Если бы Карл пожаловал мне столь знатный доспех, я бы не отказался от подарка!

— Уж и не знаю, как с вами быть, Гильом, — сказал император. — Попробуйте примерить вот эту кольчугу — сработана она на славу и, может, придется вам впору?

— Грех отвергать щедроты государя, — почтительно ответил Гильом, примерил кольчугу, и пришлась она как раз по его фигуре. Тогда Карл собственноручно надел ему шлем, затянул завязки, накинул на плечи юноше плащ на горностаевом меху, а к ногам пристегнул золотые шпоры.

— Какой же меч вам выбрать, чтобы он был достоин вашей силы и отваги? — задумался король.

Тогда подошел к нему граф Эмери Нарбоннский и сказал государю:

— Помнится, когда вы вручали мне рог и меч Роланда, то сказали, что суждено мне и моим сыновьям хранить честь и славу милой Франции. Позвольте, сеньор, передать Дюрандаль и Олифан Гильому: нет сегодня другого рыцаря, достойного такой чести!

И вот Карл Великий препоясал Гильома Дюрандалем и, приняв Олифан из рук графа Эмери, вручил его юному рыцарю. Тут подвели к Гильому любимого его скакуна Пятнистого, и, когда вскочил юноша в седло, все увидели, что нет ему ровни во всем Карловом войске.

— Когда родился мой племянник Роланд, — сказал император, — мы нарекли его Несравненным, и Роланд доказал, что никто не мог с ним сравниться в мужестве и благородстве. Вас же, Гильом, мы нарекаем

Железной Рукой в надежде, что ни один враг не сможет с вами совладать, а вы с помощью святого Дюрандаля не будете знать ни преград, ни поражений!

Пока ликовали французы и приветствовали Гильома, галопом подскакал к толпе запыленный гонец.

— Где вы, граф Эмери? — закричал он во весь голос. — Где вы, Гильом? Нерадостную весть привез я вам из Нарбонны. Окружили ее сарацины, и если не придете вы нам на выручку, то не увидите больше ни пресветлой Эрменгарды, ни младших графов.

— Сын мой, — позвал Эмери Гильома, — постигло нас несчастье: окружена Нарбонна врагами, должны мы помочь вашей матери, или вовек не увидать нам ее живою!

— Хвала Творцу! — вскричал Гильом. — Вот нам и испытание.

— Отпустите нас, государь, в Нарбонну, — обратился граф Эмери к Карлу, — дайте нам двадцать тысяч войска, и мы разгромим нехристей!

Сошлись на зов императора знатные рыцари и сыновья родовитых вассалов, и сказал им Гильом:

— Сеньоры! Если будет к нам милостив Вседержитель, если освободим мы Нарбонну, каждого из вас осыплю я несчетным богатством, но дороже казны — служба королю и подмога друг другу!

Вскоре седобородый граф Эмери и Гильом Железная Рука выехали во главе двадцатитысячной рати из королевского дворца. И, провожая их в путь, сказал император Гильому:

— Долго уже я живу на белом свете, пора подумать и о покое. Жаль, что молодой сын Людовик, минет ему на Пасху только тринадцать лет. Хочу завещать я ему корону, да не знаю, будет ли он угоден моим вельможам и знати. Одна надежда на вас, Гильом: станьте ему опорой, защитите его от недругов!

— Не тревожьтесь понапрасну, государь, — отвечал Гильом. — Дайте только разделаться с басурманами, и вернусь я в Париж.

И коль найдется тот, что дерзнет хоть словом поперечить вам или Людовику, спознается недруг со мной и Дюрандалем!

Обнял Карл Великий Гильома и сердечно с ним распрощался.

Как ни долог был путь, но быстры кони и нетерпеливы французские рыцари. Вот уже всего три лье осталось до моря, до стен родной Нарбонны. Сжалось у Гильома сердце, когда он увидел отчий край, разоренный войной, руины вместо замков, золу вместо церквей.

— Нет, — сказал он отцу, — не будет пощады сарацинам, за все расплатится сполна проклятый Тибо Арабский!

Вскоре показались башни города, окруженного многочисленным мавританским войском. Не стал Гильом раздумывать и сразу двинул в бой французов. Растерялись недруги при таком внезапном нападении — а французам того и надо: на полном скаку ворвались они в стан неприятеля, и завязалась битва — под стать многим великим сражениям того сурового времени.

“Как бесстрашны мои воины! – с гордостью подумал Гильом. – Такой день мне милей всех испанских богатств и сокровищ! Встретиться бы только с Тибо – узнал бы он силу Дюрандаля, забыл бы и Оранж, и прекрасную Орабль!”

А Тибо Арабский уже гарцует в самой гуще сечи: надежна его броня, крепок шлем, резв персидский жеребец, а из-под ремешков, что позади седла, торчат ножи, дротики, стрелы – непросто сладить с таким воином! Увидел Гильом столь знатного бойца, бросился ему навстречу и закричал насмешливо:

– Эй, неверный, как тебя зовут? Хочу узнать я имя того, чья голова покатится сейчас по траве!

– До вечера узнаешь, – ответил тот, – если, конечно, успеешь: ведь твоя голова, юнец, покатится впереди моей!

– Вот как? – рассмеялся Гильом. – К чему тебе столько ножей, и стрел, и дров? Или ты приберег для меня такие трофеи?

– Спятил ты, юнец! – воскликнул Тибо. – Тебе ли угрожать нам разгромом? Уймись, покуда я не вынул свой меч!

– Вот это речь бойца! – обрадовался Гильом. – И не думай делать мне скидку на возраст!

– Запомни, мальчишка, что зовут меня Тибо Арабским, я сарацинский король, и не тебе со мной тягаться!

– И ты запомни, король, – ответил француз, – зовут меня Гильомом, и отец мне – Эмери Нарбоннский. Зря ты пришел под Нарбонну. Лучше забудь Оранж, не мечтай увидеться с принцессой Орабль, и, коль свела нас судьба, я бросаю тебе вызов!

– А я тебе! – вскричал Тибо. – Наконец-то я сведу с тобой счеты, никогда не увидишь ты Оранж и красавицу Орабль!

Пришпорили они коней, ударили копьями друг друга в щиты, раскололи их наверхья, но, не причинив противнику вреда, проскакали дальше. Свиреп и могуч Тибо – под стать ему и юный Гильом. Со второго удара пробил он вражий щит, рассек на Тибо

кольчугу и воткнул копье в грудь сарацинского короля. Думал Гильом, что свалит противника наземь, — но не тут-то было! Даже не качнулся в седле король, только почувствовал, что ранен, и уронил на землю свой штандарт.

Никогда еще не получал король такой раны — испугался он собственной крови и пустился наутек. Устремились за ним сарацины, бросились на берег, где ждали их суда, — и кто успел, отчалил в море. С позором отвалил от берега вражий флот, увозя за горизонт нечестивцев и их раненого короля.

Вот был праздник в Нарбонне! Три дня и три ночи пировали горожане, и старый граф Эмери не мог наглядеться на своих храбрых сыновей и красавицу Эрменгарду.

Но прошло время, и стал снаряжать Эмери Нарбоннский сыновей в дальнюю дорогу. Бернара отправил в далекий северный Брабант, Гарена — в Баварию, рыжего Эрнальта — в Кастилию. Женились братья на тамошних принцессах и стали служить

императору Карлу верой и правдой. А Гильом, прихватив с собой двух младших братьев, Аймера и Бева, вернулся в Париж. И думать не думал храбрец, какие испытания готовит ему коварная судьба.

Опять остался за спиной
И отчий край, и дом родной.
Но мы рассказ продолжим свой,
Аой!

ИСТОРИЯ ДЕСЯТАЯ

Заветы Карла. — Рим. —
Паломник или воин? — У
короля Галфря. — Эмир
Корсольт. — “Плохи наши
дела...” — Перед поедин-
ком. — Адион. — Льгота. —
“Смелее, граф!” — Гивель
Пятнистого. — Последний
удар. — Гильом Короткий
Нос. — Уловка Галфря. —
Дочь короля Гефье. —
Смертный конец и случа-
ный венец.

одошел срок — и почувствовал император Карл, что стал стареть и слабеть и не может управлять своей огромной страной как прежде. Ведь тот, кто владеет короной Франции, должен быть могуч душой и телом, чтобы воздавать по заслугам каждому — и другу, и врагу.

В один прекрасный день созвал он в дворцовую капеллу свою знать — баронов, верных рыцарей, вассальных королей, собрались епископы и аббаты, и при всех сказал Карл Великий, что не в силах он дольше занимать престол и хочет передать корону своему сыну Людовику.

— Корона — ваша, — молвил он своему отпрыску, — однако при одном условии: если вы не будете совершать подлой измены, если

будете любить нашу милую Францию и чтить ее героев. Если так вы станете править — владейте престолом. А коли нет — даже и не трогайте корону.

Смутился юный Людовик, потупился, а король продолжал:

— Если вы не будете отнимать у сирот последний клочок земли или вымогать последний денарий у вдов, если бедняки будут видеть в вас оплот, а гордецы будут вас бояться, если так вы станете править — берите корону. А коли нет — даже и не трогайте ее.

Испугался Людовик, не двигается с места: всего-то ему от роду пятнадцать лет, не слишком ли тяжела окажется ему желанная корона? А король продолжал:

— Если не будете вы миловать обидчика, если не будете отступать перед врагом, если сможете собрать войско вдвое больше моего, укрепить мои владения и завоевать новые, если так вы станете править — примите корону. А коли нет — забудьте о ней отныне.

— Отец, — наконец сказал Людовик, — справедливы ваши слова, но прошу вас об одном: пока не научусь я владеть мечом, как настоящий рыцарь, разрешите отдать земли и престол под охрану первого из ваших бойцов.

— Что ж, — задумался король, — не годятся вам в советники ни сын стражника, ни сын судьи. Не будет вам лучшей опоры, чем сын моего старого барона, прославленного Эмери Нарбоннского. Вот на кого можно положиться: Гильом — лучший мой рыцарь, его старший брат Бернар — отважный боец, а сын Бернара — Бертран станет вам другом и наперсником.

Сказал Гильом королю:

— Спасибо, государь, за добрые слова о брате и о племяннике. Я же всей душой согласен исполнить ваше желание. Клянусь, что скорее пойду с сумой по миру, чем нерадиво отнесусь к своему долгу! Однако сначала прошу вас отпустить меня на малый срок в отъезд. Давным-давно дал я обет побывать в Риме и получить благословение

римского папы. Из-за войн с сарацинами не мог я раньше сдержать обещания, грешно долее медлить.

Хоть и не хотелось Карлу отпускать Гильома от себя и от Людовика, он согласился, что просьба рыцаря разумна. Велел он, чтобы граф взял с собой шестьдесят человек и навьючил тридцать лошадей казной. На том и порешили. И когда пустился Гильом в путь, еще долго ехал с ним рядом Людовик и все просил Гильома остаться.

— Отец мой стар, — говорил он, еле сдерживая слезы, — не может он уже сжимать в руке свой знаменитый Жуайёз, а я еще не вышел из детских лет. Случись что — окажусь я без вашей помощи и погибнет наш край!

— Не печальтесь, — отвечал ему граф. — Я не задержусь в Риме. Если же, не дай Господь, покусится кто-нибудь на вас и вашу корону, шлите грамоту прямо к римскому папе, и тотчас поспешу я вам помочь, чем только буду в силах!

Обнялся с ним Гильом и был таков. Не скоро удалось вернуться графу домой, много испытаний претерпел он, пока был в дальних краях. Когда же он вернулся, Карл уже умер, а Людовик чуть не потерял престол, и, промедли Гильом в пути хотя бы еще день, — простился бы молодой король не только с короной, но и с головой.

Но пока что, взяв с собой в дорогу юного и отважного племянника Бертрана, отправился знатный воин в Рим. Висит у него на перевязи славный рог Олифан, упрятан под плащ непобедимый Дюрандаль, а верные оруженосцы сгибаются под тяжестью боевых доспехов и оружия рыцарей: помимо собственных мечей и шлемов, тащат они латы с поддевками, копья и щиты своих господ.

Перебрались путники через знаменитый альпийский перевал Сен-Бернар и, не передохнув, доскакали до самого Рима. В первый раз за долгую дорогу Гильом по-настоящему отужинал и выспался, а поутру

был уже в престольном храме: сам римский папа служил в этот день мессу. Опустился Гильом на колени и стал молиться, чтобы не оскудела в нем сила, чтобы не знал он в бою поражений и чтобы его подопечный Людовик не стал жертвой предательства.

Внезапно почувствовал граф, что кто-то касается посохом его плеча. Вскочил он с пола, поднялся в полный рост и увидел перед собой папу римского.

— Благородный рыцарь, — обратился к нему папа, — не вы ли знаменитый граф Гильом из Нарбонны, прозванный за свою отвагу и силу Железной Рукой?

Преклонил Гильом голову перед святителем, а тот продолжал:

— Только что прибыли к нам два гонца с горестным для всех христиан известием: громят неверные наш край, взяли они крепость Капую, а с ней — тридцать тысяч пленных. Взяли в полон короля Гефье Сполетского, жену его и дочь. Несметны войска басурман, непобедим их вождь — король

Галафр. Если мы не поможем, ждет казнь и самого Гефье, и всех его вассалов.

При этом известии содрогнулись сердца у многих смельчаков, даже сам граф Гильом заколебался.

— Видит Бог, — сказал он, — прибыл я в Рим не воином, а простым паломником. Не взял я с собой войска, всего шестьдесят бойцов в моей свите. Не с кем мне воевать с язычниками.

— Дядя, что это вы говорите? — удивился Бертран. — Ведь никто доселе не был вам страшен. Возьмемся за оружие и дадим урок нехристям!

— Не за себя прошу, — сказал папа, — а за всех римлян. Если вы за них не вступитесь, ждет нас разор и смерть.

— Сколько же у вас во владеньях бойцов, святейший отец? — спросил Гильом.

— Есть у меня три тысячи рыцарей, каждый при копье и мече.

— Не худо для начала, — заметил граф. — Готовьте их к битве, а те, что пеши, будут охранять стены и ворота.

— Так и сделаем! — обрадовался римский папа.

Велел Гильом принести оружие прямо в церковь и вскоре предстал во всем великолепии: надел позолоченную кольчугу и зеленый шлем, за спину закинул червлёный щит на особой перевязи, чтобы во время боя легко было его перебросить на грудь, а Дюрандаль всех привел в восхищение своей красотой и мощью. Подвели барону его неувыдаемого скакуна Пятнистого — и вскочил граф в седло, не тронув стремени.

Затем примкнули к Гильому и другие рыцари. И сказал им первосвященник:

— Не будем спешить. Лучше я сам отправлюсь для начала к королю Галафру. Пообещаю я ему любой выкуп, не пожалею казны, — лишь бы увел он свои галеры и очистил наш берег от басурман. Легче отдать мне все до последнего гроша, чем принести в жертву своих бойцов!

И вот, прихватив с собой всего одного аббата, отправился римский папа прямо

в лагерь Галафра. Свирепым взглядом встретил язычник посланца, а тот сказал смиренно:

— Я послан к вам как мирный вестник. Именем нашего Господа прошу вас, государь: уведите галеры, очистите от войск здешний берег, а уж я не пожалею на вас казны, и вы с лихвой вознаградите каждого вашего воина.

— Не нужна мне твоя казна, — спесиво ответил Галафр, — я и так ее возьму, все равно принадлежит она мне по наследству. Приплыл я сюда, чтобы вернуть себе Рим, а он завещан мне моими предками, меж коих были и Рем, и Ромул. Не сдадитесь — уничтожу я в Риме всех христиан, а тебя первого велю казнить. Но уж коль прибыл ты ко мне как посол, то вот что я тебе скажу. Не хочу, чтоб говорили обо мне, будто я затеял предать разгрому свой наследный город. Поэтому давай изберем по бойцу — из самых смелых и знатных, — и пусть они решат это дело поединком. Коль моего бойца одолеет твой, то вашим

останется Рим. А чтобы ты поверил моему слову, пришлю я тебе двух моих сыновей: если я солгал – повесишь обоих. Да только не найдешь ты среди своих рыцарей такого бойца, какой есть у меня, поэтому я-то тебя и повешу!

– Согласен, – вновь смиренно ответил первосвященник, а сам возликовал в душе, ибо помнил, кто во всем вооружении ждет его вестей в престольном храме. – Но коль скоро устроим мы поединок, то покажите мне вашего бойца, чтобы знать, с кем будет биться наш защитник.

– Это мы уладим! – воскликнул Галафр, которому уже не терпелось предъявить своего силача.

И тогда явился эмир Корсольт, – до того он был с виду свиреп и безобразен, что у папы римского мурашки по спине забегали. Не человеком был Корсольт, а настоящим великаном: нечесаная грива до пояса, глаза красные, как угли, каждый кулак величиной чуть ли не с круглый щит, меж брюхом и плечами – добрая сажень, а голос до того

визгливый, что первосвященник и его аббат заткнули уши от страха.

— Зачем вы сюда явились, коротышки? — рявкнул он. — Или хотите быть живьем зажаренными?

— Бог мой, — завопил аббат, — этот турок просто одержимый. Идемте скорее назад, святейший отец, — страшусь, не жить на белом свете графу Гильому!

Собрались они в обратный путь. Король Галафр отправил с ними двух своих сыновей — и только посмеялся, когда они вчетвером отбыли из лагеря.

— Передайте вашему поединщику все, что видели, — крикнул он. — Не стоит ему появляться на поле, а то умрет со страху!

Гильом первым вышел навстречу святителю — схватился рукой за папское стремя и спрашивает:

— Виделись ли вы с королем Галафром и на чем сошлись?

— Не стану таиться, граф, — печально ответил папа римский, — плохи наши дела.

Решил Галафр взять Рим и повесить всех христиан. А для того чтобы не предавать разгрому город, замыслил он устроить поединок двух самых смелых и знатных воинов. Рассмотрел я его бойца — не человек он, а чудовище. Будь живы доньне Роланд и Оливье, будь жив архиепископ Турпен и все двенадцать пэров-смельчаков, будь с ними ваш достойный родитель, неустрашимый граф Эмери, — никто бы из них не посмел схватиться с этим исполином!

— Вот оно что! — воскликнул Гильом. — И все же я выйду на поединок с нехристом. Даже если было бы в нем двадцать саженой росту, даже если бы изрыгал он пламя, — до тех пор пока со мной Роландов Дюрандаль и Божья милость, не покажу я врагу тыла, не утону в воде и не сгину в огне!

— Славный рыцарь! — умилился первосвященник. — Не слышал я сроду отважнее и благороднее слов. Благословляю вас на бой, и помните, что в ваших руках наш святой Рим.

Вскочил рыцарь на своего Пятнистого, вскинул на шею щит, взял в одну руку тяжелое копьё и взлетел на высокий холм, откуда был виден всем — и своим, и врагам. Даже сарацины им залюбовались.

— Вот знатный воитель! — сказали они друг другу. — До чего он смел и силен! Когда бы нынче сражался он с ровней, трудно пришлось бы его противнику. Но в бою с эмиром ему не сдюжить — четырнадцать таких рыцарей осилит Корсольт и не поморщится!

Увидел Гильома и Галафр. Вышел он из королевского шатра и говорит своей свите:

— На славу у этого рыцаря и щит, и копьё. Ростом он не мал, и конь его быстرونог. Но, к нашему счастью, не совладать ему с Корсольтом. Рим — за нами!

Позвал король эмира и сжал его в объятьях.

— В добрый час, Корсольт! — воскликнул король. — Видите вон там, на холме, француз? Он задумал взять верх над вами.

— Вон тот человечек? — захохотал Корсольт. — Что ж, коли захотел он сегодня помереть, не стоит испытывать его терпение. Где мои латы?

Пятнадцать язычников с трудом приволокли боевые доспехи эмира и облекли его стальной кольчугой. Надел Корсольт поверх кольчуги двойную бронь, привесил к бедру меч, который мог резать сталь, как воск. Подвесил к поясу лук с колчаном, взял золоченый дрот. Подвели эмиру знаменитого его коня Алиона — засунул рыцарь под седельные ремни еще четыре дрота и булаву, вскочил на коня, повесил на шею щит с золотым навершьем, а копье оставил — и так он вооружен до зубов!

Алион, едва почувствовал на себе седока, сам взял в галоп и помчался к холму. Корсольт только успел на ходу крикнуть Галафру, чтобы тот ничего не опасался.

— Зовите ваших управителей, король! — добавил он издали. — Пусть спешат к вам в шатер и накрывают к обеду пышный стол. Скоро мы отпразднуем нашу победу!

— Магомет с вами! — закричали неверные вслед своему богатырю.

Увидел Гильом Корсольта и даже немного оробел — не встречал он еще такого лютого и столь вооруженного противника. И хотя ни разу еще не подвел Пятнистый своего хозяина, но Гильом опытным глазом сразу признал в Алионе более мощного и быстрого скакуна.

— Хорош конь! — сказал себе Гильом. — Грешно такого убивать. Не приведи Бог даже клинком его задеть!

Так воскликнул Гильом, и если бы слышали сарацины его слова, то признали бы, что это речь не труса.

Добрался граф до самой вершины холма, сошел на землю и стал горячо и долго молиться, прося у Всевышнего помощи и защиты. А когда перекрестился и поднялся с колен, подлетел к нему язычник.

— Не смей таиться, француз! — закричал тот со злобой. — С кем это ты так долго разговаривал?

— Молился я Царю Небес, — ответил Гильом, — чтобы он помог моему мечу рас-сечь тебя на куски.

— Ты просто не в своем уме! — засмеялся Корсольт. — Что может ваш Бог? Он сидит где-то в небе, за облаками, а здесь, на земле, всем владеет Магомет. Принимай, пока не поздно, нашу веру, и дам я тебе столько денег, чтобы весь твой род никогда ни в чем не нуждался!

— Мой род, — гордо ответил Гильом, — если в чем и нуждался, то в добром скакуне и остром мече, чтобы справляться с та-кими наглецами, как ты!

— Вот как, карлик! — еще пуще засме-ялся эмир. — Тогда мы проверим, что у тебя нынче за скакун и что за меч. Раз ты такой гордец, то даю я тебе льготу: бери свое копье, наставь его как надо и бей первым в мой щит. Охота мне по-смотреть, что у тебя за удар, а заодно я решу, как мне с тобой справиться — одним махом или поиграть с тобой, как с мышью!

— Глупо было бы медлить! — сказал себе Гильом, отъехал подальше, нагнул копьё и помчался по крутому склону холма на противника. Ударил он копьём в щит Корсольта, но эмир даже с места не сдвинулся.

— Вижу, будет великая схватка, — сказал первосвященник, зорко следя за бойцами. — Пусть все молятся Творцу, чтобы остался жив Гильом Железная Рука и вернулся в Рим победителем!

Между тем бесстрашный граф начал поединок — понял он, как могуч и силен эмир, и решил положиться в бою на свою ловкость и Божью волю. Бросил он поводья, пустил вскачь Пятнистого и, склонив копьё с атласным значком, ударил в щит соперника — но не в самое навершье, как прошлый раз, а чуть сбоку, в одно из четырех полей эмирова щита. Тут-то щит и лопнул — вонзилось копьё в броню, прошло ее насквозь, следом прорвало кольчужную рубаху и вонзилось басурманину в тело, да с такой силой, что наконечник вышел у Корсольта

со спины: на него, как на гвоздь, можно было бы повесить плащ, если бы оказалась в том нужда. Однако Гильом на этом не успокоился и вторым движением вырвал копьё, что было делом куда как трудным, но граф не сплеховал и, пришпорив Пятнистого, промчался мимо раненого. А тот и глазом не моргнул, только сказал сам себе:

— Да, над этим человечком грех насмехаться. Я-то думал, что он не опасен, даже дал ему льготу, а ведь меня еще никто никогда не ранил так, как этот христианин!

Бросил эмир на землю остатки щита и услышал, как весь Рим закричал Гильому:

— Смелее, граф! С нами Господь!

Услышал и француз, как подбадривают его воины и горожане, и ударил язычника копьём со спины — и вновь копьё прошло насквозь и броню, и кольчужную рубаху, проникло в тело басурманина и вышло посреди груди. Такой удар уложил бы любого на месте, а эмир опять даже глазом не

моргнул. И вдруг молниеносным движением поднял дрот, что висел у луки седла, и метнул его в графа. Обрушился на Гильома громовый удар, пришелся прямо между ключиц — любой на месте рыцаря упал бы замертво, а тот разве что приуныл немного, увидев, как непрост его противник и сколько урону им еще придется претерпеть.

А Корсольт выхватил тем временем новый дрот, метнул его — и полетел дрот быстрее орла. Гильом в испуге успел отклониться в сторону, однако дрот проломил его щит, распорол со свистом броню, но, на счастье, не поранил графа и врезался сзади него в песок, уйдя на целых два локтя в землю.

Совсем приуныл Гильом, а сарацин ему закричал:

— Я-то думал, ты лихой боец, а выходит, что попался мне трус. Что ж ты боишься пустить в дело свой меч? Может, от моего клинка примешь подарок?

Обнажил язычник меч, пришпорил Алиона и нанес недругу сокрушительный удар.

Прошло острие меча сквозь забрало, рассекло под шлемом кольчужный наглавник, срезало у Гильома прядь волос и отрубиле напрочь кончик его носа. Потом упал меч на холку Пятнистого и разрубил знаменитого Гильома коня надвое. Рухнул Пятнистый наземь, отбросив седока далеко в сторону, в последний раз спасая хозяина от неминуемой гибели. Корсольт не удержал меч в руках, а Гильом уже вскочил на ноги — кровь заливала ему лицо, и смешались с ней рыцарские слезы: не боль от раны почувствовал Гильом, а боль и тоску от утраты своего верного друга. Разъярился граф, выхватил Дюрандаль и нацелился нанести эмиру удар в голову. Но так велик был нехристь, что меч лишь на плече прорезал противнику бронь. Расползлась от удара кольчуга, до трехсот колец свалилось в песок, но защитил доспех Корсольта.

— Совсем ты робок, — крикнул он сопернику, — бьешь слабее, чем жалит овод!

Застонали римляне, обратили к Господу новые молитвы, а язычник пришпорил

Алиона и ушел на арбалетный выстрел от графа. Выронил он меч, которым разрубил Пятнистого, — но схватился за булаву и на полном скаку ударил ею по Гильому. В испуге закрылся граф Гильом щитом, но прочный щит лопнул под ударом, и булава, словно коршун, падающий из тучи, скользнула по графскому шлему и совсем погнула забрало. Быть бы графу уже мертвым, но промахнулся Корсольт. От удара закружилась у Гильома голова, застелил глаза туман, но заметил француз, что и турок потерял немало крови и притомил своего скакуна. Самое время пришло спешить нехристя, но решил Гильом пощадить Алиона и отнять его у врага взамен своего Пятнистого.

А эмир снова стал насмехаться над противником:

— Ну что, трус, осталось у тебя теперь полноса, кому ты такой нужен? Отречется от тебя родня, и пойдешь ты в нахлебники к своему Людовику! Если, конечно, жив останешься — да не бывать этому! К тому же я успел проголодаться, а у Галафра

давно накрыт стол, ждет король меня к ужину, дивится, наверное, что я так медлю!

Припал сарацин к передней луке, старается достать с седла графа Гильома, — но тот в последний миг отскочил в сторону и обрушил на басурманина ответный удар. Как раз по золотому шлему пришелся Дюрандаль — пробил сталь, прорезал кольчужный наглавник, изорвал плотный войлочный подшлемник и на целую пядь раскрыл эмиру темя. Поник Корсолът на шею коню, хочет булаву поднять — да не держит ее рука.

— Не отречется от меня родня! — крикнул Гильом. — Не пойду я на хлеба к моему сеньору! А вот за кончик моего носа расплатишься ты всей своей головой!

Отбросил граф в сторону остатки щита, схватил Дюрандаль обеими руками и рубанул нехристя по шее: лопнули завязки его шлема и скатилась голова с вражьих плеч на кровавую траву. А следом упал на землю и труп поверженного исполина.

Не стал рыцарь терять времени даром — укоротил кое-как длинные стремена на Алионе и, с трудом вскочив в седло, поехал не спеша в сторону своих. Весь народ повалил встречать героя — в первых рядах первосвященник и племянник Гильома Бертран.

— Вы живы, дядя? — вскричал юноша, увидев, что лицо Гильома заливают кровь.

— Жив по Божьей милости! — ответил граф. — А за такого скакуна не жаль отдать и кончик своего носа! И хоть стал мой нос малость короче, зато отныне буду я длинней именоваться.

Тогда-то и дал Гильом сам себе то прозвище, которым с тех пор звала его вся Франция.

— Пускай те, кто хочет мне добра, знают, — сказал он, — что зовут меня отныне не только Гильом Железная Рука, но и Гильом Короткий Нос!

И тот, кто слышал песни и легенды о Железной Руке или сказания о Коротком

Носе, знал, что речь идет об одном человеке — графе Гильоме из Нарбонны!

— Что ж, дядя, — сказал Бертран, — теперь вы отдыхайте, а мы довершим ваше дело и разгромим сарацин.

— Э, нет, — возразил Гильом, — никто не посмеет без меня начать боя, никто про меня не скажет, что меч мой заржавел!

Возликовали римляне и поняли, что беда на их стороне. А Галафр тем временем приказал снимать палатки и уходить во свояси.

— Урон невосполним, — сказал он сокрушенно, — Корсольт убит, пощадим же остальных.

Четырнадцать сарацинских горнистов затрубили сбор, весь языческий лагерь пришел в движение, и Гильом, услышав шум во вражеском стане, двинул свой отряд вслед неверным. Короток был бой: храбро рубился юный Бертран — под стать своему дяде. А Гильому в тот день и вправду улыбнулась судьба: мало того что победил он могучего эмира, так еще пленил самого Галафра.

Когда во время боя вышиб он короля из седла и уже хотел снести мечом ему голову, Галафр взмолился.

— Не бей! — вскричал он Гильому. — Лучше возьми меня в плен. Тогда обменяешь меня и двух моих сынов, что сидят у тебя в заложниках, на короля Гефье, его жену и дочку и на тридцать тысяч пленных христиан. А если я умру, им тоже смерть!

— Верно, — согласился граф и отвел пленного короля к самому папе.

— Как же ты собираешься вернуть пленников? — спросил его святитель.

— Оденьте меня в лохмотья, — сказал Галафр, — да найдите какую-нибудь дрянную клячу. Отрядите со мной ваш отряд и, когда я спущусь к морю, попрячьтесь среди оливковых деревьев. Кликну я своих, подведут они суда с пленными к земле, тут вы всех и возьмете.

Так и сделали. Измазал себя король песьей кровью, чтобы сарацины решили, что он изранен в битве, вышел на берег и стал звать к родне.

— Не дайте мне лечь до срока в землю! — кричал он. — Сведите с галер пленников, не то окончу я в плену свои дни!..

Обрадовались язычники, что жив их король, пристали к берегу и стали ссаживать пленных. Какое же печальное зрелище предстало глазам Гильома! Все они были в крови от ударов плетью, все в лохмотьях и рубище и еле держались на ногах от боли и голода. Попросил Гильом римлян оказать им посильную помощь: кто принес плащ, кто шубу, кто теплую одежду, кто серебро и золото. И когда все пленники оказались на свободе, а король Галафр с сыновьями был отправлен на сарацинское судно, когда наконец вернулся Гильом в Рим и решил отдохнуть, пришел к нему король Гефье и сказал с великим почтением:

— Дорогой граф, вырвали вы из рук врага и меня, и мою семью, и верных моих вассалов. За это буду я вам признателен до конца жизни. Не знаю, чем мне вас отблагодарить. Послал мне Господь дочь-красавицу. Взгляните на нее, сударь, и, если

она вам по сердцу, возьмите ее в жены. Вы знатны и молоды, я же дам за нею полкоролевства и сделаю вас моим наследником.

Взглянул Гильом на дочку короля Гефье — и забыл все на свете: до того она была юна, мила и прелестна! Забыл Гильом красавицу Орабль, забыл свои клятвы и обещания и решил немедленно обвенчаться с королевой.

Вскоре в престольном храме все было готово для свадьбы. Сам папа в пышном своем облачении вышел к торжественному обряду. Вот уже дошло дело до обручальных колец, вот уже готов граф Гильом назвать невесту женою, когда появляются в храме запыленные гонцы.

— Пойдите, сударь! — вскричали они, прерывая венчание. — Прибыли мы из нашей милой Франции с дурными вестями. Скончался преславный наш властитель Карл, оставил Людовику трон и скипетр, но объявились изменники и решили его прогнать. Ришар Руанский добился хитростью

королевского сана для сына своего Энселена. Горе в стране и печаль. Помогите нам, благородный рыцарь!

Смутился граф Гильом и спросил у папы римского:

— Как же мне поступить, сеньор? Какой дадите совет?

— Покойный император просил вас быть Людовику защитой и опорой. Прошу и я вас о том же. Не дай Господь, если лишится юный король венца и наступят во Франции черные дни.

— Подчиняюсь вашей воле, святейший отец! — воскликнул Гильом. Обнялся он со своей ясноликой невестой, простились они навек и никогда больше не виделись — до самой могилы.

Дал святитель Гильому тысячу бойцов, навьючил граф тридцать лошадей оружием и деньгами и отправился назад, в милую свою Францию. Говорят, много было пролито слез при этом расставании. Но что же о том тужить, чего нельзя воротить? Избежал граф и смертного конца,

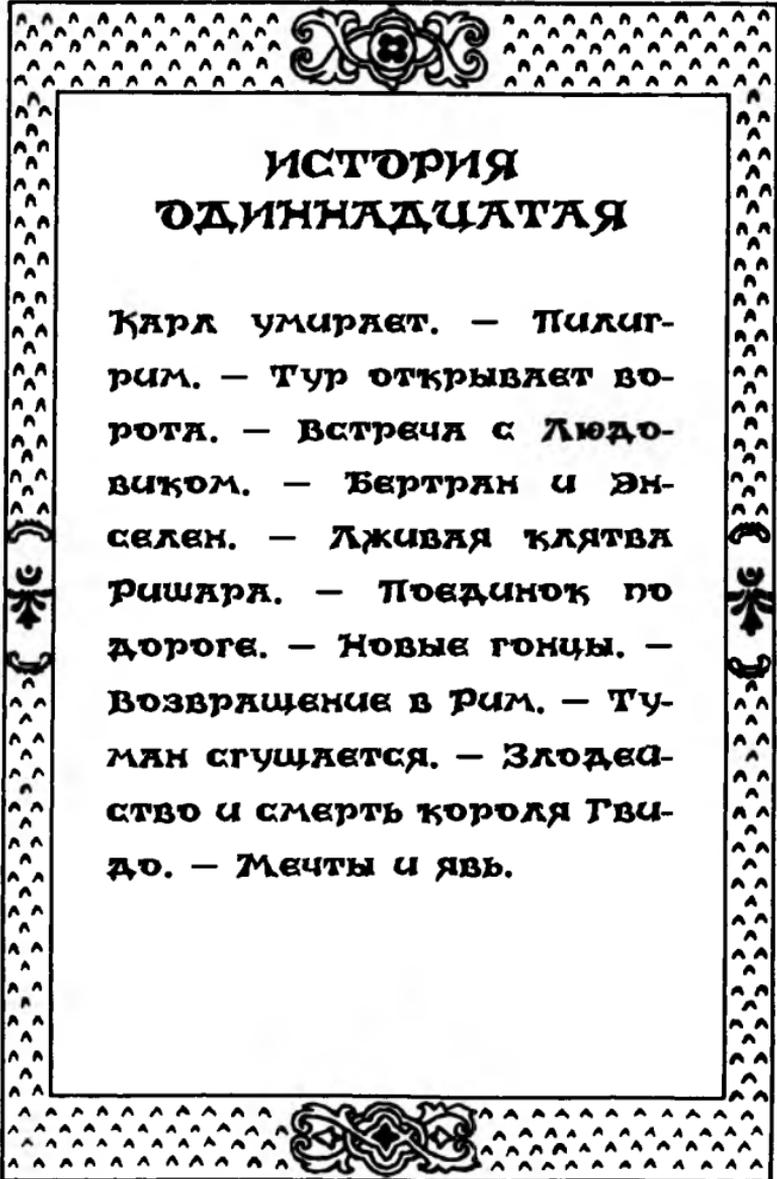

и случайного венца. И вновь повела его дорога через Сен-Бернарский перевал в отчужденную сторону.

Кто стал Железною Рукой,
Тот тверд и сердцем, и душой.
Что ж, мы рассказ продолжим свой,
Аой!

ИСТОРИЯ ОДИННАДЦАТАЯ

Карл умирает. — Палигрим. — Тур открывает ворота. — Встреча с Людовиком. — Бертран и Энселен. — Живая клятва Ришара. — Поединок по дороге. — Новые гонцы. — Возвращение в Рим. — Туман сгущается. — Злодеяние и смерть короля Гвидо. — Мечты и явь.

акануне той зимы, когда Карл Великий заболел и умер, случились удивительные и страшные предзнаменования.

Осенью поехал он поохотиться в окрестностях своего старого дворца в прежней столице Ахене. Снова, как в былые годы, гнал он зверя в густых Ахенских лесах, и не было рядом никого равного королю в азарте и охотничьей сноровке. Однако неожиданно стали происходить непонятные и тревожные явления.

Как-то раз, во время ночной охоты, затмилась луна, земля погрузилась в непроглядный мрак, и добыча ушла от Карла. На солнце то и дело появлялись черные пятна, а однажды король увидел упавшее с неба пламя — с небывалым блеском пролетело

оно по безоблачным пространствам с правой стороны на левую. В тот же день любимая лошадь Карла сбросила его на землю, а знаменитый мост через Рейн, по которому император часто проезжал, возвращаясь с охоты, на этот раз, едва король со свитой его миновали, вспыхнул и сгорел дотла. Гордость императора — красивейший портик, построенный между собором и королевским жилищем, вдруг рухнул. Дворец стал то и дело содрогаться, и однажды молния ударила в собор и разбила золотое яблоко, что красовалось на вершине купола.

После этой осенней охоты император слег в лихорадке и вскоре скончался. И тогда колокола в Ахене и в Париже зазвонили сами собой.

Едва умер Карл, начались раздоры между его баронами: каждый захотел быть в своем городе и на своей земле королем, каждый пошел войной на соседа, стараясь отхватить побольше земли и забрать побольше богатств. Затрещала империя Карла, как

рыцарский щит, в который угодило меткое копьё. Уезжал граф Гильом из мирной страны, а вернулся на землю, опаленную пламенем заговоров и огнем пожарищ.

И вот, когда он скакал без остановки по своей милой Франции, повстречался ему по дороге старый пилигрим.

— Откуда ты идешь, брат? — спросил его Гильом, останавливая своего быстрого Алиона.

— Из города Тура, из монастыря святого Мартина, — ответил странник.

— Не слышал ли каких новостей? — спросил, подъезжая к ним, Бертран.

— Печальны мои новости, — вздохнул старик. — Скончался император Карл и завещал престол сыну своему Людовику. Но граф Ришар из Руана подбил на мятеж изменников, и те избрали королем его сына Энселена. Хорошо еще, что аббат из турецкого монастыря успел увезти к себе малолетнего Людовика, не то был бы юный король убит предателями... А вам, добрые господа, не встречался ли граф Гильом из Нарбонны,

которому завещал император быть Людовику опорой и защитой? Он и его племянник Бертран уехали паломниками в Рим, а быть бы им здесь — отстояли бы они нашего сеньора!

— Спасибо за вести, брат! — воскликнул Гильом, протягивая старцу десять золотых монет. — Теперь мы знаем, куда нам надо держать путь!

Снова пустили вскачь своих коней могучий Гильом и храбрый Бертран, и через несколько дней встретили они отряд в двести лихих рыцарей, а вели их племянники Гильома — сын Гарена Гальден да сын рыжего Эрналъта смельчак Алельм. Они тоже шли на помощь юному Людовику и решили, что милостиво к ним небо, коль удалось им всем повстречаться на полпути.

Вплоть до самого Тура не вставал граф Гильом на отдых. При подъезде же к городу устроил он четыре засады, в которых оставил десять сотен своих бойцов. А двести человек повел за собой. Вслед рыцарям поспешили и их оруженосцы — везут щиты

и копья, если придет в них нужда во время боя.

У городских ворот Гильом окликнул привратника и сказал ему громко:

– Открывай побыстрее ворота, мы прибыли на подмогу герцогу Ришару – охранять его сына Энселена, когда будут его сегодня короновать в монастыре святого Мартина!

– Мать Божия! – вздохнул привратник. – Кто же за вас вступится, король Людовик? Вот и новый отряд прибыл, чтобы свести вас поскорее в могилу! Где отважные нарбоннцы – граф Гильом, его братья и племянники? Вот кто не дал бы вас в обиду!

Привратник и не подумал открывать ворота, только крикнул из-за них рыцарям:

– Уезжайте! Нет вам сюда входу! И без вас довольно изменников за этими стенами.

– Достойный ответ, не правда ли, Бертран? – сказал со смехом барон племяннику. – А ведь привратник не из робкого десятка! Хорошо бы свести с ним дружбу.

— Приятель! — крикнул граф. — Вижу, ты мужественный воин. Но ведь ты не знаешь, кто я. Ежели скажу про себя правду, то, небось сам откроешь нам ворота!

Привратник выглянул в окошечко, и Бертран сказал:

— Это мой дядя, граф Гильом, а я его племянник Бертран. Впусти нас поскорее, чтобы мы успели помочь королю Людовику.

В тот же миг распахнул привратник ворота и вскричал, увидев отважных рыцарей:

— Хвала Творцу! Но злодей Ришар уже здесь, в монастыре, а с ним семьсот вооруженных до зубов воинов. Вас мало, чтобы взять верх над врагами.

— Сил у нас довольно, — ответил Гильом. — Со мной двести человек, да по засадам еще тысяча. Да столько же оруженосцев, готовых прийти на помощь своим господам по первому зову.

— Тогда послушайтесь совета, — сказал привратник. — Повелите всем вашим воинам незаметно подойти к городу. Изменники

в стенах монастыря, бессмысленно искать их в других местах.

Гильом тут же подозвал одного из оруженосцев и послал его за своими войсками. Вскоре без лишнего шума, но в полном вооружении тысячный отряд Гильома входил в турецкие ворота. А изменники, выставившие по стенам охрану, приняли его за подкрепление и думать не думали, что сегодня же им придется воочию убедиться в своей ошибке.

— Ну, друг, — сказал Бертран привратнику, — сослужил ты нам добрую службу, смел ты и мудр, не грех сделать тебя рыцарем!

Так еще одним добрым воином укрепились графская рать, а Гильом Железная Рука уже давал распоряжения:

— Вы, Гальден, станьте у ворот, ведущих в Пуатье, возьмите с собою двадцать человек и, кто бы ни захотел уйти, задерживайте любого.

— Исполню все, дядя! — отозвался Гальден.

— А вы, Алельм, станьте у ворот, что выходят на Париж. И пусть никто из смертных не выйдет сегодня до ночи за эти ворота.

— Я тоже, дядя, точно исполню ваш приказ! — воскликнул Алельм.

Так у каждой двери, у каждого входа и выхода расставил граф надежные заставы, а сам проехал по городу вплоть до монастыря и лишь у церковной паперти ловко спрыгнул на землю. Понял один из аббатов, что за богомолец явился к ним в обитель, и тихо сказал графу:

— Если вы пришли на помощь Людовику, то поставьте своих людей у всех дверей и ворот в монастыре. Собралось здесь нынче до сотни знатных прелатов и других духовных лиц. Всех их подкупил Ришар Руанский, всех их подвигла корысть на недоброе дело. Если не придете вы на помощь, лишат они сегодня же нашего Людовика престола и короны.

— Сеньор мой, но где же сам Людовик? — спросил Гильом.

— Ждите здесь, — ответил клирик.

Вышел он на монастырский двор, спустился в большое подземелье, где прятался юный король, и за руку вывел отрока прямо к графу. Упал мальчик к ногам Гильома, но тот поднял его, расцеловал и даже подбросил на руках.

— Кто это вас, государь, научил склоняться перед вашим вассалом? — спросил он, смеясь. — Я ведь давал слово императору Карлу, что всегда буду вам защитой, вот и пришел час исполнить мой долг.

После этого ворвался храбрый рыцарь на амвон и застал там епископов и аббатов, что задумали предать Людовика. И хоть был с Гильомом верный его Дюрандаль, но помнил граф, что страшный грех — обнажить в церкви оружие. Пovyрывал он из рук предателей их посохи и так нещадно отрубал каждого, что бросились клирики врассыпную, как церковные мыши.

— Мой король, — сказал Гильом Людовику, — теперь прикажите послать гонца

к предателю Энселену, чтобы он немедленно явился к вам на суд.

— Как скажете, так и будет, — ответил отрок.

Позвал граф Гильом Бертрана.

— Скачите, племянник, к гордецу Энселену, — приказал он, — и велите ему прибыть на суд к его сеньору. Никого с собой не берите, Бертран, скачите в одиночку и, если враг спросит про наши силы, скажите, что со мною всего сорок рыцарей.

Поскакал Бертран по улицам города, добрался до подворья, где разместился Энселен со своими слугами, и крикнул так, чтобы слышали все в доме и на улице:

— Энселен! Велит вам мой дядя граф Гильом, что прозван также Железной Рукой и Коротким Носом, явиться на суд к вашему сеньору.

— С чего бы это? — рассмеялся Энселен. — Может, он привел с собой соты-сячную рать?

— Да нет, — ответил Бертран, — с ним всего сорок рыцарей.

– И слава Богу! – воскликнул Энселен. – Скажи Гильому, чтобы он добровольно сделал то же, что сделали и другие, – признал за мною право на королевский престол. Нельзя, чтобы милой Францией правил ребенок – он ни за грош погубит наш край. А граф Гильом хоть и достойный рыцарь, да мало у него и земли, и войска. От меня же он получит в удел любую область, какую бы ни попросил, да в придачу десять мулов с серебром и золотом.

– Гильом неподкупен, – рассердился Бертран, – и если вы не смиритесь, то еще до ночи ждет вас такое, чего не стоит терпеть за все на свете богатства и сокровища.

– Что ж, раз не поладить с графом любовно, то передай ему мой вызов! – крикнул Энселен.

– Вызов принят, – гордо ответил Бертран.

– А тебя, – продолжал Энселен, – за то, что был нынче гонцом у своего дяди-гордеца,

мои вассалы лишат головы, изрубят на куски и бросят псам.

— Пугайте тех, кто труслив! — крикнул в ответ Бертран, дал шпоры коню и поскакал обратно по улицам притихшего Тура.

И когда вернулся он к графу Гильому и рассказал, какими речами встретил его отступник, велел барон трубачам подать сигнал к общему сражению. Тут-то и увидели изменники, сколько рыцарей оказалось в отряде Гильома, и на своей шкуре поняли, что неспроста он зовется Железной Рукой. Страх сковал сердца предателей, бросилась толпа к воротам, а там — графские заставы: никого не выпустили из города brave Гальден и Аельм. Не в шутку началась резня, и в панике побросали сподвижники руанца свои мечи и копья на землю. Один Энселен воспользовался смятением и пустился вскачь из города.

Пришпорил граф Алиона и закричал вслед изменнику поносные слова:

— Назад, Энселен! Ждут тебя в церкви, чтоб надел ты королевский венец. Я помогу

тебе, презренный, — так на тебя его надвину, что брызнет твой поганый мозг во все стороны.

Тут как тут оказался и храбрец Бертран — вытащил он из ножен свой длинный меч, и через миг пал бы Энселен от прицельного удара, но Гильом не дал племяннику пустить в ход оружие.

— Не приведи Господь, — молвил он, — чтобы изменник был предан смерти рыцарским мечом. Пусть он будет казнен постыдно, чтобы вовек его род не смыл такого позора!

Вспомнил Гильом, как одним деревянным колом крушил он ряды нехристей из войска Тибо Арабского, выломал из тына заостренную жердь и одним ударом прикончил злодея этим мужицким оружием.

Вернувшись в монастырский храм, обнял он Людовика и воскликнул:

— Забудьте скорбь, государь. Я отомстил за вас отпрыску Ришара — никогда больше не замыслит он против нас измену, и за одну попытку заплатил он сполна.

— Благ наш Господь! — обрадовался отрок. — Но мне было бы спокойнее, кабы вы также сочлись и с его отцом!

— Где же мой ненавистник? — вскричал Гильом.

А аббат ему говорит:

— Здесь он, в Божьей церкви!

Бросился граф на поиски предателя и впрямь застал его на коленях перед главным алтарем. Налетел он на преступника и убил бы его на месте, но упросили бароны оставить в живых Ришара Руанского. Тот поклялся не мстить за сына и по гроб сохранять мир и преданность Людовику. Да не стоил этот мир и последнего денария — в чем убедился граф Гильом, чуть не поплатившись головой за свою покладистость.

Оставив Людовика в монастыре под прищмотром верного аббата и добрых рыцарей, разослал граф по всей стране гонцов и собрал под свои знамена тридцатитысячную рать. С этих пор три года день за днем не покидал он седла. В праздники и в будни, даже на

Рождество не снимал он ножен, не щадил ни сил, ни трудов, укрепляя страну, чтобы сохранить за своим сеньором престол и с корнем вырвать измену.

Усмирил Гильом Пуату и Бордо, взял верх над королем Амармондом и Дагобером Карфагенским, изъездил из конца в конец Бретань, в которой столько лет провел когда-то маркграф Бретонской марки Роланд, и наконец добрался до Руана, столицы Нормандского герцогства. Не взял в расчет граф, что властителем герцогства был по-прежнему тот самый Ришар, сына которого Гильом так позорно лишил жизни возле монастыря святого Мартина. Думал он, что старый враг простил ему обиду, коли скрепил клятвой пред алтарем мир между ними и преданность королю Людовику. Но Ришар думал по-своему.

— Могу ли я быть спокоен, — сказал он своей свите, — если ездит по моей земле убийца моего сына? Нет, клянусь святым Петром, на этот раз расплатится он со мной сполна!

— Сеньор, — сказали ему в ответ советники, — уймите свой гнев: нехорошо искать ссоры с гостем, и вам не простится коварство, если вы нарушите закон гостеприимства.

— Тогда уверю я графа, что тоже еду в Париж, возьму своих людей и двинусь с ним в путь. Выжду я, чтобы отстали Гильомовы спутники, и за все посчитаюсь с проклятым убийцей моего Энселена!

Выбрал Ришар Руанский пятнадцать смелых рыцарей и отправился вслед за отрядом Гильома. Выехали они рано поутру, а в полдень расположились воины графа на отдых в пустынной местности, перекусили и вскоре, утомленные дорогой, заснули прямо на траве. Только Гильома не брала усталость. Надел он боевые доспехи, вскочил на Алиона, взял свое копьё с длинным значком, на котором сверкали золотые точки, и поехал дозором по окрестностям. Взял он с собой всего лишь двух рыцарей — и чуть не поплатился головой за такую оплошность.

Весь день Ришар Руанский следил за отрядом Гильома и, увидев, что удалился граф от своих людей, выехал ему навстречу. Гильом же, высмотрев с вершины холма Ришара, а с ним полтора десятка человек, побледнел и подозвал своих товарищей.

— Сеньоры, сдается мне, неспроста мы встретились с этим Ришаром, — сказал он вполголоса. — Герцог — мой заклятый враг, убил я его сына за измену, и, хотя был между нами восстановлен мир, чуется мое сердце, таит он на меня до сих пор смертельную злобу.

— Не будем гадать, — ответили его спутники. — Езжайте навстречу нормандцу: если отвергнет он ваш привет — беритесь за оружие, а мы уж вас не подведем!

Помчался граф Гильом навстречу Ришару и повел к нему такую речь:

— Кажется, герцог, мы спор уладили добром. Вы при всех поклялись, что будет меж нами мир. Что же привело вас сюда и почему вы преследуете меня тайком, как соглядатай?

— Речист ты, Гильом, — процедил герцог, — не знаешь ты поражений, воюешь земли, берешь крепости. А ведь мой сын, которого ты загубил, был не трусливей тебя. Вошел бы он в года и в силу — не было бы ему ровни в нашей милой Франции. Пришла пора сквитаться, граф. Не спасут тебя ни люди, ни Бог, не уйдешь ты отсюда живым!

При этих словах Гильом не сдержался и, опередив соперника, со всего размаха ударил нормандца копьем, — пробив щит, оно прошло сквозь кольчугу и ранило герцога в левый бок. Не усидел клятвопреступник на коне, опрокинулся навзничь и слетел вниз головой так, что шлем острием воткнулся прямо в землю. Не подоспей пятнадцать его бойцов, распростился бы герцог с жизнью. Но тут и двое Гильомовых баронов вступили в бой. Втроем одолели brave рыцари десятерых руанцев, остальные бежали в страхе и только кричали, когда Гильом бросился их преследовать:

— Граф, пощадите! Неужели для вас будет честью расправа над ранеными? У нас уже и кишки выпадают на седла, вот-вот отдадим мы Богу души, оставьте нас, Гильом!

Был у графа закон — не трогать тех, кто просит у него пощады. Вернулся он к товарищам, а те уже связали раненого Ришара и бросили его, как тюк, на грузовую лошадь. Так и вернулись они в лагерь и дождались, пока проснутся отдохнувшие рыцари, чтобы тронуться дальше. И вот наконец добрались они снова до Тура, где встретил их возмужавший, но по-прежнему пугливый и робкий, как ребенок, Людовик.

Здесь, в Туре, где когда-то замыслил Ришар Руанский измену против молодого короля, был брошен мятежник в подвал и закончил свои дни в болезнях и печали.

А Гильом наконец решил, что пора отдохнуть. Размечтался он об охоте, о прогулках по лесу, о мирной жизни, от которой уже отвык за долгие годы своего рыцарства.

Но куда там! Не успел граф и дух перевести, как явились из Рима два гонца — бросились они ему в ноги и запричитали:

— Ради Бога, граф, не гоните нас, но выслушайте. Помните ли вы ту, с кем хотели вступить в брак, но горестные вести прервали ваше венчание? Послала она к вам, поскольку доселе верна своему слову и только на вас у нее надежда. Прибрал Господь ее отца Гефье Сполетского, а тем временем напал на Рим необузданный король Гвидо и взял приступом твердыни святого города. Весь наш край стонет, помогите нам, граф Гильом!

Тот еще и слова в ответ не успел вымолвить, а Людовик чуть не зарыдал со страху.

— Какой же вы трус, король! — не удержался Гильом. — Чего вы испугались? Не я ли обещал стоять за вас горой, что бы ни случилось? Не жаль мне ни сил, ни молодости, лишь бы вы могли восторжествовать — вы и наша милая Франция! Сзывайте сюда ваших рыцарей, зовите

всех — и того, у кого нет ни гроша, и того, у кого осталась последняя кляча. Все, что нужно для воина, я и сам достану. Хватит у меня серебра и золота, хватит быстрых коней и выносливых мулов. Столько добра отвоевал я у басурман, что некуда мне девать своего богатства.

— Да воздаст вам Бог! — обрадовался король и в тот же час разослал вестников по городам и весям.

И трех недель не прошло, как собрались под королевский стяг пятьдесят тысяч лихих вассалов. Вновь повел их граф знакомой дорогой через Сен-Бернар до самого Рима. На сей раз сопровождали его не только brave племянники, но и сам король, который побоялся остаться в одиночестве без своего защитника.

Пока разбивали французы стан под стенами Рима, король Гвидо созвал свиту и стал держать военный совет. И сказал один римский вельможа:

— Снарядите тысячу бойцов и велите сделать им вылазку, покуда враг ставит шатры

и разбивает лагерь. Не ждет он нас и заплатится за свое неразумие.

Тихо выехали из города вооруженные воины. А тут, к несчастью, так сгустился туман, что скрыл и коней, и всадников. Спohватились французы, когда римляне уже проникли в лагерь — убили конюхов, увели скакунов, вывернули в костры котлы с пищей. Людовик в испуге побежал между шатрами, голося во все горло:

— Где же вы, Гильом и Бертран? На помощь!

А Гильом с Бертраном в это время с небольшим отрядом рыскали по окрестностям, высматривая подходы к городу.

— Не возвратиться ли нам, дядя? — спросил, насторожившись, Бертран. — Слышу я в нашем лагере большой шум — как бы не вышло большой беды!

Но тут, по счастью, сгустился туман, и Гильом направил свой отряд прямо к городским стенам, и французы незаметно проникли в город. Увидели их стражники, когда бароны уже ворвались в ворота.

— Монжуа!.. Монжуа!.. — взлетел в небо их боевой клич — и пошла битва! Услышав, что Гильом вошел в город, вылазчики бросились назад, а тогда с тыла ударила по ним королевская рать. Нашел Людовик силы и мужество собрать своих рыцарей и повести их в бой на подмогу графу Гильому.

А король Гвидо совсем потерял голову от ярости и недоумения: никак он не ожидал, что противник может так быстро оказаться в городе. И тогда, чтобы устроить французов, приказал он казнить на виду у них своих пленников. Никого не пожалел Гвидо — повесил и раненых, и бойцов, и престарелых рыцарей, и даже красавицу королеву.

Увидя дело его рук, не мог Гильом сдерживать слез и сказал Людовику:

— Государь, много видел я на белом свете злодейств, но не доводилось мне встречаться с такой жестокостью. Бросаю я вызов Гвидо — если откажется, убью его, как труса. Если же согласится на

поединок — все равно не дожить ему до сегодняшнего вечера.

Пришпорил гонец коня и вскоре вернулся к Гильому с известием от Гвидо: тот велел французу убираться подобру-поздорову, но если хочет граф сложить голову — пусть ждет короля на высоком холме за городской стеной.

Так, второй раз добравшись до Рима, второй раз оказался отважный поединщик на вершине зеленого холма, где судьба уже сводила его с эмиром Корсольтом. Не знал об этом Гвидо, а то отказался бы от своей безумной затеи. Недолго пришлось ему сражаться с графом — верный Дюрандаль так лихо отражал удары и так ловко взрезал броню противника, что вскоре на том живого места не осталось. В конце концов рубанул граф короля по шлему, но соскользнул клинок, раскрыл Гвидо грудь и рассек надвое жестокое сердце завоевателя.

— Вот и свели мы с тобой счеты — за всех повешенных тобою рыцарей и за

красавицу королеву, краше которой не было на белом свете!

И когда въехал отважный граф в Рим, то сначала пошел он к монастырской стене поклониться могиле безвинно убиенной своей невесты; затем призвал к себе племянников Гальдена и Аельма и посадил их править Римом и его землями; и только после этого повел он в престольный храм своего сеньора Людовика, венчал его короной Франции и заставил присягнуть ему всех — и того, кто всегда соблюдал верность, и того, кто готов был впасть в измену.

А потом король и его защитник граф Гильом направились в милую Францию. Людовик остался править в Париже, а граф, вздыхая украдкой об отложенном отдыхе, вновь принялся умирять вздоривших баронов. И, наверное, дождался бы славный рыцарь дня, когда вволю погулял бы и поохотился, и навестил бы своего престарелого отца Эмери Нарбоннского, кабы Людовик оценил все, содеянное графом, по его

заслугам и по справедливости. Но мирная и веселая жизнь в королевском дворце вытеснила из сердца его владельца память о верном, но далеком рыцаре.

В седле качаясь день-деньской,
Не знает отдыха герой.
И мы рассказ продолжим свой,
Аой!

ИСТОРИЯ ДВЕНАДЦАТАЯ

Встреча у моста. — Дары
государя и честь рыцаря. — “Стыд мне и срам, если я здесь останусь!” —
Четверть милой Франции. — Как завоевать мир и казну. — В поход! —
Уловка Бертрана. — Ремесло погонщика. — Рыночная площадь. — Хитрый Тидкр. — Сомнения и насмешки. — Товар и покупатель. — И вновь звучит
Олифан.

днажды в конце мая через Малый мост, что соединял остров Сите в Париже с левым берегом Сены, проехала большая и шумная компания охотников. На переднем коне гарцевал могучий и рослый рыцарь, его окружали сорок юных удальцов. Молодые бароны везли ловчих птиц, на длинных сворках бежали гончие псы, у рыцаря же на левом боку висел колчан, а за спиной — огромный лук, сделанный из цельного и гибкого дерева. Слуги понукали мулов, которые с трудом тащили туши двух оленей, убитых на обратном пути.

Так возвращался домой с удачной охоты знаменитый граф Гильом. Давно он промышлял в окрестных лесах — пропылился в дороге, пропах дымом костров — и обрадовался,

встретив за мостом своего племянника Бертрана.

— Милый племянник, — воскликнул граф, — откуда едете и почему так невеселы?

— Еду я, дядя, из королевского дворца, — отвечал Бертран. — Провел я в нем целый день и вдоволь всего наслушался. Невесел же я вот отчего: оделял сегодня наш император вельмож — одному дал замок, другому землю, кое-кому и целый город достался. Только ни вам, ни мне не дал император ни гроша. Я-то еще молод, может, и невместно мне просить у короля подарки, а вы — прославленный герой, вы не щадили для короля ни себя, ни других рыцарей. Но стоило вам уехать — король и не вспомнил ни про вас самого, ни про ваш род!

— Не огорчайтесь, племянник, — рассмеялся граф, — мы это дело уладим! Идите домой да собирайтесь в поход, а я сейчас же потолкую с нашим королем.

Только перед королевским дворцом сдержал граф скакуна. Взбежал он по мраморной

лестнице — да так быстро, что слетели с его сапог латы-поножи.

— А вот и граф! — воскликнул император. — Идите сюда, садитесь рядом со мной!

— Нет, государь, — ответил Гильом. — Никогда мне рассиживать. Мне только сказать вам кое-что надо.

— Я готов вас выслушать, — сказал Людовик.

— Готовы вы или нет, — ответил дерзкий граф, — а выслушаете все, что я вам скажу. Я никогда не был льстецом — ни вам в угоду, ни кому другому. Служил я вам верой и правдой, не обижал вдов и сирот, воевал для вас языческие земли — и скольких отважных юношей лишилась в этих походах наша милая Франция! Не на вас, а на мне этот грех, с меня, а не с вас взыщет Господь за своих убитых сыновей! Вы же раздали баронам города и земли, а мне и моим славным родичам не пожаловали и ломаного денария. Не столько нужны мне ваши дары, государь, сколько честь, заслуженная по праву!

— Не гневитесь, граф, — усмехнулся король, — погодите. Один из моих пэров вот-вот отдаст Богу душу — он уже совсем стар, и лета не пройдет, как вы получите его удел.

— Клянусь святым крестом, — вскричал разъяренный Гильом, — но я никогда не зарился на чужое добро и никогда не желал втайне смерти кому бы то ни было! Обидно мне, король, слышать от вас такие слова.

— Чего ж тут обидного? — удивился Людовик. — Вы такой же мой слуга, как другие. Придет ваш черед, и получите вы все, что заслужили!

— Людовик, — промолвил Гильом, — не я ли бросился вам на выручку, когда Ришар Руанский хотел лишить вас не только престола, но и жизни? Не я ли победил эмира Корсольта, с которым не мог совладать никто из христиан и нехристей? Не я ли в том страшном бою лишился кончика носа и теперь известен не только своей силой, но и своим увечьем? Не я ли дважды завоевывал для вас святой город Рим и расправился

со зловещим королем Гвидо? Не я ли пришел вам на помощь, когда вы бежали по лагерю, спасаясь от сарацинского отряда, и в страхе взывали ко мне и к моему племяннику Бертрану? Не я ли поседел у вас на службе, король, но не получил за нее ни гроша? Столько лошадей я загнал ради вас, столько матерей принудил плакать по убитым храбрцам! У кого из смертных отыщется щит, в который вонзилось бы столько вражеских стрел, как в мой? И теперь мы должны вымалывать свой хлеб и вновь искать вашей дружбы? Нет, король! Стыд мне и срам, если я здесь останусь!

Однако Людовику совсем не хотелось ссориться со своим славным вассалом.

— Сеньор Гильом, — сказал он примирительно, — зря вы таите на нас зло!

— Я не таю зла, — гордо ответил барон, — я прямо говорю о своей обиде. Это вы злы, Людовик, а у дурного государя и вассал не добр.

— Хорошо, граф, — воскликнул король. — Вы и вправду честно служили мне с давних

пор, и я нашел, чем вас умиловать. Примите владения покойного графа Фукона и три тысячи его бойцов!

— Благодарю, король, но не по нраву мне такой подарок. Оставил граф двух сыновей — им и владеть отцовской землей и храбрым войском!

— Тогда, — предложил король, — возьмите землю бургундского барона Обри.

— И этот подарок не по мне, государь: у графа остался малолетний сын Робер. Ныне он еще младенец, но, даст Бог, окрепнет душой и телом и вступит во владение отчим наследством.

— Ну, если вы не хотите обижать сирот, граф, тогда вспомните про вдову маркграфа Беранже: вступите с ней в законный брак и получите все — и землю, и бойцов, и быстрых коней, и жену-красавицу! Вам это не будет стоить ни гроша, Гильом!

— Вот как! — вскричал граф. — Вот что вы предлагаете мне, король.

Обернувшись к королевской свите, он громко и запальчиво произнес:

– Рыцари, смотрите, как король наш чтит того, кто честно исполнил пред ним свой долг! А ведь я сам, собственными глазами, видел, как Беранже спас нашего императора, как налетел он на врагов, окруживших в бою Людовика, как он выхватил свой клинок и пораскидал проклятых мавров, как он отдал государю своего коня, как пустился король наутек, а славного Беранже враги взяли в кольцо. Да, я видел, как умирал герой, но не мог его спасти. Остался у Беранже сын, нареченный в память об отце, – ему должны перейти по праву и наследство героя, и слава его имени. Безумец или изменник тот, кто чинит вред малым детям. И я добавлю перед всеми: если сыщется во Франции барон, который посягнет на права младенца, он будет иметь дело с моим Дюрандалем!

– Спасибо, граф! – закричали вассалы Беранже и отдали Гильому земной поклон.

– Вы несносны, Гильом! – рассердился король. – Хорошо, если хотите, я отдаю вам четверть нашей милой Франции: каждую

четвертую область, каждый четвертый город, каждого четвертого аббата, барона и простого бойца; каждую четвертую девицу и каждого четвертого коня из наших табунов; наконец, я отдаю вам каждый четвертый денарий из моей казны!

— Ни за что! — отрезал граф. — Какой мне прок во всех этих богатствах, если любой сможет про меня сказать: он выклячил у короля четверть королевства, положил в свой карман четверть казны, а сам только с виду горд и отважен — на самом деле он простой нахлебник, и нет от него ни нам, ни стране никакого проку!

— Я не знаю, как поладить с вами, Гильом! — обиделся Людовик.

— Оставим пустой спор, — сказал барон. — Невмоготу мне с вами препираться. Не богатства прошу, а чести. Коль пожелали бы вы, то для меня первого нашли бы и замок, и землю.

Повернулся Гильом к королю спиной и с досадой спустился вниз по лестнице.

— Ну что, дядя? — спросил Бертран.

— Скажу вам правду, племянник, — горестно сказал граф, — зря я только время потратил, препираясь с Людовиком. Ни гроша не дал он за службу ни мне, ни вам.

— Господи! — воскликнул Бертран. — Не следовало бы вам тягаться с императором. Все равно наш святой долг — служить ему и защищать его от врагов.

— Ваша правда, — уступил Гильом, — но ведь это я возвеличил Людовика, а он мне решил отдать четверть Франции — как бы в упрек и в насмешку.

— Дядя, давайте вернемся вместе во дворец, — молвил юноша. — Кажется, я надумал, чего нам добиваться.

— Чего же? — осведомился отважный рыцарь.

— Потребуйте от короля отдать нам испанский край, а сверх того — Ним и Оранж. Пусть король изъявит на это свое согласие, пусть не дает нам ни оружия, ни рыцарей, ни пешей рати. Не будем в тягость нашему государю, не умалим его достоинства, а сами завоюем и землю, и богатства.

Гильом так и сделал и сказал обо всем Людовику.

– Боже правый! – воскликнул тот. – Управитесь ли вы, граф?

– Я ни на минуту не слезу с коня, ни на миг не сброшу стальную броню, пока не выбью оттуда всех сарацин. Достаточно я от них натерпелся, достаточно настрадался тамошний край. Не хочу быть у вас на хлебах, государь, но хочу своим мечом завоевать себе и мир, и казну!

– Раз так, вот вам моя перчатка, – обрадовался король. – Но помните: если на этот поход достанет у вас сил и бойцов, не требуйте от меня частой подмоги.

– Я много не прошу, – ответил Гильом. – Коль затянется война, шлите мне помощь только раз в семь лет.

– Да будет так! – закончил разговор император Людовик.

Позвал Гильом своих племянников – старшего Бертрана и младших – Алельма и Гальдена, которые помогли ему справиться с изменником Ришаром Руанским, и сказал им гордо:

— Вы мне и родня, и друзья. Встаньте же перед троном, чтобы взять у короля в залог его щедрот правую перчатку.

Поднялся граф Гильом по мраморным ступеням — и говорил так, чтобы слышал его каждый:

— Внемлите, бароны милой Франции! Ниспослал мне Господь обширные земли — хватило бы их на тридцать пэров. Но должны мы эти земли вернуть себе силой и изгнать с них наших недругов. Эй, рыцари! Если вы молоды, но бедны, если вам забыли заплатить за службу, если пообносилась ваша одежда, если голодны ваши оруженосцы, — идите за мной на Испанию, и я осыплю казною каждого!

И часу не минуло, как набралось у Гильома тридцать тысяч с лишним разудалого войска — кто без коня, кто в обносках, кто с одним мечом без щита, кто со щитом, да без шлема. Вооружился каждый кто чем смог — простился Гильом с королем и удалился из дворца с толпою новообретенных рыцарей.

Пошли с неустрашимым графом родные племянники, пошла родовитая знать; триста коней, нагруженных тяжелыми вьюками, выступили в поход.

На передовых коней нагрузили рыцари распятия и дароносицы, кадила и псалтыри — как достигнет рать сарацинских владений, первым делом помолится, чтобы успешным был бой и чтобы даровал Господь жизнь отважным воинам.

На других конях нагружены доспехи и щиты, шлемы и колчаны — как начнется бой, понесут оруженосцы за своими господами запасное оружие и новый доспех.

На остальных конях везут французы таганы и блюда, котлы и вертелы, ухваты и поварешки — как прибудет войско в сарацинскую землю, придется Гильому накормить своих воинов и слуг. Настреляют они по дороге павлинов, журавлей, вепрей, гусей, разведут костры, поставят шатры — наберутся сил и отдохнут, чтобы утром снова быть в седле.

Долго шла Гильомова рать по лесам и горным ущельям, через чащи и заросли, пока

не добралась до знаменитой Ригорданской дороги, ведущей прямо в сарацинские земли. Тут уже было рукой подать до людного и богатого Нима, где по-прежнему правили Отран и его брат Голиаф. Хоть и претерпели они когда-то от Гильома и Эмери Нарбоннского, но укрепили свой город и стали подумывать о новых завоеваниях.

Не прошли французы и четырех лье, как встретили на дороге крестьянина. Ехал он не спеша домой из города Нима, где сбывал свой товар. А домой вез в телеге, запряженной четырьмя волами, огромную бочку, наполненную солью, весьма дорогой в его стороне.

— Откуда ты и как сюда попал? — спросил его Бертран.

— Из Нима возвращаюсь, сеньор, — ответил перепуганный крестьянин. — Продал я там зерно, а накупил соли.

— И что же за народ в Ниме? — осведомился Гильом.

— Богатый народ, сеньор! — восхитился крестьянин. — На одну монету купил я там

два хлеба, хотя повсюду цена вдвое выше. Дешевая жизнь в Ниме, сеньор!

— Не о том тебя спрашивают, дурень! — рассмеялся Бертран. — Отважен ли тамошний король, много ли у него рыцарей!

— Чего не знаю, сеньор, того не знаю! — развел руками путник. — Я ведь только на рынок ездил.

Бертран оглядел крестьянина, его волов и телегу, нагруженную бочкой, и задумался. А потом отозвал Гильома в сторону и говорит:

— Взгляните, дядя, на бочку в этой телеге. Кабы у нас было десять сот таких бочек, кабы укрыли мы в них своих рыцарей да проникли в Ним под видом торговцев, — покорился бы нам город без боя и крови!

— Ручаюсь жизнью, вы правы, милый племянник! — обрадовался граф. — Спросим у войска: согласится — значит, так и решим!

Созвал Гильом совет и стал держать перед баронами такую речь:

— Видите, сеньоры, эту бочку? Когда бы иметь нам десять сот таких же, да залезли бы в них наши рыцари, да прямо по дороге, а не в объезд приехали бы мы в Ним, то захватили бы город без потерь, ни копья не взяв, ни меча не вынув из ножен!

Возликовали бароны, узнав про такую выдумку.

— Все, что нужно, есть у нас под рукой, — сказали они графу. — В здешней стороне хватит и телег, и возов. И волов у крестьян-вилланов предостаточно.

Послал Гильом своих людей по Ригорданской дороге назад — ушли они на пятнадцать лье, стали собирать телеги и возы, а у многих добрых вилланов и бочки нашлись. Схватились крестьяне за топоры, стали сбивать бочки побольше, а возы ладить покрепче. И едва была закончена работа, спряталось в каждой бочке по несколько рыцарей, и был им дан тяжелый молот, дабы, когда придет обоз в город Ним и затрубит главный рог, высадили они днища и вышли наружу. В другие бочки попрятали

французы копя — да не с одним, а с двумя значками, чтобы в тесном бою не поранили христиане друг друга. В третьи же бочки сложили рыцари щиты — с двумя отметками на каждом, чтобы отличить в бою своих и не нанести вред друг другу.

Ну и обоз получился! Растянулся он вдоль Ригорданской дороги — конца ему не видать! В это время Бертран натянул на себя диковинный наряд: взял он кафтан из грубой шерсти, перемазал его в саже, надел разбитые башмаки из сыромятной кожи — и превратился в настоящего погонщика волков.

— Боже! — воскликнул он, ковыляя возле головного вола. — В таких башмаках я сотру ноги до крови!

— Не вздыхайте, племянник! — попрекнул его Гильом. — Пора уже нам отправляться.

— Да я же с волами никогда не имел дела! — возопил Бертран. — Как я сдвину их с места?

Граф только рассмеялся, а Бертран с досады стал понукать вола — тот же свернул

вдруг в сторону и прямо с телегой засел в болоте. Бертран от злости чуть не убил вола и едва не вывернул бочку из телеги в грязь и жижу. Полез он в своем кафтане и бычьих башмаках в болото, не жалея плеч, приподнял телегу, разбил в кровь лоб и нос — чем еще больше развеселил Гильома.

— Племянник, уж вы мне поверьте, — сказал он, насмеявшись, — этому ремеслу надо учиться с детства. Не сердчайте попусту на вола, он здесь ни при чем!

А из бочки, как на грех, кричат Алельм с Гальденом:

— Братец, впредь будьте с бочкой поосторожней, коль рухнет она наземь, не доехать нам живыми!

— Ничего, доедете, — буркнул Бертран.

А пока что те рыцари, что собрались вести обоз по чужой земле, оделись так, что никто не отличил бы их от простолюдинов: у каждого на спине котомка, под каждым кляча или хромой мул. Гильом тоже сел на старую кобылу — надел он кафтан грубой шерсти и голубые штаны, как

то было в обычае у купцов, через плечо повесил ножны с ножом, а на голову нахлобучил убогий колпак из войлока.

Двинулся обоз в сторону Нима. Оставили французы позади немало полей и речек и вскоре дошли до каменоломни неподалеку от города — в ней добывался камень для нимских стен и башен. Сновали вокруг горожане и говорили друг другу:

— Что-то сегодня валом валят к нам торговцы!

— Отродясь я не видел столько телег и бочек!

— Надо бы спросить у того, кто впереди, с чем прибыли и откуда!

— Эй, что везете! — закричали они Гильому.

— Много чего везем, — отвечал Гильом, — парчу и бархат, разноцветный шелк и стальную броню, золоченые шлемы и острые копья.

— Отборный у вас товар, — обрадовались язычники, — езжайте скорее на главный рынок, все у вас купим!

Добрались французы до Нима. Прошли возы один за другим через ворота, а по людным улицам уже ходила молва:

- Явились купцы издалека...
- Товару привезли видимо-невидимо...
- Отборный товар, шелк да оружие...
- Да только попрятан он у них в бочках...

Дошел шум до дворца, и спустились на рыночную площадь оба нимских правителя – Отран и Голиаф. А граф Гильом, прозванный, как известно, Железной Рукой и Коротким Носом, выехал уже на площадь и развязал кожаный кошель, полный деньгами. Уплатил он щедро сборщикам подати за право торговать да заодно разузнал, что за народ в городе и кто им правит.

– Откуда к нам пожаловали? – спросили Отран и Голиаф бородатого торговца.

– Из Англии, государь, – ответил торговец. – Из славного города Кентербери.

– Женат ли ты, торговец?

– Есть у меня супруга, – ответил тот, – и восемнадцать у нас сыновей. Здесь со мной старший, вон он стоит у телеги. Его

зовут Бэг! — И граф Гильом указал на своего племянника Бертрана.

— Красивый у тебя сын, — одобрили язычники. — Его приодеть, и будет хоть куда! А тебя, купец, как зовут?

— А меня зовут Тиакром, — сказал купец.

— Ну и имечко! — ужаснулись язычники. — И что же ты привез к нам, Тиакр?

— Привезли мы парчу и бархат, тафту и шелк, есть у нас и копыя с доспехами, и мечи со шлемами.

— Отличный товар! — воскликнул Отран.

— Это только часть, — ответил Гильом, — скоро прибудет товар получше.

— Какой? — полюбопытствовал Голиаф.

— Ладан, сера, ртуть и чернила, шафран, перец и другие пряности, а также сафьян, кожа и мех горносталя.

— Ну, купец, доставай товар! — закричали нимцы. — Купим у тебя все, что сможем!

— Погодите, господа, — ответили торговцы. — Мы устали с дороги, да и не спешим никуда. Хорош и красив ваш город,

отдохнем мы немного, посмотримся, а завтра с утра приходите на площадь — успеет каждый из вас купить все, что душе угодно!

— Все ли телеги въехали в Ним? — спросил граф у одного из своих людей.

— Слава Богу, все они здесь, сеньор! — шепнул тот в ответ.

А возы уже заполонили весь город. Ведут бойцы по улицам мулов и волов, снимают на площадях груз, в суете забыли они бочками все входы и выходы из дворца. Нет сарацинам туда пути, и не выйти никому оттуда.

А Отран с Голиафом стоят на площади, радуются неожиданному богатству.

— Ну, Тиакр, признавайся, — хохочут они, — где же это взял ты такие отменные товары или ограбил кого по дороге?

— Много стран я прошел, государь, — улыбнулся Гильом, — запасся я товаром в разных землях: английских и шотландских, итальянских и испанских, а самым главным добром запасся я в милой Франции.

— В милой Франции? — насторожился Голиаф. — Ты говоришь как французский барон.

И в этот миг Отран Нимский обратил внимание, что кончик носа у торговца обрублен — словно отхвачен добрым мечом. Вспомнил Отран, кого зовут Гильом Короткий Нос, — застыла кровь в жилах у язычника, чуть в обморок он не упал от злобы и бешенства, но сумел взять себя в руки и вновь заговорил учтиво и спокойно:

— Вижу я, Тиакр, ты не только много поездил, но и побывал в разных переделках. Скажи мне без утайки, кто это тебе отсек кончик носа? Знаешь на кого ты похож? На сына Эмери Нарбоннского! Много принес он вреда мне и моему роду. Преследовал меня однажды Эмери до самого Нима, а сын его Гильом — заклятый мой враг и ненавистник. Очутился бы он со мной, как ты, лицом к лицу, — клянусь Магометом, я б его тотчас повесил, изрубил, разорвал на куски и сжег!

— Король, — расхохотался Гильом. — Не знаю, на кого я похож, а с носом моим произошло вот что. Был я с детства вором, а когда подрос — стал ходить и на грабеж. Был я большим мастером своего дела — без промаха срезал любой кошель. Но однажды попался я в руки купцов, они-то меня и обкорнали ножом! Однако, хвала Творцу, нашелся среди них добрый человек, пожалел он меня и даже взял на воспитание — с тех пор и занялся я нынешним ремеслом.

В это время один из управителей королевского дворца — сенешаль, ведавший кухней и трапезой, поспешил во дворец развести огонь и приготовить пищу. Да вот беда — не может он войти во дворец, так плотно забит вход телегами, возами и огромными бочками! Побежал сенешаль к Голиафу и говорит:

— Сдается мне, большую беду принесет нам торговец, пригнавший этот обоз. Он загромоздил все входы и выходы из дворца — да так искусно, что ни один человек не

проникнет за дворцовые стены. Привез купец товары, а торговать не хочет. Неспроста это все, государь! К тому же не могу я попасть на кухню, а уже близок срок трапезы. Велите перебить парочку волов – пускай их мясо пойдет в наш котел.

– А спроворь-ка мне молот! – шепнул Голиаф.

Взял Голиаф принесенный молот, подошел к волам, что влекли передний воз, и убил их ударом в лоб. Велел он сенешалю освежевать туши и приготовить еду.

Тогда Бертран, что был свидетелем этого убийства, отозвал незаметно в сторону Гильома и сказал ему вполголоса:

– Проклятый Голиаф убил двух моих волов, теперь, боюсь, худо придется Алельму и Гальдену, если прознают сарацины, что они сидят внутри бочки!

– Ну что же, нехристи сами меня подгоняют, дабы я с ними побыстрее расчелся! – также вполголоса ответил Гильом.

А сарацины тем временем сгрудились вокруг него – и давай потешаться:

– Эй, зачем ты одел спутников как нищих, хотя сам торгуешь горностаем и шелком?

– Сперва вернусь я домой, к жене и детям, привезу им подарки и пышные одежды, а потом уж позабочусь о себе и моих спутниках, – отвечал Гильом.

– Врешь ты все! – не удержался Голиаф и впился рукою в графскую бороду.

По тем временам страшное это было оскорбление! Оторвал Гильом от себя язычника и произнес в бешенстве:

– Никто еще не прикасался к моей бороде, никто еще не смел надругаться надо мной так, как сделал это ты, нехристь! Знай же, что зовут меня Гильомом, что кличут меня Железной Рукой и Коротким Носом, что отец мне граф Эмери Нарбоннский, который не успел с тобой сквитаться, но зато я заплачу сполна и за него, и за себя!

Вскочил барон на большую телегу в центре площади и громовым голосом произнес:

– Пора уже показать вам, что за товар я привез! А тебе, Голиаф, я окажу

честь, и ты станешь первым нашим покупателем!

Одним прыжком настиг Гильом Голиафа, схватил его рукой за волосы, отвел ему назад голову и огрел по кадыку могучим кулаком. Переломилась у короля горловая кость, и рухнул он замертво к ногам барона.

— Лиходей! — закричали язычники. — За что ты убил нашего короля? Клянемся Магометом, ждет тебя сегодня петля!

Окружили они француза — тянутся к нему их руки, сжаты их кулаки, вот-вот разорвут они его на части. И тогда достал Гильом из-за пазухи знаменитый рог Олифан, который призвал когда-то в Ронсевальское ущелье Карла Великого, который наводил ужас на врагов и которым в том знаменитом бою его раненый отец, Эмери Нарбоннский, расправился с коварным нехристом, — достал Гильом Олифан и трижды протрубил, оглушая весь Ним могучим зовом. Услышали этот зов бойцы, сидевшие по бочкам, — взялись они за молоты, ударили что есть сил

по днищам и, оголив мечи, повыскакивали наружу.

— Монжуа!.. Монжуа!.. — из улицы в улицу разнесся победный крик французских рыцарей.

Бросились сарацины по домам. Тот надевает кольчугу, этот завязывает шлем, хватают что попадет под руку — меч, копье или дрот, но нет им спасения! Такая суматоха поднялась на нимских улицах, что куда больше мавров было передавлено и забито в давке, нежели заколото в бою. А воодушевленные французские воины знай колят и рубят направо и налево, никого не оставляя в живых, никому не давая пощады.

Смертный страх обуял Отрана. Побежал он во дворец, но Гильом издали приметил беглеца и устремился следом за ним. Взбежали они по ступеням дворца, миновали дворцовые покои, добрались до самой высокой башни, забрались на самый ее верх — некуда больше бежать, нет у Отрана крыльев, чтобы взлететь как птица в небо

и забыть про весь ужас, который с ним приключился. Сгрёб его могучий граф и выбросил вниз из окна.

Вскоре все башни и чертоги королевского дворца были заняты французами. Вспомнили они и про вилланов, которые ссудили бойцам волов, бочки и возы, — с лихвою возвратили они долг, наградив крестьян деньгами, а также вином и хлебом, которые были найдены в нимских кладовых.

Так начался новый поход Гильома в испанские земли. Стал граф законным властелином Нима — всех его стен и улиц, амбаров и подвалов, скромных домов и дворцов с дивным убранством. Столько богатств нашли французы в городе, что зажили с тех пор безбедно в его стенах. А весть о том, как взял Гильом город Ним, разнеслась по всей земле, утрашая его врагов и веселя его друзей. Сложил об этой истории народ легенды и небылицы. Гильом же, будучи рыцарем честным и справедливым, на каждом пиру поднимал кубок за здоровье своего племянника

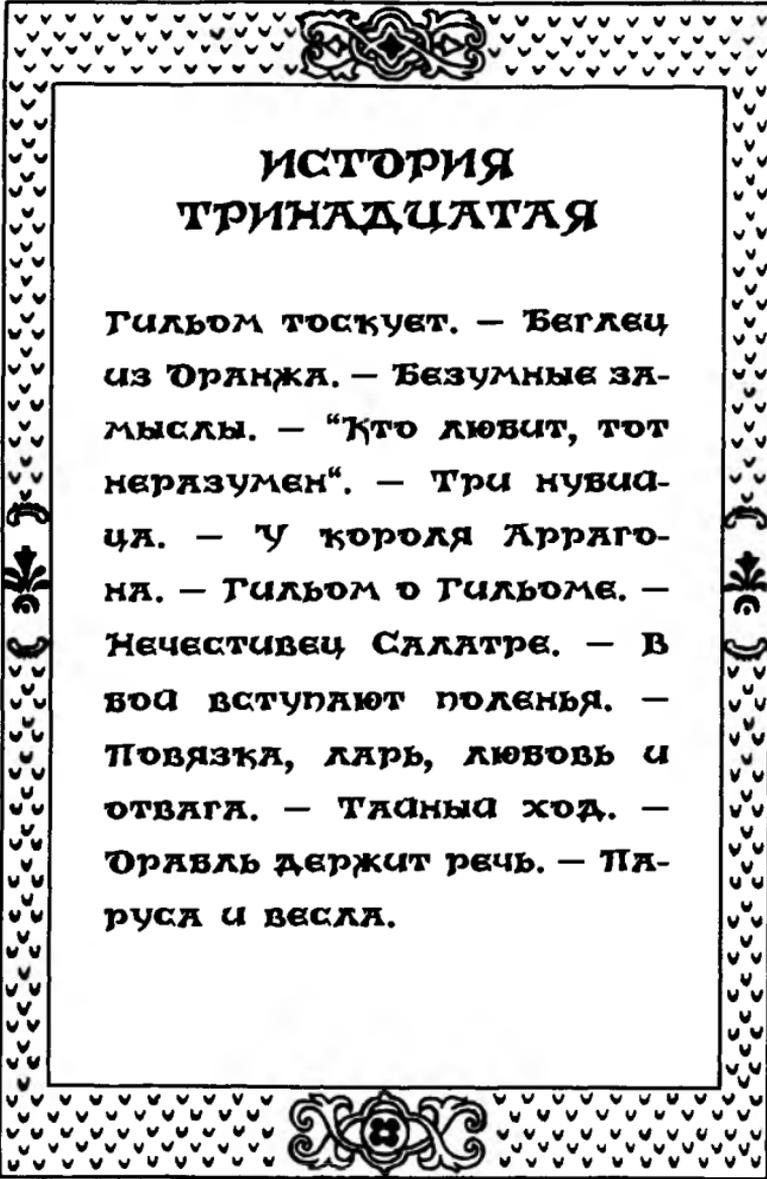

Бертрана, хитрости и смекалке которого и были обязаны французы, когда так быстро и славно завладели неприступным сарацинским городом.

Вот так, прославленный молвой,
Крушил врагов боец лихой.
Но мы рассказ продолжим свой,
Аой!

ИСТОРИЯ ТРИНАДЦАТАЯ

Гильом тоскует. — Беглец из Оранжа. — Безумные замыслы. — “Кто любит, тот неразумен”. — Три нубица. — У короля Аррагона. — Гильом о Гильоме. — Нечестивец Салатре. — В бой вступают поленья. — Повязка, ларь, любовь и отвага. — Таяны ход. — Оравль держит речь. — Паруса и весла.

течение долгих лет пилигримы, путешествовавшие из конца в конец по старой Франции, могли видеть в одном из монастырей два щита: одним из них владел могучий граф Гильом из Нарбонны, другим — его храбрый племянник Бертран. Говорят, эти щиты побывали во многих сражениях, были они исколованы следами сарацинских мечей, исколоты стрелами и копьями. Взаправду ли те щиты принадлежали отважным героям, мы теперь уже не скажем. Но одно несомненно — не счесть песен и сказаний, в которых бродячие жонглеры славил имена Гильома и Бертрана.

Вот еще одна история про благородных рыцарей.

Она снова начинается весной — однако не в Париже, как предыдущая, а в славном городе Ниме, который был отвоеван Гильомом у сарацинских правителей Отрана и Голиафа.

Итак, весной, в мае, когда зеленели вокруг поля и рощи, когда после весенних паводков вернулись реки в привычные русла, когда повсюду щебетали птицы в листве и поутиру поднималось над городом теплое южное солнце, стоял однажды граф Гильом у окна на самом верху дворцовой башни — у того самого окна, из которого он выбросил трусливого Отрана прямо в ров, наполненный водой. Запах роз плыл в воздухе, и, подобно ему, разливалось вокруг сладостное пение дрозда.

Оглядел граф свой край и загрустил по прежней жизни во Франции. Позвал он племянника Бертрана и сказал ему со вздохом:

— Эх, Бертран, были мы бедны на родине, даже жонглеру не могли порой заплатить за добрую песнь! А теперь есть у нас все — звонкие кольчуги и крепкие шлемы, быстрые

скакуны и булатные мечи. Всего у нас вдоволь: хлеба, мяса и вина, но гложет мое сердце тоска, засиделись мы без дела, племянник. Ну, что бы приплыть сюда маврам — приплыть да помериться с нами силами! Никто на нас не нападает, дают нам враги мирно спать да жиреть на сытных харчах. Скучно мне так жить. Заперты мы в четырех стенах, словно в тюрьме!..

Смотрели рыцари на восток, туда, где в дальней дали плескала обильными водами широкая река Рона. Смотрели и не ведали, что уже вскоре не останется от их тоски ни следа.

В то время вышел из ронских вод на берег беглец. Упал он от усталости на песок, но наконец отдышался и направился напрямиком в Нем. Поднялся по тропе на высокие холмы, что окружили город, вошел в ворота и под высокой сосной, в тени, отыскал графа Гильома: сидел рыцарь в кругу своих соратников и слушал жонглера, который пел им о славных богатырях и деяниях давних дней.

Появился чужестранец перед Гильомом. Граф оглядел его и, увидев, как тот изможден, черен и порос бородой, решил, что это гонец от сарацин, привезший из-за моря какую-нибудь весть.

— Да будет с вами Бог-заступник, — сказал между тем незнакомец. — С вами, маркграф Гильом Короткий Нос, и с вами, добрые воины!

— И вас, друг, да сохранит наш Творец! — откликнулся Гильом. — Однако расскажите нам, где вы узнали обо мне и зачем к нам явились.

— О вас говорили мне в Оранже, где я долгие годы томился в плену. Но однажды помог Господь мне бежать — и я здесь, перед вами.

— Вот как! — вскричал Гильом. — Так вы из Оранжа! Поведайте же скорей свою историю.

— Сеньор, — отвечал незнакомец, — я уже несколько дней не спал, не ел и совсем ослаб от лишений.

— Зато теперь вы поедите вдоволь! — прервал его граф.

Позвал он стольника и велел накормить гостя хлебом и дичью, напоить его кларетом и перцовой настойкой. Не пожалел стольник яств, и, насытившись, сел незнакомец наземь у ног Гильома и рассказал о себе так:

— Зовут меня Гильбером, я — сын герцога Гюона, что владеет в Арденнских горах двумя провинциями, Артуа и Вермандуа. Три года назад спешил я в Бургундию из немецких земель, а когда пересекал на челне озеро Леман, налетела буря, и унес меня ветер прямо в Рону. Долго не мог я пристать к берегу, доплыл до самого Лиона — там и взяли меня в плен неверные, привезли в Оранж и заточили в башне. Нигде я не видел такой крепости! Чуть не до облаков поднимаются башни, и, окруженный неприступными стенами, стоит в городе роскошный Глорьетский дворец. Говорили мне, что ничто в мире не поспорит с ним в красоте и роскоши: украшены в нем потолки и стены

дивной росписью, не счесть его богатств, и царит во дворце несравненная принцесса Орабль. На диво она сложена, прелестна и тонка лицом, бела телом, как майская яблоня, а умна так, что любой сарацинский правитель по сравнению с ней – несмышленный младенец. Сватался к ней знаменитый король Тибо Арабский, но прогнала его принцесса. Тогда король посадил править в Оранже своего племянника Аррагона, чтобы охранял он Орабль и не подпускал к ней никого постороннего. Семь тысяч турок денно и ночью охраняют дворец, двадцать тысяч неверных стерегут все входы и выходы в крепости – боится Аррагон, что пойдет на Оранж король Людовик, что возьмет он вместе со своими славными баронами и крепость, и сам дворец!

Загорелись у Гильома глаза, вспомнил он прекрасную Орабль и решил, что положит свою жизнь, но овладеет Оранжем.

– Как же вам удалось бежать, другой мой? – спросил он у Гильбера.

— Как-то утром, — ответил тот, — пришел ко мне в темницу басурманский страж. Что ни день бил он меня нещадно, а тут замешкался. Собрал я последние силы, схватил его за вихор и двинул ему по горлу так, что переломил кадык и разбил негодюю голову о каменную стену. Издох он на месте, я же выбрался из темницы на лестницу, а там — окно. Выпрыгнул я наружу, и, слава Творцу, никто меня не заметил.

— А видели ли вы Аррагона, герцог? — не унимался Гильом.

— Однажды видел, сеньор. Нет ужасней тирана — сам он кряжист и необъятен в плечах, лоб низок, а голова преогромная. На его пальцах такие длинные и острые ногти, будто это когти у дикого зверя. Всюду, где ни появится, истребляет Аррагон христиан. И если найдется герой, кто сможет взять Оранж и предать нехристя лютой смерти, тот не зря потрудится!

— Вижу, — задумался Гильом, — крепкий орешек этот Оранж! Но клянусь, что не

вкушу ни хлеба, ни вина, пока не войду в Оранж, не увижу дворец, не расправлюсь с Аррагоном и не возьму в жены прекрасную Орабль!

— Так-то так, сеньор, — вздохнул Гильбер, — но зряшная это затея! Когда бы вы сами побывали в крепости, да сосчитали басурманское воинство, да увидели, как высоки и крепки оранжские стены, то убедились бы сразу, что еще до ночи лишитесь жизни. Лучше откажитесь от безумных замыслов.

Дослушал Гильом, что говорит ему беглец, созвал своих людей и молвил:

— Вот, господа, путник, который расхвалил мне Оранж. Говорит, город богат, а дворец в нем роскошен. Жаль, отделен он от нас бурной Роной, не то я бы уже давно наведаясь в крепость да посмотрел, так ли все на самом деле.

— И не думайте об этом, — подтвердил Гильбер. — Даже если бы сто тысяч вас вышли отсюда, даже если бы вы были вооружены мечами и копьями, даже если бы

смогли преодолеть реку и не перетонули в ней все до одного, — все равно пришлось бы вам выдержать такую схватку, из которой никто бы не вышел живым! Оставьте безумные замыслы и отпустите меня домой. А я уж расскажу о ваших щедротах и гостеприимстве.

— Ну и ну! — воскликнул Гильом. — Вы же, герцог, сами меня раззадорили: наговорили столько чудес про город, а теперь отговариваете в него попасть! Нет, друг, уж погодите, успеете вы вернуться домой. А пока что мы сделаем вот что: поведете вы нас в Оранж — знаете вы там все ходы и выходы, изучили небось тамошние языки, турецкий да бедуинский. Не возьмем мы с собой ни скакунов, ни доспехов, оденемся как нищие и под видом бедняков проникнем в Оранж.

Услышал Гильбер графа и приуныл душой: куда угодно отправился бы он, не раздумывая, только не назад в Оранж, где столько бед и невзгод обрушилось на его голову!

Неожиданно поддержал Гильбера Бертран.

— Не надо безумствовать, дядя, — сказал он, — даже если вам удастся проникнуть во дворец, вас тотчас узнают сарацины по шраму на носу и сожрут вас без хлеба и подливки!

— А я не из трусливых! — крикнул в запальчивости Гильом. — Нет, я вовсе не желаю быть сожранным без хлеба и подливки, но всего сильнее хочу увидеть Орабль. Истомился я по ней с тоски, а кто любит, тот неразумен!

Велел он изготовить черную мазь, натолочь в нее всяких трав и натерся ею с головы до пят. Стал черен Гильом, как нубиец — никто не признал бы в нем французского рыцаря. Делать нечего — последовал и Гильбер его примеру. А тут как раз объявился младший племянник Гильома Гелен: давно хотел он, чтобы дядя испытал его в какой-нибудь переделке.

— Бог мой, да вы ли это, дядя? — воскликнул он. — Этак вы можете идти куда

захотите — никто вас не узнает! Но, клянусь вам, я скорей сто раз умру, чем останусь тут без вас и не побываю в Оранже!

Натерся он той же мазью, и все трое отправились в путь.

— Дядя уже дожил до первых седин, а все так же безумен, как в молодости! — вздохнул им вслед Бертран. — Боюсь, ждет нас большая беда, и, коль не поможет Всевышний, натерпимся мы еще сраму!

Достигнув Роны, пересекли путники поток — а он быстр в тех местах: чуть не опрокинулся на стремнине челн, и только ловкость и сила Гильома, умело орудовавшего веслами, спасла всех троих от гибели. Миновав леса и мелкие речки, добрались наконец французы до Оранжа. Уже издали увидели они высокие башни и резные дворцы; над дворцами, на куполах, парили золотые орлы. Из-за стен доносились крики линиялых соколов и пение певчих птиц, рев мулов и ржание жеребцов, шум сарацинского торга и оклики сторожевых воинов.

Гильбер подвел спутников к воротам, позвал привратника и сказал ему на местном языке:

– Открой нам ворота, привратник. Мы – толмачи короля Тибо. Прислал он нас из Африки с посланием племяннику его Аррагону.

– Ничего не знаю, – ответил привратник. – Не велено никому открывать, пока не даст на то разрешение сам государь. А вдруг вы на службе не у короля Тибо, а у Гильома, который прозван Железная Рука и Короткий Нос? Вон он как хитро овладел Нимом! Нет, пока не поговорю я с королем, открывать вам не буду.

– Ступай, поговори, – сказал Гильом, – да возвращайся поскорее.

Бросился привратник во дворец, отыскал Аррагона и сказал ему с поклоном:

– Ждут у ворот три турка. Говорят, что прибыли они морем из Африки и что послал их к вам сам король Тибо.

– Впусти же их поскорей! – обрадовался Аррагон. – Давно не было вестей от моего

дяди, надо мне их расспросить обо всем. Сдвинул привратник тяжелый засов и открыл перед путниками ворота. Плечом к плечу вошли смельчаки в Оранж, — но, прежде чем уйдут они отсюда, придется вдосталь хлебнуть невзгод лихому Гильому, отважному Гелену и ловкому Гильберу.

Меж тем, покуда темнокожие гости шли через город, смотрели им вслед сарацины и перешептывались друг с другом:

- Говорят, приплыли они из Африки...
- От самого Тибо Арабского...
- Добрые ли вести привезли гонцы?..
- Пошли за ними к дворцу, узнаем...

Толпа сарацин двинулась за приезжими, остановилась у дворцовой лестницы и стала ждать новостей, пока поднимались гости по мраморным ступеням в королевские покои.

— Всемогущий Бог! — воскликнул тем временем граф Гильом. — Никогда я не видел такого красивого дворца. Взгляните только, сколько здесь мрамора и серебра, золота

и драгоценных камней! Эй, окажись тут с нами Бертран да десять тысяч нашего войска, уж мы бы показали, на что способны!

Дошли они до зала, где восседал Аррагон в окружении бесчисленной свиты. Увидел граф толпу придворных и понял, что надо лгать хитро и умело, а иначе придет им конец.

— Храни вас Магомет! — воскликнул он, низко склонившись перед Аррагоном.

— Приблизься, — повелел король, — и отвечай, откуда ты взялся.

А Гильом придумал такую историю:

— Прибыть мне к вам велел ваш дядя, непобедимый Тибо Арабский. Добрались мы сначала до Нима, думая, что правят там, как прежде, Отран и Голиаф. Не ведали мы, что справился с ними проклятый француз Гильом Железная Рука, который ранил под Нарбонной самого Тибо, растоптал конем его штандарт и вынудил короля уплыть в Африку. Узнали мы со скорбью, что сразил славных королей графский меч,

что захватил француз город, — да и сами попали в западню. Посадил нас Гильом в темницу, а когда вызнал, что добираемся мы до Оранжа, отпустил нас к вам, король, и даже выкупа не стал брать, настолько он богат.

— Встретяся мне этот мерзкий христианин, — прервал его Аррагон, — я бы в тот же день казнил его, а прах развеял по ветру!

“Мне бы теперь лучше быть в Париже, — подумал граф. — О Господи, неужели пришел мой последний день?” А сам между тем сказал вполголоса своим спутникам:

— Кажется, мы попались. Один Творец способен нас теперь выручить.

— Дядя, — отвечал ему Гелен, — вы же сами сюда рвались, вы же сами хотели найти вашу любовь. Теперь ничего нам не остается, как просить у короля разрешения повидаться с принцессой.

— Как там мой дядя, король Тибо? — спросил тем временем Аррагон. — Оправился ли он от ран и что велел мне передать?

– Король здоров и передает вам, чтоб охраняли вы Оранж от врагов и берегли принцессу до его возвращения.

– Мне бы надо посоветоваться с Тибо, – задумчиво молвил сарацин, – теснит нас Гильом, не дают нам покоя его племянники. Клянусь Магометом, попади проклятый француз в наши руки, живо бы я его сжег, чтоб и духу от него не осталось!

“Мне бы теперь лучше быть в Реймсе или Лане”, – снова подумал граф, а язычники уже пригласили гостей за трапезный стол. Даже Гильом не видывал такого изобилия – всех, кто был в зале, накормил и напоил лучший королевский кравчий, а потом Аррагон усадил Гильома рядом с собой на скамью и стал расспрашивать о Железной Руке – вправду ли тот так смел и так богат, как передает молва.

– Верно, государь, – отвечал его темнокожий собеседник. – Не счесть серебра и золота в его казне – то-то и не захотел он с нас взять выкуп. А велел вам передать,

чтобы убирались вы в Африку, иначе и месяца не пройдет как явится он сюда и приведет с собой двадцать тысяч человек. Тогда никто вас не защитит — ни ваши стены, ни ваши воины. Убьет он вас в бою, а ежели возьмет в плен, то повесит на первом же дереве.

— Вздор ты несешь, гонец! — разъярился Аррагон. — Стоит мне только позвать — и явится со всех сторон подмога. Какие там двадцать — двести тысяч войска придут меня защищать. И не меня, а Гильома ждет конец. Повесим мы его и его племянников, а Ним снова будет нашим!

Будь с Гильомом верный его Дюрандаль — уж понаделал бы вспыльчивый рыцарь бед; однако подавил он в душе гнев и только буркнул сквозь зубы:

— Нет, турок, вовек не владеть тебе Нимом! А с тобой я еще посчитаюсь!

Поднялся граф со скамьи и почтительно обратился к королю:

— Дозвольте увидеть мне принцессу! Король Тибо велел передать ей несколько слов

в надежде, что она сменит гнев на милость и, когда он прибудет в Оранж, примет его как мужа.

– Совсем ума лишился мой дядя! – вздохнул Аррагон. – Он уже стар годами, а она юна и прекрасна!

И вот пошли трое гонцов по роскошным залам, мимо мраморных стен и колоннад, поднимались по прохладным лестницам и наконец, ведомые одним из слуг, оказались в большой башне Глорьетского дворца. На ее вершине был разбит обширный сад, росла в том саду высокая сосна – а в ее тени, на поляне, покрытой невиданными цветами, и нашли гости принцессу Орабль.

Граф только поглядел на нее – и понял, что не зря звало его сердце встретиться с принцессой, даже ценой смертельной опасности! Однако он себя сдержал и тихо произнес:

– Храни вас Бог, королева!

– Садитесь, сударь, – просто ответила Орабль. – Садитесь и вы, добрые рыцари, – сказала она Гелену и Гильберу.

— Да здесь суший рай! — воскликнул Гильом.

— Так бы и прожил тут всю жизнь! — добавил Гелен.

А Гильбер только вздохнул, вспомнив, сколько бедствий он претерпел рядом с этим чудесным садом, за толстой стеной темницы.

— Из каких земель вы пожаловали к нам, рыцари? — спросила принцесса.

Рассказал ей Гильом, откуда они якобы явились — и про короля Тибо, и про пленение их в Ниме.

— Вы видели Гильома! — не удержалась Орабль. — Расскажите же, кто он и почему прозван Железной Рукой?

— О госпожа, это несравненный воин, — ответил граф. — А его знаменитый меч даже великана рассечет надвое!

— Опасный он человек, — вздохнула Орабль. — Наверное, много у него владений, и будет счастлива та, которую он возьмет в жены.

В это время большой толпой пришли в сад сарацины – каждому хотелось поглядеть на гонцов, прибывших от самого короля Тибо, и расспросить их о жизни в дальних краях. И надо же такому случиться – оказался среди них один мавр по имени Салатре: угодил он к Гильому в плен, когда тот брал Ним. Однако удалось басурманину бежать – и теперь, признав в темнокожем гонце самого Гильома, а в одном из его попутчиков – графского племянника, юного Гелена, бросился он, ликуя в душе, прямо к Аррагону и закричал ему:

– Король! Милостив к нам Магомет – можете вы покрыть себя славой и отомстить тому, кто грозил мне казнью в несчастном городе Ниме! Знаете ли вы, государь, что это за гонцы? Один из них – Гильом Короткий Нос, от которого нам житья нету, юнец – это его племянник, третий же – тот самый французский маркграф, что провёл у нас в плену три года, да недавно сбежал. Уверен я, государь, что неспроста

они явились переодетыми и покрашенными чернью, а чтобы тайно ввести в Оранж свою рать!

— Докажи! — закричал Аррагон. — Докажи немедленно, а то шкуру спущу!

Тогда нечестивец Салатре стянул с себя парчовую рубаху и что есть силы хлестнул ею по лицу ничего не подозревавшего Гильома. Осыпалась с того подсохшая краска, и вновь посветлел он ликом.

Оторопел барон, а Аррагон вскочил с места и сказал, не скрывая ярости:

— Вот и кончились твои дни, Гильом, — опознан ты моим слугой, напрасно ты пробирался к нам за Рону. Клянусь Магометом, будешь ты сегодня же сожжен, а прах твой мы развеем с самой высокой нашей башни!

Побагровел Гильом от гнева, испугался Гелен, приуныл Гильбер, — оказаться бы им сейчас дома, в Ниме или Париже. Да нет — лицом к лицу с ними стоят сарацины, и нет ни секунды, чтобы решить, как выбраться

из этой западни. Тогда, не раздумывая, схватил Гильом одно из поленьев, что были приготовлены для очага, взметнул его над головой и одним ударом расколол череп Салатре.

— Монжуа! — закричал граф. — Монжуа, бароны! Рази врагов!

Бросился он с поленом наперевес в самую гущу язычников и стал крушить их направо и налево. Не раздумывали и его сообщники. Гильбер тут же проткнул своим дорожным посохом ближайшего нехристя, а соседу его переломил хребет — так, что тот мертвым отлетел прямо к дворцовой стене.

Не отстал от своих и юный Гелен — целый коридор пробил он клюкой в рядах неверных и до того их напугал, что бросились турки вон, застревая в дверях и стараясь поскорее отпихнуть друг друга в надежде укрыться от беснующихся французов. Те же повыгнали всех наружу, заложили дверь на засовы и подняли за цепь подъемный мост,

что соединял башню Глорьетского дворца с крепостью.

Так отважные лазутчики заточили сами себя внутри дворца, и нет им теперь отсюда выхода.

У Аррагона чуть ум не помутился от бешенства. Снова и снова бросал он своих воинов на штурм цитадели — обрушились на французов тучи копий, пролетающих над зубцами башни; попробовали было сарацины забраться наверх по приставным лестницам — но французы, не щадя себя, отталкивали лестницы от стен, сшибали язычников и топтали их во рву.

Не взять басурманам башни — отошли они от ее подножия, стали решать, как побыстрее овладеть им пленниками. Гильом же воспользовался минутой передышки, достал из-за пояса повязку и, надев ее на руку, отыскал в глубине сада принцессу Орабль, которая укрылась там со служанкой от внезапного сражения. Побледнела Орабль, увидев повязку, и вскрикнула:

– Граф, это в самом деле вы! Значит, вас разыскал мой гонец, о котором я больше не слышала ни слова!

– Да, госпожа, – ваш слуга не застал меня ни в Париже, ни в Нарбонне, и только в Ниме, когда разгромили мы Отрана и Голиафа, смог он наконец вручить мне ваше письмо и эту повязку. Я прочел письмо, принцесса, и поверил в нем каждой букве. А повязку надеваю нынче впервые: чует мое сердце – наступил для меня решающий день, и я буду молиться, чтобы ваша любовь, как вы того и желали, сохранила меня в бою! А постельничий ваш цел и невредим и прибудет к вам, если только мы выберемся из этой западни.

– Милый граф, – сказала Орабль, – я была уверена, что мы свидимся с вами; с тех пор как вы изгнали Тибо Арабского, не было мне покоя, не могла я ни пить, ни есть и мечтала о нашей встрече. Однако я и думать не хочу, Гильом, что, вас увидев, могу вас тут же лишиться! Пойдемте со мной, граф!

Провела она Гильома в свои покои — а там, в большой комнате, стоял у стены ларь. Открыла его принцесса и подала рыцарю бронь из кованых колец, да вызолоченный зеленый шлем, да крепкий щит, да острый меч.

— Вот теперь я готов к бою! — воскликнул Гильом.

— Постойте, сударь! — окликнула его Орабль. — Здесь найдутся доспехи и для ваших друзей!

Вскоре Гелен с Гильбером тоже красовались в знатных латах и сжимали в руках мечи и копья. И вовремя! Пока готовились они к бою, приставили сарацины множество лестниц и со всех сторон взобрались на башню. Тут-то и показали французы, на что способны настоящие рыцари! Когда сломались копья, взялись они за мечи и пошли рубить сарацин, как ветви на деревьях. Выбили у Гелена меч из рук — Орабль со служанкой уже несут ему секиру. Не сосчитать потерь у язычников, бросились они назад,

к лестницам, да немногие уцелели. Всех изгнали рыцари из башни, а трупы убитых сбросили следом в глубокие рвы.

Поняли нападавшие, что не сладить им с отважными французами, и закричали королю Арагону:

— Миритесь, государь, с недругами, а то всех нас они перебьют!

Испугался король и что есть силы закричал снизу:

— Эй, где ты, Гильом? Освобождай Глорьетский дворец и уходи восвояси. Если сам уйдешь — отпустим тебя с миром. А не захочешь — пеняй на себя: разложим мы внизу большой костер и сожжем тебя вместе с твоими сотоварищами!

— Вздор ты несешь, король! — отвечал ему сверху Гильом. — Здесь надолго хватит разных припасов — хлеба и сыра, мяса и вина. К тому же нашли мы тут целый склад оружия, видимо-невидимо щитов и копий — вдосталь, чтобы сразиться и с тобой, и со всей твоей оравой! А чтобы время

скоротать, есть у нас тут и дамы. Так что мы повременим, король. Подождем немного, пока придут мой старший племянник Бертран и сам Людовик. Едва долетит до них молва, что вы держите нас в осаде, каждый из них соберет двадцатитысячную рать и двинет нам на помощь все войска до последнего воина. Тогда уже ничто не защитит твой Оранж, а сам ты будешь предан позорной казни!

Совсем перепугался король. Собрал совет, стали язычники решать, как выбить врага из дворца, да ничего не могут придумать. И тогда пришел к Аррагону один из местных стариков и сказал ему так:

— Великий король! Не губите своих бойцов, не возьмете вы приступом Глорьетский дворец. Строил его весьма искусный зодчий Грифен Альмерийский, а уж он так сложил мраморные плиты этой башни, что не сокрушит ее ни сталь, ни огонь. Однако поможет нам совладать с Гильомом хитрость. Я знаю, что строитель вывел из башни

в город подземный ход. Все про него забыли, и только я могу вам показать потайные двери, через которые вы попадете прямо во дворец.

— Хвала Магомету! — вскричал Аррагон. — Я озолочу тебя, старик, если мы овладеем башней и покончим с кичливыми французами!

Бросил он на новый штурм своих мавров, чтобы отвлечь на них баронов, а сам с десятью сотнями бойцов отправился вслед за провожатым и спустился в неведомое подземелье. Зажгли язычники факелы и свечи, долго шли по подземным переходам, пока не очутились в самом центре волшебного сада на вершине Глорьетской башни. Спихнулись французы — да поздно. Ворвались язычники, окружили со всех сторон отважных рыцарей, а те встали спиной к спине и решили драться до последнего.

— Не избежать нам сегодня смерти! — вскричал Гильбер.

– Это Орабль нас предала! – воскликнул Гелен.

– Что ж, пусть про нас не скажут, что мы погибли как трусы! – промолвил Гильом.

И приняли они бой. Разили без промаха мечами, подставляли щиты под удары копий – но где троим выстоять против тысячи! Навалились толпой сарацины, скрутили что есть силы воинов и связанных бросили у ног своего короля. А тот уже повелел слугам вырыть во дворе глубокую яму и развести в ней жаркое пламя, чтобы немедля сжечь пленников на костре.

Тогда появилась Орабль и сказала Аррагону:

– Отдайте пленников мне, король. Они ворвались в мои покои, они осквернили мой дворец – пусть же сгниют на цепи в подвале под моей башней!

– Нет, королева! – ухмыльнулся Аррагон. – Ведь это вы снабдили христиан оружием, не так ли? Это вы, на мою беду, собирались им помогать, кормить их и поить,

чтобы дождались они подмоги! Нет, королева, не отдам я вам пленников!

— Мальчишка! — в ярости крикнула ему принцесса. — Ты вздумал спорить со мной, будущей женой короля Тибо Арабского? Да не будь здесь наших баронов, я бы тебе показала, что значит меня ослушаться! Запомни, что тебе скажу: держи их у себя в тюрьме, если того хочешь, но убивать не смей. Дождись, пока прибудет сюда Тибо, тогда и решит он участь Гильома. Он сам должен отомстить своему недругу!

— Будь по-вашему, — смирился Аррагон и отправил графа Гильома, юного Гелена и отважного Гильбера в темницу под одной из башен. Вновь оказался Гильбер в каменном мешке — разве что был он на сей раз не один.

А предводитель сарацин решил не томиться ожиданием и без промедления снарядил гонцов за море, к королю Тибо. Добрались гонцы до Роны, сели там на быстрый корабль, взмахнули веслами — и понеслось

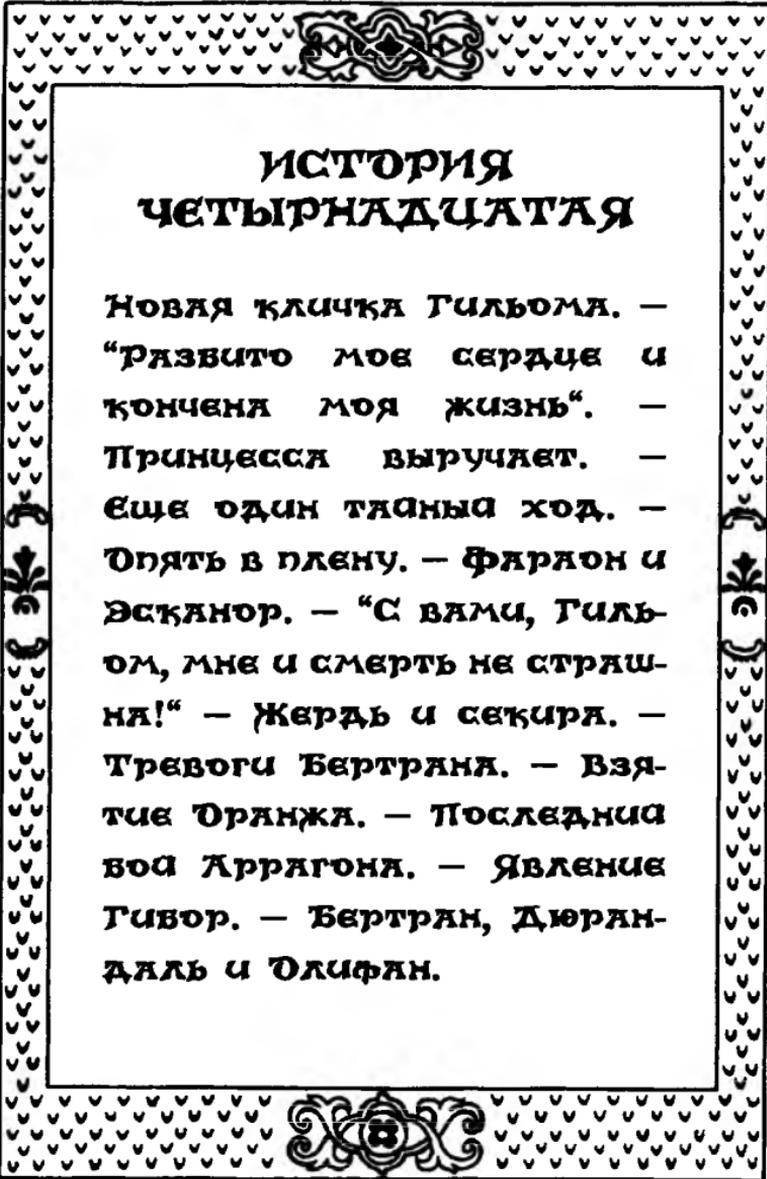

судно к морю. А доплыв до моря, подняли язычники паруса и с попутным ветром направились напрямиком в Африку, в богатый Водон, знаменитую африканскую столицу.

Трепещет парус над волной,
Волна струится за кормой.
А мы рассказ продолжим свой,
Аой!

ИСТОРИЯ ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Новая кличка Гильома. —
“Развито мое сердце и
кончена моя жизнь”. —
Принцесса выручает. —
Еще один тяглый ход. —
Опять в плену. — Фараон и
Эсканор. — “С вами, Гиль-
ом, мне и смерть не страш-
на!” — Жердь и секира. —
Тревоги Бертрана. — Взя-
тие Оранже. — Последний
вой Аррагона. — Явление
Гивор. — Бертран, Дюран-
даль и Олифан.

пущены паруса, подняты из воды весла — прибыли гонцы к Тибо Арабскому. Вышел король им навстречу и услышал такие новости:

— Зовет вас, король, наш властитель и ваш племянник Аррагон — ждет вас в нетерпении и передает вам радостные вести. Угодил к нему в плен проклятый Гильом, сын Эмери Нарбоннского. Пробрался он в Оранж под видом вашего гонца — хотел хитрец завладеть нашей твердыней, как прежде сумел завладеть Нимом. К тому же решил он жениться на вашей невесте, красавице Орабль, и покорить весь наш край. Но не сбился его адский замысел. Раскрыли мы его и двух его путников, вступили с ними в бой, и хоть много наших уложили

христиане, но был к нам милостив Магомет — удалось Аррагону пленить французов, и теперь сидят они в темнице. Зовет вас племянник, король, чтобы вы сами решили, какой смерти предать врагов, и отметили бы вместе эту великую победу!

Подбежал Тибо к гонцам, обнял каждого и вскричал, не сдерживая радости:

— Спасибо вам, друзья! Принесли вы мне счастливую весть и получите вдоволь серебра и золота. Вы же, бароны, — крикнул он своим вассалам, — беритесь за оружие, снаряжайте корабли — сей же час плывем мы к моему дорогому племяннику Аррагону и предадим позорной смерти кичливого Гильома. Звался он Железной Рукой и Коротким Носом, а теперь будет зваться Гильомом, лизавшим башмаки королю Тибо!

Рассмеялись сарацинские бароны и стали готовиться к отплытию. Собрал Тибо всех, кто был под рукой, — диких сутрийцев, нечестивых альмерийцев, воинственных

эскалморов, грозных альморавидов, а также персов, турок и бедуинов, — собрал шестьдесят тысяч головорезов и погрузил всех на суда. И дня не прошло, как подняли сарацины паруса, выбрали якоря и, гонимые попутным ветром, поплыли на север.

И пока воины короля Тибо приближались к берегам Франции, Гильом, Гелен и Гильбер томилась в темнице под одной из башен неприступного Оранжа.

— Боже всеправый! — кручинился граф. — Пропали мы, друзья. Отправят нас на казнь, и ничего про нас не узнают ни король Людовик, ни племянник мой Бертран, который благоразумно остался оберегать Ним. Не знаю, как дать им весточку, — уж они собрали бы наших воинов и пришли нам на подмогу.

— Что попусту печалиться, дядя, — вздохнул Гелен. — Вы нас сюда привели ради той, которая нас и предала. Вот и просите теперь принцессу, чтобы она нас выручила.

— Не шути так зло, мой мальчик, — ответил Гильом. — Разбито мое сердце и кончена моя жизнь.

Ничего не оставалось французам, как только проклинать свой удел и яриться на тюремщиков. Шумно бранили они басурман и не услышали, как отворилась дверь и внезапно перед оторопевшими пленниками появилась принцесса Орабль.

— Не кричите, господа, — сказала она тихо, но твердо. — Замышляет Аррагон, не дожидаясь появления Тибо, предать вас смерти, хочет вас казнить прямо ночью или на заре.

— Это вы нас предали, — вскипел Гелен, — так что можете радоваться вместе с вашим поганым Аррагоном!

Вздохнула Орабль и взглянула с укоризной на юного француза:

— Напрасно вы оскорбляете меня, юноша. Не я ли дала вам оружие, не я ли поила вас и кормила, чтобы вы сумели выдержать осаду, пока не подойдет к вам подкрепление?

Не я ли спасла вас от костра и принудила Аррагона отложить вашу казнь? А вы, Гильом, — неужели и вы, как ваш племянник, считаете меня изменницей? Покажите мне вашу правую руку, граф, — я вижу на ней мою повязку, которая должна вас хранить от ран и от смерти. Скажите же, что вы любите меня по-прежнему, — и я избавлю вас от неволи!

— Госпожа, — вскричал Гильом, дрожа от радости, — клянусь вам, что только ради вас подверг я себя и моих спутников смертельной опасности. Я готов повиноваться вам, принцесса, и возьму вас в жены, как только мы избавимся от наших ненавистников!

— Мне большего не надо, — ответила Орабль и открыла перед пленниками дверь подвала.

Минуты не прошло, как, миновав спящих стражников, бароны уже поднимались вслед за своей избавительницей по лестнице Глорьетского дворца и вновь оказались в башне, где их недавно пленили басурмане. Вновь

закрыли французы дверь, заложили ее покрепче, завалили и потайной ход, по которому ворвались во дворец язычники; и устроила им Орабль маленький пир: накормила их вдосталь, — и вернулись к баронам силы и надежды.

Одно им было неведомо: выследил их лукавый мавр из тех, что несли охрану Глорьетского дворца. Бросился он к Аррагону и поведал ему обо всем, что увидел.

— Принцесса опять вас предала, — сказал он королю. — Опоила она стражников снотворным зельем, открыла двери темницы и отвела пленников украдкой к себе в башню. Сейчас она кормит их у себя в покоях, чтобы поднабрались бароны сил и дождались подмоги.

— Ты лжешь, наглец! — разъярился Аррагон.

— К чему мне клеветать? — отвечал мавр. — Я сам видел, как держал граф принцессу в объятиях — он ей милее вашего дяди да и любого другого язычника.

Король чуть с ума не сошел от гнева, собрал военный совет, и стали сарацины думать, как им покарать королевну и предать смерти дерзких французов.

— Вот что нужно сделать, государь, — сказал один из его вассалов. — Христиане устали и после обильных яств и вин уснут как мертвые. Прикажите нашим воинам приставить к стенам лестницы и украдкой подняться во дворец. Второй раз французы от нас не уйдут!

Все рассчитали сарацины, но не ведали они того, о чем говорила тем временем принцесса Орабль. А она, когда наконец бароны насытились, им молвила:

— Не знаю, храбрые рыцари, может, есть у вас другой план, как отсюда выбраться, — я же хочу вам открыть тайну: известно мне, что есть под башней еще один подземный ход и ведет он не в город, а за крепостную стену, прямо на берег Роны. Никто про этот ход не знает — а то ваши враги уже давно бы здесь были. Бегите,

граф, бегите, отважные Гелен и Гильбер, — я же буду ждать, когда вы придете за мной как победители!

— Нет, госпожа, — не раздумывая, ответил ей Гильом, — я не могу вас покинуть и отдать на растерзание нехристям. А вы, племянник, отправляйтесь немедленно в Ним к Бертрану и ведите его на помощь.

— Да за кого вы меня принимаете, дядя? — обиделся Гелен. — Неужели же я оставляю вас одного в этом логове? Нет, мне будет милее погибнуть рядом с вами, чем оказаться сей миг в Ахенской капелле!

— Тогда слово за вами, Гильбер! — сказал Гильом герцогу. — Выручайте нас, вы уже убегали однажды из Оранжа и быстро найдете дорогу к Ниму.

— Если на то ваша воля, сударь, — учтиво ответил Гильбер.

— Ступайте, — воскликнул Гильом, — передайте моему племяннику, чтобы он неотложно шел нам на выручку. Не то не увидит он больше ни своего брата, ни своего дядю!

Не мешкая, собрался Гильбер в путь, и Орабль, подойдя к одной из колонн, сдвинула в ней плиту, за которой открылся проход шириной в сажень.

— Спускайтесь, — сказала Орабль гонцу, — и идите, куда бы ни вел вас коридор, пока не доберетесь до трех колонн. За ними увидите в стене лаз, который выведет вас прямо к Роне.

Принцесса протянула Гильберу факел, и через миг гонец исчез во мгле подземелья. Пробравшись по запутанным коридорам, он достиг трех колонн, что поддерживали свод высокой пещеры, а за ними увидел в стене узкий ход и вышел по нему за стены Оранжа, на берег Роны. И пока пересекал беглец ее бурные волны, Орабль, Гильом и Гелен расположились под высокой сосной в надежде, что рано или поздно приведет Гильбер подмогу и явится в Глорьетский дворец отважный Бертран во главе своего войска.

Однако явились во дворец не французы, а басурмане. Не слышали пленники, как тихо

приставили язычники к стенам башни высокие лестницы, как безмолвно поднялись они наверх, как окружили со всех сторон волшебный Глорьетский сад и напали врасплох на Гильома и Гелена. Те и охнуть не успели, как оказались крепко-накрепко связаны по рукам и ногам. И когда появился во дворце вслед за своими воинами король Аррагон, один из его вассалов по имени Фараон вскричал:

— Внемлите моим словам, достославный король! Не стоит больше испытывать судьбу. Не медлите с казнью нечестивцев! Великий Тибо Арабский оставил вас здесь полноправным властелином, вы сами вольны решать, как поступить с пленниками. Злодеи замыслили взять ваш город и убили сотни наших людей. Остальные предадут вас позору, коль французы сейчас же не умрут под топором, а принцесса не будет сожжена как изменница!

Другой советник Аррагона, седовласый Эсканор, возразил Фараону:

— Негоден ваш совет, сударь. Не следует позволять себе безумства, иначе сотворим непоправимое. Умен и отважен король Тибо, и, когда поставил он вас, Аррагон, охранять Оранж и окрестный край, рассчитывал он на вашу мудрость и выдержку. Если же вы предадите казни его невесту, то взыщет он за своеволие и с вас, и со всего нашего народа. Заключите в тюрьму и французов, и королевну — пусть их там держат до приезда Тибо Арабского.

Прислушался Аррагон к словам старца. И вновь оказались в темнице могучий граф и отважный его племянник. Только теперь, вместо Гильбера, составила им компанию сама королевна.

А Тибо Арабский со своей шестидесяти-тысячной ратью пересекал бурное море. Перекликались на судах рога и басовитые трубы, свистел в снастях попутный ветер, ржали на палубах скакуны, кричали мулы, клекотали на насестах ястребы. На десять миль вокруг стоял шум и гвалт.

И пока веселились африканцы в предвкушении скорой расправы над ненавистным им графом Гильомом, тот тихо вздыхал в подвале оранжской башни, глядя на бедную Орабль и понимая, что не в силах ей помочь.

— Эх, сеньор Гильом! — сокрушалась тем временем принцесса. — Вот чем обернулась ваша смелость, и меня посадили вместе с вами в темницу!

— Конечно, — возмутился Гелен, — было бы вам лучше сидеть наверху и не знать забот!

— Будь у меня развязаны руки, — воскликнул Гильом, — вздул бы я вас сейчас хорошенько, племянничек!

— Не спорьте, господа, — ответила Орабль, — не о том я кручинюсь, что оказалась с вами в подвале, а о том, что можем не дожидаться мы помощи. С вами, Гильом, мне и смерть не страшна!

— Как бы не так! — вскипел Гелен. — Вас-то небось помилуют, а уж мы вряд ли теперь доживем до завтрашнего дня.

Услышав их спор и заподозрив неладное, ворвались в подвал сорок нехристей, заставили они пинками подняться с земли Гильома и Гелена и потащили их в зал на потеху Аррагону и его свите.

— Ну как вам у нас в гостях? — засмеялся Аррагон. — Нравится? Что, господа, подельваете? О чем спорите?

— Ты трус, король! — воскликнул Гильом. — Легко тебе потешаться над связанными пленниками. Вели нас развязать, все равно мы безоружны.

— Не делайте этого, государь! — завопил Фараон. — Эти два наглеца ни в грош вас не ставят. Коль вы развяжете им руки, уж они найдут возможность нам отомстить.

Но эти слова только раззадорили Аррагона.

— Вот и поглядим, как они с нами будут говорить и хватит ли у них хваленой учтивости! — так ответил Аррагон Фараону и повелел слугам развязать пленников.

— Лучше бы вы четвертовали их, государь, — не унимался Фараон. — Право слово, было бы спокойнее нам всем.

Гелен, почувствовав, что его руки снова свободны, уже не мог сдержать накопившийся гнев, — стиснув зубы, он отбросил от себя стражу, метнулся к обидчику, сгреб его левой рукой за волосы, а правой так ударил в висок, что рухнул Фараон замертво.

— Схватить их! — заверещал Аррагон. — Смерть злодеям!

Однако Гелен уже сжимал в руках секиру, которую успел выхватить из-за пояса мертвеца, и крикнул королю:

— Пошел прочь, поганец! Теперь со мною такой сотоварищ, что бой не кончится для вас добром!

В этот миг в двери вошло двое слуг, которые несли на жердях бадью с вином, дабы попотчевать веселившихся вельмож. Увидев же в руках Гелена секиру, бросили они свой груз и со всех ног кинулись наутек. А Гильому того и надо — схватил он одну

из жердей, завертел ею над головой и принялся косить ряды врагов, не давая подняться тому, кто подвернулся под удар.

От неожиданности такой ужас овладел сарацинами, что бросились они восвояси, увлекая за собой короля и его вельмож. И вновь оказались храбрые французы победителями — опять заложили они дверь на запов, опять стали хозяевами Глорьетской башни.

Но пора уже нам вспомнить про Бертрана. Пока его дядя и младший брат так отважно сражались с сарацинами, Бертран места себе не находил. Не было от них никаких вестей, и это молчание внушало Бертрану скорбь и тревогу.

— Напрасно, дядя, пошли вы в Оранж, — вздыхал Бертран. — Боюсь, нашли вы смерть в чужой земле. Как ни хороша принцесса Орабль, но грешно за женскую красоту жертвовать жизнью, которая так нужна нашей милой Франции! Страхусь, что остался я одинок в стране, где у меня нет родни

и никто не подаст мне доброго совета. Но не того опасуюсь, что нападут на Ним язычники, а того, что, коли придется мне вернуться в Париж и спросит меня Людовик: "Где твой дядя Гильом и брат Гелен?" — должен буду я ответить: "Отпустили мы их на смерть в Оранж и не смогли защитить!"

Томится Бертран от гнева и тоски, не знает, как ему поступить, а тем временем по мраморным ступеням Нимского дворца уже взбегает отважный рыцарь Гильбер. И двух минут не прошло, как узнал Бертран обо всем, что случилось в Оранже; сменилась его тоска яростью — и закричал он громовым голосом:

— К оружию, бароны!

Пятнадцатитысячное войско вывел Бертран за Нимские ворота — вскочили рыцари на испанских и сирийских скакунов, домчались без передышки до берегов Роны, погрузились на лодки и суда и плыли, пока не завиднелся Оранж. Незаметно подвел Бертран свое войско к стенам города, отобрал

самых крепких и ловких воинов и, оставив остальных дожидаться сигнала, повел смельчаков вслед за Гильбером ко входу в подземелье.

Один за другим вошли они в узкий лаз и добрались под землей до стен Оранжа. Вот и высокая пещера, свод которой поддерживали три колонны. Наконец, по запутанным коридорам провожатый вывел их к выходу из колонны, на которой была сдвинута одна из плит.

И когда Гильбер, а за ним и Бертран оказались в башне, Гильом бросился им навстречу, обнял и, не сдерживая слез, воскликнул:

— Внял Бог моим молитвам! Хвала принцессе Орабль, которая вновь выручает нас из беды!

— Дядя! — закричал Бертран. — Вы живы!

— Жив, дорогой племянник, хотя и не чаял вновь вас встретить.

— Теперь мы с лихвой отомстим, дядя, за ваши беды! Вот ваш Дюрандаль,

а вот — Олифан: заждались они своего хозяина и рвутся в бой!

Поцеловал Гильом клинок Дюрандаля, поднес к устам звучный Роландов рог — и раздался с Глорьетской башни призыв Олифана: слышали его французы и ринулись из засады к городской стене. А граф Гильом ни минуты не промедлил — опустил подъемный мост и открыл своим войскам вход во дворец.

Широкой рекой влились в Оранж нимские воины. И вновь, как в прежние годы, зазвучал со всех сторон знаменитый клич:

— Монжуа!.. Монжуа!..

От него бросило в дрожь неверных. Схватились они за оружие, но дать отпор противнику уже не могли. По всем оранжским улицам растеклись французские отряды. И, как некогда в Ниме, разгорелся в городе беспощадный бой. Недаром боялись мавры Гильомовой хитрости: но они не ведали, что ныне, кроме отваги и доблести, могучего барона вела к победе любовь принцессы Орабль.

И когда Аррагон понял, что терять ему нечего, вскочил он на скакуна, взял стальной щит, вырвал у одного из павших копье и бросился прямо в сечу. Тут-то и припомнили бароны, что рассказывал про сарацинского короля беглец Гильбер. Огромная голова короля, укрытая крепким шлемом, казалась булавой — если не брало противника копье, то в ближнем бою бил Аррагон соперника головой, и острие шлема протыкало насквозь и кольчугу, и тело. Когда же были поломаны и щиты, и копья, набрасывался король на французских рыцарей, обхватывал их руками и раздирал им горло длинными и острыми ногтями, как за обедом раздирал он павлина, журавля или перепела.

Дрогнули французы, видя дело его рук, и только Бертран еще больше разъярился. Налетел он на Аррагона и занес клинок, чтобы снести ему голову. Но король прижался к шее скакуна, и просвистел меч, ничуть его не задев. В тот же миг схватил Аррагон Бертрана за пояс и с такой силой

сдернул его с коня, что лопнула у француза подпруга и рухнул он на землю. Но не впервой Бертрану бывать в таких переделках — первым прыжком вскочил он на ноги, а вторым взлетел на Аррагонова скакуна, усевшись на круп позади короля. Схватил он Аррагона сзади за горло и не отпускал до тех пор, пока не издох его противник в мощных объятиях французского рыцаря.

Возликовал граф Гильом, увидев такую расправу над своим врагом, и, не дожидаясь конца сражения, бросился назад в Глорьетский дворец, дабы освободить из темницы красавицу Орабль. И когда рассеялись остатки сарацинского воинства и очистили французы Оранж от последнего басурманина, подвел он ее к Бертрану и молвил:

— Эта прекрасная дама спасла мне жизнь. Я же поклялся ей в верности и пообещал, что возьму ее в жены.

— Тогда грешно медлить, дядя, — рассмеялся Бертран. — Вы должны сегодня же исполнить ваше обещание!

В тот же день крестили французы Орабль и нарекли ее христианским именем Гибор. До того она была умна и хороша собой, что сложили про Гибор добрые песни, которые распевали по городам и весям странствующие жонглеры. Говорили, что знала Гибор четырнадцать языков, могла говорить и писать по-гречески и по-армянски, по-бургундски и по-сарацински; знала она магию и волшебство и так украсила Глорьетский дворец, что поглядеть на его чудеса сходились паломники со всех концов света. Прожила она с Гильомом тридцать лет и родила ему десять сыновей. За эти годы во многих сражениях побывал отважный граф и на многих врагов наводил он ужас одним своим именем.

Однако в разгаре свадебного пира, который продолжался в Оранже семь дней и семь ночей, подозвал он к себе племянника Бертрана и сказал ему при гостях:

— Милый Бертран! Остаюсь я в Оранже — править здесь вместе с женой моей Гибор

и охранять край от неверных. Вам же я отдаю славный город Ним — берегите его от врагов и распрей. Я видел, Бертран, как вы рассчитались со зловредным Аррагоном, да и прежде не раз восхищался вашим мужеством и рыцарской отвагой. Завещал мне мой отец Эмери Нарбоннский, когда придет срок, передать Дюрандаль и Олифан самому доблестному воину. Возьмите их, Бертран, и помните: тот не знает поражений, у кого в сердце поровну и доблести, и благородства!

Снял Гильом с пояса могучий Дюрандаль и вложил его в руки Бертрана. А потом поднес племянник к своим устам звучный Олифан — и поплыл над Оранжем мощный голос древнего рога.

Не успел он затихнуть, как вбежали во дворец запыленные гонцы и закричали с порога:

— Граф Гильом! Подошли к берегу корабли короля Тибо Арабского. Собирайте скорее воинов!

– Ну вот вам и дело, Бертран, – улыбнулся Гильом. – В добрый путь! С вами теперь Дюрандаль и Олифан, а значит, с вами – победа!

Дворец ликует. Пир горой.
Спешит герой на новый бой.
А мы рассказ закончим свой,
Аой!

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ ПЕРВАЯ

6

Роща святого Генифора. — “Имей франка другом, но не имей соседом”. — Дезидерий и Октер. — Железный Карл. — Тайна восковой таблички. — Роланд родился! — Отчим и пасынок. — Роланд у Карла. — Поединок, подстроенный Ганелоном. — Явление Дюрандаля. — Станный посланец султана Абдуррахмана. — Маркграф Бретонской марки.

ИСТОРИЯ ВТОРАЯ

42

“Монжуа! Монжуа!” — Совет у Марсилия. — Бланкандрен снаряжает посольство. — Оливковые ветви и коварные замыслы. — “Дай Бог ему спастись!” — Совет у Карла. — Горькая судьба Базана

и Базилия. — “Не след отвергать просьбу побежденного”. — Кто поедет к Марсилию? — Выбор короля. — Случай на охоте. — “Ты не замена мне, Роланд!” — Королевская перчатка.

ИСТОРИЯ ТРЕТЬЯ

66

По дороге в Сарагосу. — Сговор. — Речь Ганелона. — “Не грозить ему должно, а внимать!” — Письмо Карла. — Две клятвы. — Меч, шлем и серьги. — Звук Олифана. — “Я вернулся живым, но тебе живым не бывать!” — Ключи от Сарагосы. — Лев султана Абдуррахмана. — Вещие сны Карла. — Коварный совет Ганелона. — По две стороны Пиренеев.

ИСТОРИЯ ЧЕТВЕРТАЯ

95

Два племянника. — Перчатка Марсилия. — Сарацинская броня и сарагос-

ские шлемы. — Дозор Оливье. — “Позор бегущему!” — Три призыва к Роланду. — Олифан и Дюрандаль. — Святые страдальцы. — Тень Ганелона. — Аэльрот, Фальзарон и другие. — “Вот бой так бой!” — Явление Альтеклера. — Три меча. — Две Бури.

ИСТОРИЯ ПЯТАЯ

124

“Сам я не трус и трусов не терплю!” — История Гроссаля. — Адская Бездна и Святая Секира. — Пятый бой. — Три призыва к Оливье. — “Мало быть смелым, надо быть и разумным”. — Последнее предательство Ганелона. — Ответ Олифану. — Рука Марсилия и копье альгалифа. — Смерть Оливье. — Король возвращается. — Бегство арабов. — Благословение Турпена. — Прощание с Дюрандалем.

ИСТОРИЯ ШЕСТАЯ

162

“Где вы, друг мой Роланд?” — День продлевается. — Еще один сон Карла. — В Сарагосе и в Александрии. — Явление Балигана. — Вторая перчатка Марсилия. — Возвращение в Ронсеваль. — Дюрандаль, Олифан и граф Эмери. — Вызов эмира. — Карл собирает полки. — Мальприм и Канабей. — “Не спасут нас наши боги!” — Жуайёз и Пресьоз.

ИСТОРИЯ СЕДЬМАЯ

200

Смерть Марсилия. — Главная добыча. — Прах героев. — По дороге к замку Эйи. — “Проклятый изменник!” — Смерть Альды. — “Никого, кроме нас с вами, граф!” — Чудо с башней. — Суд на Сильвестров день. — Пинабель и Эмери. — Казнь Ганелона. — Берта и Милон. — Прощальный глас Олифана.

ИСТОРИЯ ВОСЬМАЯ

224

Новые лица: Людовик Благочестивый и Тибо Арабский. — Призыв Карла. — “Вижу, что родила я не труса!” — Замыслы Тибо. — Штурм Нарбонны. — Встреча по дороге в Париж. — Пятнистый. — Гильом и Акильян. — Кречет третьей линьки. — На холме и во дворце. — Рубиновый перстень. — Отран и Голиаф. — Засада. — Талисман. — Бернар спешит на помощь. — Выбор принцессы Орабль.

ИСТОРИЯ ДЕВЯТАЯ

267

Позор короля Тибо. — Глас Магомета. — Перемирие. — В тени оливы. — Чудеса Глорьетского дворца. — “Дело решенное”. — Тайное письмо и колдовство Орабль. — Маленькие защитники Нарбонны. — Арабчонок. — Тем временем в Сен-Дени... — “Что это за смуть-

ян?" — Бой на палках. — Посвящение в рыцари. — Гонец из Нарбонны. — Гильом и Тибо. — Опять Париж.

ИСТОРИЯ ДЕСЯТАЯ

317

Заветы Карла. — Рим. — Паломник или воин? — У короля Галаффа. — Эмир Корсольт. — "Плохи наши дела..." — Перед поединком. — Алион. — Льгота. — "Смелее, граф!" — Гибель Пятнистого. — Последний удар. — Гильом Короткий Нос. — Уловка Галаффа. — Дочь короля Гефье. — Смертный конец и случайный венец.

ИСТОРИЯ ОДИННАДЦАТАЯ

349

Карл умирает. — Пилигрим. — Тур открывает ворота. — Встреча с Людовиком. — Бертран и Энселен. — Лживая клятва Ришара. — Поединок по дороге. — Новые гонцы. — Возвращение

в Рим. — Туман сгущается. — Злодейство и смерть короля Гвидо. — Мечты и явь.

ИСТОРИЯ ДВЕНАДЦАТАЯ

378

Встреча у моста. — Дары государя и честь рыцаря. — “Стыд мне и срам, если я здесь останусь!” — Четверть милой Франции. — Как завоевать мир и казну. — В поход! — Уловка Бертрана. — Ремесло погонщика. — Рыночная площадь. — Хитрый Тиакр. — Сомнения и насмешки. — Товар и покупатели. — И вновь звучит Олифан.

ИСТОРИЯ ТРИНАДЦАТАЯ

410

Гильом тоскует. — Беглец из Оранжа. — Безумные замыслы. — “Кто любит, тот неразумен”. — Три нубийца. — У короля Арагона. — Гильом о Гильоме. — Нечестивец Салатре. — В бой вступают

поленья. — Повязка, ларь, любовь и отвага. — Тайный ход. — Орабль держит речь. — Паруса и весла.

ИСТОРИЯ ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

444

Новая кличка Гильома. — “Разбито мое сердце и кончена моя жизнь”. — Принцесса выручает. — Еще один тайный ход. — Опять в плену. — Фараон и Эсканор. — “С вами, Гильом, мне и смерть не страшна!” — Жердь и секира. — Тревоги Бертрана. — Взятие Оранжа. — Последний бой Аррагона. — Явление Гибор. — Бертран, Дюрандаль и Олифан.

Говорят, были на земле времена, когда
честь ценилась дороже жизни, а за
верность не было награды выше любви.

Говорят, что в ту пору даже черное
злодейство решалось иногда на открытый
бой, и гремела сталь, и кровь лилась на
доспехи, но смирял свой гнев
победитель, а поверженный враг уходил
живым. Славные времена!

Не сосчитать поколений, что выросли,
зачитываясь легендами о древних героях,
однако всякое время находило для их
подвигов свои слова. Вот и теперь
отмеченные изображением единорога
книги поведут рассказ о старине для
нынешних ребят.

Серия "UNICORNIS" предлагает:

**"БЛАГОРОДНЫЙ КОРОЛЬ АРТУР И ЕГО
ДОБЛЕСТНЫЕ РЫЦАРИ"**

рыцарский роман по мотивам легенд о
короле Артуре и рыцарях Круглого стола

"ЧУДЕСНОЕ ПЛАВАНИЕ БРАНА"

повествование по мотивам ирландских
саг о путешествиях короля Брана

"ПОВЕСТЬ О ЗИГФРИДЕ И НЕБЕЛУНГАХ"

прозаический пересказ песни о Нибелунгах

"САГИ О НЕВЕДОМЫХ ЗЕМЛЯХ"

три повести по мотивам исландских саг
о путешествиях и приключениях викингов

"СКАЗАНИЕ О САСУНСКИХ БОГАТЫРЯХ"

прозаический пересказ армянского
героического эпоса

"ПОЕДИНОК СО ЗМЕЕМ"

пересказ славянских и скандинавских
языческих мифов

Литературно-художественное издание

Михаил Давидович Яснов
Рог Роланда и меч Гильома

Редактор *Андрей Петрович Ефремов*

Художник *Александр Михайлович Лыткин*

Художественные редакторы

Татьяна Владимировна Кейн

Владимир Альбертович Медведев

Консультант-историк *Сергей Евгеньевич Еременко*

Технический редактор *Владимир Альбертович Медведев*

Корректоры *Анастасия Валерьевна Келяе-Пелле,*

Нина Анатольевна Смирнова

Верстка *Алексей Дмитриевич Шпагин*

Компьютерная графика *Лев Львович Воронцов*

ЛР № 030129 от 02.10.91 г.

Подписано в печать 05.02.96 г. Усл.-печ. л. 19,4.

Издательский центр «ТЕРРА».

113184, Москва, Озерковская наб., 18/1, а/я 27.

